

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1 (21)

Киров
2021

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1 (21)

Kirov
2021

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Новиков М. В., Перфилова Т. Б.</i> Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М. М. Хвостова	7
<i>Ковалев В. И.</i> Особенности хозяйственной деятельности крестьян Старооскольского района в период немецкой оккупации.....	17
<i>Чемоданов П. А.</i> «Хлеб продаём, но не всем!»: отмена хлебных карточек на территории Кировского края в начале 1935 года.....	25
<i>Коршунков В. А.</i> На дорогах и по рекам: разбойники и память о них в Вятском крае.....	34
<i>Тихомиров Н. В. А. В.</i> Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг.	49
<i>Лебедев И. М.</i> Вопрос об адресате «Философических писем» П. Я. Чаадаева в связи с его религиозно-мистическими воззрениями	56
<i>Кузнецов К. В.</i> Внутрипартийная борьба в Ленинграде в 1926–1928 гг.: эмоциональные характеристики апелляций оппозиционеров	64

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Салимова Э. А.</i> «Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в арабских странах	73
--	----

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ходячих С. С.</i> Память о жертвах немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти в современной Польше.....	79
<i>Первощиков Д. В.</i> Месть за Майданек: о воинах из Удмуртии, выживших в концлагере	88
<i>Михайлов И. В.</i> Американская стратегия «расширения демократии» после окончания холодной войны	94

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Русланов Е. В.</i> Стратиграфия и культурная идентификация городища Чукраклы и селища Кармасан в лесостепном Предуралье	101
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ковалев Б. В., Жуков А. П.</i> Композиционный параллелизм в романе М. Варгаса Льосы «Зеленый дом»	110
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Степанцевич Т. В.</i> Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России	119
---	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Novikov M. V., Perfilova T. B.</i> The concepts of "society" and "evolution" in the interpretation of M. M. Hvostov	7
<i>Kovalev V. I.</i> Features of the economic activity of the peasants of the Stary Oskol district during the German occupation	17
<i>Chemodanov P. A.</i> "We sell bread, but not to everyone!": cancellation of bread cards on the territory of the Kirov Region in early 1935.....	25
<i>Korshunkov V. A.</i> On the Roads and Rivers: Robbers and Memory of Them in the Vyatka Region.....	34
<i>Tihomirov N. V. A. V.</i> Shestakov as a leading critic of the historical concept of M. N. Pokrovsky in the second half of the 1930s.....	49
<i>Lebedyantsev I. M.</i> The question of the addressee of P. Ya. Chaadaev's "Philosophical Letters" in connection with his religious and mystical views	56
<i>Kuznetsov K. V.</i> Internal party struggle in Leningrad in 1926–1928: emotional characteristics of opposition appeals	64

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP AND FOREIGN POLICY

<i>Salimova E. A.</i> "Soft power" in the foreign policy of the Russian Federation in the Arab countries.....	73
---	----

GENERAL HISTORY

<i>Khodyachikh S. S.</i> Memory of the victims of the German Nazi concentration camps and death camps in modern Poland.....	79
<i>Perevoshchikov D. V.</i> Revenge for Maydanek: about the soldiers from Udmurtia who survived in a concentration camp	88
<i>Mikhailov I. V.</i> The American strategy for "expanding democracy" after the end of the Cold War	94

ARCHEOLOGY

<i>Ruslanov E. V.</i> Stratigraphy and cultural identification of the Chukrakil settlement and Karmasan settlement in the forest-steppe Urals.....	101
--	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Kovalev B. V., Zhukov A. P.</i> Compositional parallelism in the novel "The Green House" by M. Vargas Llosa	110
--	-----

CULTURAL STUDY

<i>Stepantsevich T. V.</i> Transformation of the Great Patriotic War Commemoration practices in modern Russia	119
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 316(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.001

Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М. М. Хвостова

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматриваются концепты «общество» и «эволюция», которые были главными для М. М. Хвостова, именно вокруг них концентрировались теоретические установки и конкретная предметная осведомленность казанского профессора. Подчеркивается, что Хвостов стремился доказать связь любых явлений общественной жизни, включая политические, экономические и социальные, с человеческой психикой, акцентируя внимание на том, что общество является не простым механическим соединением человеческих психик, а их сложным сочетанием. Рассматривая теоретические подходы к проекции особенностей живого организма к человеческому обществу, Хвостов выделял три принципиальных отличия: общество в отличие от живого организма не имеет определенной материальной формы и может менять свои территориальные рамки, политическое устройство и т. д.; общество состоит из автономных индивидов; связь частей организма носит физический характер, а связь индивидов в обществе – психический. Отмечается, что при рассмотрении концепта «эволюция» Хвостов не смог полностью отказаться от применения принципов эволюции живой природы к обществу, в то же время он понимал эволюцию общества как постепенный процесс. Хвостов не являлся сторонником гегелевского диалектического принципа развития, подразумевавшего, в том числе, его дискретный, скачкообразный, то есть революционный характер. Примечательно, что Хвостов ни разу не упомянул о влиянии на эволюцию общества телеологических сил, подчеркивая свою привязанность к лагерю адептов доказательной точной науки. Подчеркивается, что Хвостов в отличие от классических позитивистов, соединявших эволюцию общества с жесткими законами общественного развития, признавал индивидуализирующий характер истории.

Ключевые слова: философия истории, общество, эволюция, человеческая психика, позитивизм, неокантианство, социология, социологическая история.

Рассмотрев точки профессионального роста известного российского историка Михаила Михайловича Хвостова (1872–1920) в наших предыдущих публикациях [8–10], мы обращаемся к его творчеству, к анализу попыток профессора Казанского университета внести свой вклад в развитие теоретико-методологических основ исторической науки.

Главными концептами, собирающими вокруг себя историософские знания, теоретические установки, конкретную предметную осведомленность М. М. Хвостова, судя по дефиниции понятия «история» и определению задач теории истории, являются категории «общество» и «эволюция». К их интерпретации профессором мы сейчас и приступим.

«Человеческое общество, – сообщил М. М. Хвостов, – есть совокупность индивидов, находящихся в более или менее устойчивом взаимодействии» [17, с. 8, 12]. Общества как нерасчлененного «физического тела» не существует, но и назвать обществом простое – «механическое» – соединение отдельных лиц мы не можем, рассуждал он, потому что и сущность общества, и характер всех общественных явлений детерминированы индивидуальной и коллективной психикой. Исходя из убеждения в том, что «общественные явления по своей сущности суть явления психические» [17, с. 12], профессор стремился доказать (на деле – продекларировать) неразрывность связи любой сферы общественной жизни с человеческой психикой¹.

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2021

¹ Убеждение М. М. Хвостова в психологическом детерминизме всех общественных явлений и процессов, по всей видимости, имело своими истоками, помимо «Системы логики» Дж. С. Милля, еще и труд Э. Бернгейма «Введение в историческую науку», в котором упоминались законы «психической

«Понятие о власти – явление психическое», – заявлял он, так как оно связано с эмоционально-волевыми импульсами, «вызываемыми сознанием власти». Экономические явления – «тоже явления психического ряда», так как их восприятие происходит через создаваемое психикой понятие «ценность». «Общественный класс... как совокупность индивидов, сплоченных психически», и, прежде всего общностью интересов, – тоже явление психическое. Университет как общественное учреждение со взаимным общением учащихся и учащихся, само собой, констатировал преподаватель, подходит под унифицированную рубрику «психическое явление» [13, с. 12].

Эти примеры не дают повода усомниться в том, что М. М. Хвостов был сторонником психологической интерпретации общественной жизни. Он искал корни социального в человеческой психике, сводил социальный процесс к психическим реакциям индивидов, а общественные отношения – к межиндивидуальным коммуникациям.

При такой трактовке общества на первый план выступали взаимные психические контакты людей, а не общественный строй, не производственные, классовые и другие общественные отношения, хотя переход от биологического детерминизма к психологическому создавал видимость учета специфики общественной жизни [6, с. 54, 61, 63, 69].

Протестуя против искусственно упрощенного восприятия общества, которым грешили биологические детерминисты, М. М. Хвостов акцентировал внимание своей аудитории на том, без сомнения, важном факте, что «общество является не простым конгломератом отдельных психик, не простым механическим их соединением, а сложным сочетанием этих психик» [17, с. 13]. Ассоциация общества с биологическим организмом, единым и неделимым, целокупной системой взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, структур и систем, где интеграция в одно целое сопровождается необходимой «дифференциацией частей и функций» [17, с. 15], казалась ему самым подходящим дидактическим приемом. Однако дальнейшее объяснение, исходившее из постулатов классической социологической литературы, уже граничило с ретроградством.

Строя свои умозаключения в контексте натуралистической социологии, М. М. Хвостов опирался на работу «Основы социологии» крупнейшего социолога-позитивиста, одного из родоначальников социал-дарвинизма Г. Спенсера [14; 15]. В ней содержались не только примеры генерализации идущего от античности опыта аналогий человеческого общества с «животным организмом» [17, с. 13], но и целостная модель социальной эволюции на базе впервые разработанной английским ученым «органической теории общества»².

подчиненности», а также монографию Н. И. Кареева «Введение в изучение социологии», рекомендованную студентам в числе «пособий» по философии истории [17, с. 7]. Во всяком случае, многие примеры, не говоря уже о рассуждениях известного отечественного историка, философа и социолога Н. И. Кареева, мы можем обнаружить в «Лекциях по методологии и философии истории» М. М. Хвостова. Приведем несколько показательных высказываний академика, чтобы подтвердить наше наблюдение.

«Все общественные явления (и в их числе учреждения), – констатировал Н. И. Кареев, – в последнем анализе сводятся к взаимным отношениям между членами общества, а эти отношения суть не что иное, как разные действия, воздействия, противодействия и взаимодействия людей, в основе коих лежат внутренние акты воли» [4, с. 99].

«Существование между людьми общественной связи порождает взаимодействие экономическое, предполагающее уже существование взаимодействия психического. Последнее, в свою очередь, представляет собою совокупность великого множества явлений, происходящих в коллективной жизни. Все, что создает зависимость одной личности от других, зависит от окружающей ее культурной и социальной среды» [4, с. 104].

«Национальное и классовое самосознание есть не что иное, как самосознание отдельных представителей нации или класса... результат психического взаимодействия между отдельными индивидуумами, держащееся в пространстве и времени силами внушения и подражания» [4, с. 103, 108].

Обращая внимание на необходимость изучения психологии личности и общества, а также бессознательных элементов психики, Н. И. Кареев утверждает, что именно коллективная психология как наука «теоретическая и общая» должна стать «непосредственной основой социологии» [4, с. 104, 105].

² Модель социальной эволюции Г. Спенсера заключалась в обосновании «Закона Развития» как применительно к целому обществу (его росту, строению, отправлениям – функциям, «системам органов»: поддержания жизни, распределительной и регулятивной), так и его важнейшим «организациям»: «семейной, политической, церковной, церемониальной, промышленной» [14, с. 452, 462].

Обоснованная обширным этнографическим материалом концепция социолога сводилась к следующим основным положениям: «Общества суть агрегаты, которые растут... Возрастание в объеме сопровождается возрастанием сложности строения... С прогрессом усложнения эти дифференциации

М. М. Хвостов не возражал против взвешенного, лишённого крайностей использования органической теории для осмысления системно-структурных отношений и функциональных связей в различных типах обществ в диахронной перспективе их культурного развития. «Простая аналогия» человеческих обществ с живыми организмами, хотя ничего и не объясняла, полагал он, но все же «наталкивала» на наблюдения и «побуждения мысли», которые сыграли важную роль в разрушении псевдонаучных представлений, например, устранили ошибки механической теории общества [17, с. 17].

Наглядный, образный объяснительный редукционизм также «сыграл громадную роль в методическом отношении»: по мнению М. М. Хвостова, он стал инструментом научных прозрений, и даже толчком для появления аподиктических теорий, правда, нуждавшихся в дальнейшем подтверждении эмпирическим материалом. К примеру, простейшие организмы, не знавшие дифференциации функций и не нуждавшиеся в «связности частей», по его представлениям, послужили моделью описания «простого общества... с первобытной культурой»: оно также легко могло распаться на части, способные изолированно существовать друг от друга, как и организмы одноклеточных животных [17, с. 15, 16].

Другое дело «общество со сложной культурой (например, современное)»: для возникновения даже гипотетических представлений об особенностях его организации тип простейших организмов уже не подходил. Такое общество «не может жить без класса фабричных рабочих, а этот класс рабочих, имеющих специальную функцию как бы отдельного органа общественного организма, не может существовать... без класса носителей капитала, (а также. – *Авт.*) землевладельцев, земледельцев», так как чем сложнее общество, «тем сильнее дифференциация частей и сильнее интеграция целого», – пояснял М. М. Хвостов, сам используя сравнение высокоразвитых обществ со «сложным организмом млекопитающих», которому грозила бы смерть при утрате жизненно важных функций [17, с. 15, 16].

Но все же, отдавая дань должного уважения натуралистическим идеям, он, ориентируясь на Г. Спенсера, тоже осознававшего ограниченность органической теории [3, с. 87; 6, с. 26, 27; 15, с. 500–503], сделал попытку ее усовершенствования. При помощи сравнительного анализа профессор продемонстрировал отличия общества «от животного организма». Первое отличие, по его мнению, состояло в том, что «общество не имеет определенной материальной формы»: оно может менять территории расселения, политическое устройство и т. д. Второе отличие заключалось в автономии индивидов, составлявших общество: каждый из них представляет из себя «отдельную клеточку организма» [15, с. 505–513]. Наконец, третье – определялось характером взаимоотношений составлявших общество индивидов: «связь индивидов в обществе имеет психический характер, а связь частей в организме – физический» [17, с. 18].

Эти аргументы оберегали его от «натяжек» и «бесполезных сравнений» «крайних представителей органической теории», к числу которых он причислял Р. Вормса [17, с. 17], и не позволяли превратить прием аналогий в грубое отождествление биологических организмов с социальными явлениями, хотя и ему, и его современникам казалось, что именно «биологическая основа» вдохновила Г. Спенсера «строить свою социологию»³: признать универсальность

умножаются все более и более. Они идут всегда от общего к специальному... Переходя от строения к отправлению, мы видим, что пока все части общества сходны и по своему строению, и по своей деятельности, между ними едва ли существует хотя какая-нибудь зависимость... Но по мере того, как разные части агрегата принимают на себя различные отправления, они становятся все более и более зависимыми одна от другой... Возрастание специализации отправлений ведет к возрастанию неспособности каждой части выполнять функции других частей...

Общественное развитие составляет часть развития вообще. Подобно всем вообще развивающимся агрегатам, общества обнаруживают *интеграцию*, проявляющуюся как в простом возрастании массы, так и в слиянии отдельных масс между собою, а затем в новом слиянии этих сложных масс. Переход от *однородности* к *разнородности* обнаруживается... в целом длинном ряду, начинающемся простым племенем, сходным во всех своих частях, и кончающемся цивилизованной нацией, преисполненной бесчисленных структурных и функциональных несходств. Возрастание интеграции и разнообразности сопровождается возрастанием *связности* между частями... Одновременно с этим обнаруживается возрастание *определенности*...» [15, с. 650–654].

³ Это мнение разделяют и современные ученые. Так, А. Б. Гофман утверждает: «Биология для Спенсера играла роль научно-методологического прецедента: из нее он черпал гипотезы, методы доказательств, проверки выводов и т. п. Биологические аналогии он сравнивал со строительными лесами, от которых за ненужностью отказываются по окончании строительства» [2, с. 137, 138].

биологических законов (борьба за существование, естественный отбор и выживание наиболее приспособленных особей к адаптации в новых условиях), использовать идею саморазвития, заимствованную из теории биологической эволюции, в отношении культурных и социальных форм. Принцип подобия животного организма и общества позволил Г. Спенсеру обосновать и фундаментальную по своему значению мысль о социальной эволюции, превратив понятие «эволюция» в основу своей философии и сформулировав закон эволюции общества «по формуле эволюции органической» [4, с. 53–65; 14, с. 452].

Испытывая уважение к научным заслугам Г. Спенсера и признавая важность органического направления в социологии, М. М. Хвостов кратко передает учение английского мыслителя об эволюции, состоящей из «интеграции материи, сопровождаемой рассеянием движения», к «дифференциации частей и функций... организма» [17, с. 15]. «Эволюция, – замечает М. М. Хвостов, – есть переход от недифференцированной бессвязности к дифференцированной связности» [17, с. 15]. «По мнению Спенсера, – конкретизировал он предыдущее положение, – в общественном организме, как и в животном, происходит эволюция, состоящая из процесса дифференциации частей и функций этого организма и, параллельно с этим, интеграция их в одно целое. С течением времени увеличивается число частей организма и разнообразятся функции этих частей; в то же время связь частей делается более прочной, необходимой» [17, с. 15].

Оставляя без комментариев сильные и слабые стороны концепций эволюции и социальной эволюции одного из основоположников позитивизма⁴, М. М. Хвостов делегирует нам проведение аналитической работы о степени заимствования из учения Г. Спенсера наиболее значимых для его сознания идей и принципов эволюционной трактовки общественного процесса.

Итак, по Хвостову, «эволюция, или развитие, есть постепенное изменение чего-либо во времени при условии постоянного усложнения эволюционирующего предмета» [17, с. 18].

В этом определении нет биологической коннотации Г. Спенсера и смысловых отсылок к органическому направлению социологии; отсутствуют и знаковые для научного лексикона английского мыслителя слова «интеграция» и «дифференциация», характерные для тезауруса как биологии, так и математики XIX в. [13, с. 37]: они будут подразумеваться при разъяснении М. М. Хвостовым социальной эволюции, но заменятся другими выражениями, подчеркивавшими не биологическую, а общественную среду, охваченную изменениями.

Дважды повторенное слово «постепенное» указывает на то, что профессор не являлся сторонником гегелевского диалектического принципа развития и не признавал (или, во всяком случае, не приветствовал) изменения «чего-либо» скачкообразно с приведением в движение дискретного механизма, разрывавшего естественную связь прошлого с настоящим и будущим. Аналогичное представление о способе осуществления эволюционно проходивших процессов имел и Г. Спенсер⁵.

М. М. Хвостов представлял процесс развития в линейных характеристиках, апеллируя к поступательной модели изменений, выражавшейся в подспудно протекающих реакциях накопления любых положительных преобразований (структурного, функционального, каче-

⁴ «Главный философ теории развития» Г. Спенсер разработал свои эволюционные идеи еще до появления «Происхождения видов» Ч. Дарвина, но стал одним из горячих защитников эволюционной биологии, изучающей происхождение мира растений и животных.

Экстраполировав принцип борьбы за существование из биологии в социологию, Г. Спенсер смог на обширном этнографическом материале выстроить систему научных доказательств, подтверждающих наличие «предельно общих закономерностей, свойственных сложным системам». Хотя построенная Г. Спенсером социология была, по определению Н. Ф. Уткиной, «организмической», она создавалась «не в стиле старых организмических теорий, проводивших параллель между социальными ролями общественных страт и функционированием органов в живом организме. Его социальная теория уподобляла общество любому другому эволюционирующему организму...»

Заимствуя у В. Гарвея, К. Вольфа и особенно К. Бэра ту истину, что «всякое органическое развитие состоит в переходе от состояния однородности в состояние разнородности», Г. Спенсер смог сформулировать один из важнейших в своей философии законов: «всякая форма прогресса идет от однородности к разнородности». Условия разнородности обладают рядом преимуществ перед условиями однородности, главное из которых состоит в обретении разнородными системами необходимой им стабильности [16, с. 47–49, 216, 217].

⁵ Г. Спенсер подчеркивал незаметный, «нечувствительный» способ осуществления перемен во всех сферах общественной жизни. Он отрицал скачки и отстаивал естественный принцип вырезания всех без исключения изменений в жизни «социальных организмов» [15, с. 524, 534, 579].

ственного, количественного характера), запечатанных словом «усложнение». По сути, эволюция в данной трактовке, хотя и содержала умолчание об участии в ней сверхчувственных элементов сознания, все же не исключала наличия какой-то трансцендентной силы, незримо направлявшей процесс поступательного движения в сторону совершенствования «эволюционирующего предмета». Однако М. М. Хвостов не замечал в своих теоретических экспликациях присутствия телеологизма: он был уверен в непогрешимости эволюционной теории.

Само понятие «предмет», о котором идет речь в приведенном определении, мало подходило к характеристике человеческого общества, хотя именно о направлениях его эволюции профессор намеревался строить свои умозаключения, что следует из содержания «Лекций по методологии...»⁶. В этом случае он будто давал понять, откуда берут начало его социологические знания, но в то же время, будучи человеком другой страны и эпохи, постарался актуализировать всем известную терминологию. Заменив спенсеровское понятие «агрегат» на «предмет», он словно избавлялся от механистических реликтов сознания английского ученого, но сохранил при этом ту же лексическую обезличенность и ту же некорректную форму выражения мысли, какие в равной степени соотносятся и со словом «агрегат», и с понятием «предмет», если рассматривать их в контексте истории человечества.

Малозаметные в определении эволюции М. М. Хвостова рецепции органической теории Г. Спенсера значительно ярче имплицированы в те разделы теории истории казанского профессора, которые были посвящены условиям, вызывавшим эволюцию «чего-либо», и направлениям изменений в человеческих коллективах.

«Эволюция имеет место лишь тогда, – уверенно заявлял он, – когда налицо следующие условия: 1) должна быть среда, вызывающая изменения предмета; 2) необходимо, чтобы предмет с самого начала состоял из элементов, могущих входить в новые комбинации» [17, с. 18].

Влияние среды, или «явлений физического порядка», он иллюстрирует демографическими процессами – «физиологической тенденцией к размножению», которой не удается избежать ни одному обществу [17, с. 18, 19].

Пять следующих направлений эволюции можно разнести в две группы: саморазвитие общества и саморазвитие индивида. Первая тенденция проявлялась в том, что общество в ходе своего формирования усложнялось: в нем создавались «новые группировки индивидов (родовые соединения, классы, сословия, союзы и т. д.)», что могло как усиливать, так и ослаблять связи между индивидами или «их группами». «Новые связи» неминуемо возникали, когда появлялись новые потребности или на повестку дня выступали интересы самозащиты. Так, «связь между частями общества усложнилась» в ходе начавшегося разделения труда: создания групп «земледельческого населения» и «городского промышленного хозяйства» [17, с. 19].

Очевидно, что процесс общественного развития, изложенный М. М. Хвостовым по образцу, разработанному Г. Спенсером⁷, первоначально совпадал со схемой интеграции, то есть

⁶ «Теперь мы займемся вопросом о том, что такое эволюция общества» – эти слова М. М. Хвостова предваряют вышеприведенное определение эволюции [17, с. 18].

«Мы можем представить себе дедуктивно, в каком направлении может эволюционировать человеческое общество» – эти слова являются переходом от определения эволюции к последующим рассуждениям, важным для М. М. Хвостова [17, с. 18].

⁷ Анализируя стадии дифференциации общества, Г. Спенсер писал: «В обществах, как и в живых существах, возрастание общей массы сопровождается возрастанием сложности строения. Параллельно с той интеграцией, которая составляет первичную черту развития, в обоих этих случаях обнаруживается... и вторичная черта развития, заключающаяся в дифференциации... Во всяком постоянном агрегате, достигающем до сотни человек... мы находим... правительственный аппарат... действительно пользующийся... властью. В этом состоит первая общественная дифференциация. Вскоре, вслед за нею, возникает обыкновенно вторая дифференциация, стремящаяся установить разделение между направительной (regulative) и исполнительной (operative) частями общества... Совершенно очевидно, – резюмировал он раздел, посвященный генезису общественного неравенства, – что увеличение массы всегда сопровождается возрастанием сложности строения» [15, с. 524, 525].

Разделение труда в сферах общественного производства трактуется Г. Спенсером в контексте «прогрессирующей дифференциации отправления», или иначе функций, которые закрепляются за разными общественными стратами: «Возникающий господствующий класс не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями; когда же этот класс распадается далее на подклассы... то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый совершенно особую часть общего контроля. В классах, подчиненных этому контролю, наблюдается то же самое. Различные группы... выполняют различные занятия...»

сплочения мелких общественных групп в более крупные социальные объединения: классы, сословия, союзы. Со временем интеграция начала сопровождаться дезинтеграцией, заменившей однородность новых социальных образований разнообразием социальных элементов, которые различались своими профессиональными обязанностями и статусными ролями.

Описание направлений общественной эволюции осуществлялось при помощи таких понятий, как однородность и разнородность, дифференциация и интеграция, усложнение и упрощение организации. Это переводило осуществлявшийся анализ в план поиска закономерностей функционирования любой сложной развивающейся системы, то есть снимало специфику именно социальной организации, которая уподоблялась биологическим прототипам. Исследователь легко впадал в антиисторизм, так как чрезмерная общность и неопределенность взятых из естествознания категорий лишали его возможности укоренять изучавшийся процесс в только ему присущих пространственно-временных координатах.

Не замечая этих просчетов в рассуждениях теоретика эволюционизма, М. М. Хвостов не мог обнаружить и того, что Г. Спенсер путал физиологическое и экономическое разделение труда, так как в трактовке философа развитие происходит путем растущей разнородности целого за счет сужавшейся специализации частей⁸. Рассмотренный с этой точки зрения прогресс общества ставился в зависимость от разнообразия социальных функций, выполнявшихся все более специализированными, приспособленными для осуществления частных операций членами общества [16, с. 106, 107; 5, с. 12].

При анализе второй тенденции эволюции, затрагивавшей вовлеченного в профессиональные и классовые структуры человека, М. М. Хвостов уже не так усердно следовал за Г. Спенсером, для которого индивид был лишь единицей агрегата, а люди [14, с. 10, 11] – «человеческими существами, не сходными между собой по отношению к количеству ощущений и чувства, вызываемых в них одинаковыми причинами» [14, с. 512]. Непреднамеренный характер общественного развития, напоминавший отсутствием прямых указаний на телеологичность эволюцию животного мира, он соединял с предопределенной и целесообразной деятельностью индивида, отрицая, таким образом, произвольность и непредсказуемость социальных перемен. В таком понимании процесса социального развития профессор демонстрировал свою причастность к социально-психологическому направлению историографии⁹, которое объясняло явления общественной жизни процессами психического характера, совершавшимися и в сознании индивида, и в пространстве общественного взаимодействия [4, с. 30].

Акцентируя внимание на умственной жизни индивида, то есть на присущем только обществу людей осознанном характере социальных изменений, М. М. Хвостов демонстрировал отстраненность от органической теории общества. Обращаясь к фактам, не имевшим никакого отношения к биологическим аналогиям, он, в отличие от Г. Спенсера, подчеркивал уникальность социальной эволюции, которая выражалась, по его мнению, в решающем влиянии на общественный процесс волевой, идейной, эмоциональной сторон психической природы человека.

«В обществах сложных, – отмечал он, – появляется новое явление, которого не существует в примитивных обществах: это *сознательное воздействие* общества или его части на структуру общества» [17, с. 19]. От осознанных намерений индивидов зависят их действия,

В зачаточном обществе каждый член его есть одновременно воин, охотник, домостроитель, изготовитель всех необходимых орудий и проч.: здесь каждая часть (общественной организации. – *Авт.*) удовлетворяет себя всем своим нуждам. Переход к общественному состоянию, характеризующемуся существованием постоянной армии, может совершиться только с развитием в обществе таких приспособлений, в силу которых остальные его члены будут снабжать армию пищей, одеждой и боевыми снарядами. Если мы видим, что одна часть населения занимается исключительно земледелием, другая – горным делом и т. д., что одни производят товары, а другие распределяют их... то все это возможно лишь при одном условии... (получении. – *Авт.*) в обмен на специальную услугу, оказываемую всем другим частям... соответственной доли их специальных услуг.

Разделение труда, впервые указанное экономистами... есть именно та особенность, как в обществе, так и в животном, которая делает каждое из них живым целым...» [15, с. 502, 503].

⁸ Многочисленные примеры содержатся во втором томе «Оснований социологии» Г. Спенсера, причем они касаются как всего «общественного организма» в целом [15, с. 526–529], так и отдельных «его органов»: «системы органов питания», распределительной и регулятивной систем [15, с. 551–603].

⁹ Сомнения в этом закрадываются тогда, когда изменения в «психике индивидов» М. М. Хвостов выражал при помощи понятия «консистенция» [17, с. 19], заимствованного из тезауруса естественных наук.

которые приносят «перемены в строении общества», сопровождавшиеся развитием права, обновлением экономического уклада, реформированием общественных связей. Происходит и «видоизменение отношений общества к окружающей среде: к природе, соседям» [17, с. 20].

Резюмируя шесть «типичнейших форм эволюции общества»¹⁰, М. М. Хвостов отмечает универсальный характер своих обобщений, доступных верификации «любыми историческими фактами»; подчеркивает «взаимную связь» эволюционных процессов, непрерывно происходивших и в самом обществе, и в человеческой психике; объясняет причины неспособности всего общества быть инициатором структурных и содержательных изменений в жизни, закрепляя функцию перемен за «наиболее сознательной и культурной частью» социума; выводит заключение о готовности сознания индивидов воздействовать на историю только «на стадиях значительного культурного развития» и отсутствия такой перспективы в «примитивных» обществах, едва порвавших с зоологическим миром [17, с. 19, 20].

Таким образом, при рассмотрении концепта «эволюция» М. М. Хвостов продемонстрировал преемственность представлений о социальных изменениях во времени с органической теорией Г. Спенсера. Отталкиваясь от идей интеграции и дифференциации и используя принцип аналогии с животным миром, он сформулировал ряд обобщений, связанных с признанием общественной эволюции, и объясняющих условия и направления ее осуществления.

Он ни разу не обмолвился о влиянии метафизических сил на процесс развития или о присутствии скрытого телеологизма, подчеркивая свою принадлежность к лагерю адептов доказательной точной науки. Таким способом он засвидетельствовал естественнонаучный характер и стиль своего мышления, прочно соединявший его с позитивистской научной парадигмой.

Этот факт заслуживает внимания. Идея естественного развития стала неотъемлемой принадлежностью исторического мировоззрения М. М. Хвостова. В то время как к концу XIX в. укреплялся лагерь антидарвинистов, искавших доказательства эволюционизма в существовании трансцендентных сил, М. М. Хвостов прочно охранял свои убеждения от вмешательства «сверхъестественного»¹¹.

В то же время его интерес к психологическим факторам социальных изменений может свидетельствовать о попытках реформировать догматическую эволюционную теорию за счет модных подходов к изучению общества и социального быта. К их числу и относились способы психологизации общественных процессов и явлений. Поэтому как ни дорога для М. М. Хвостова была мысль о естественном, органическом, самопроизвольном поступательном движении общества, он дополнил ее идеей преднамеренного, сознательного, целенаправленного действия индивидов, эксплицируя, таким образом, важность постижения духовного (психического) бытия людей в процессе социальной эволюции. Возможность индивидов изменить поступательный вектор эволюционного маршрута он детально не рассматривал и разрывы в цепи плавных преобразований (в контексте приведенных рассуждений) не увязывал с проявлениями личностного начала.

Упоминания о физических и психических сторонах жизни человека и общества [17, с. 8, 9], могли свидетельствовать об осознании М. М. Хвостовым историко-социального развития как сложного, многослойного, постоянно изменявшегося, противоречивого в своих тенденциях эволюционного процесса. В любом случае, вкрапления чуждого первой волне позитивизма мировоззрения в рассуждениях профессора найти не сложно [11, с. 86–89].

Однако важно обратить внимание на то, что, следуя эволюционному подходу, который у классических позитивистов соединялся с поиском неизменных законов общественного

¹⁰ Прежде, представляя их «дедуктивно», М. М. Хвостов заменял слово «формы» словом «направлениями». Всего их было, по его разумению, шесть: «Рост населения... эволюция внутри самого общества» в связи с созданием «новых группировок индивидов»; усиление, ослабление или образование новой связи «между индивидами или их группами»; эволюция «психики индивидов»; сознательное воздействие общества или его части на процесс социальных преобразований; изменение отношения общества к окружающей среде [17, с. 18–20].

¹¹ Н. Ф. Уткина приводит немало примеров, свидетельствующих о попытках изобличить «новое монистическое мировоззрение», которое признавало закономерности эволюционных процессов в органическом мире. Сам факт эволюции антидарвинисты объявляли лучшим доказательством деятельности трансцендентных сил, так как развитие в органическом мире казалось им невозможным без внутренне присущего организмам целепологающего начала или руководящей воли божественного творческого акта [16, с. 217–225].

развития, М. М. Хвостов не забывал о признании индивидуализирующего характера истории, лишенной, в его представлениях, номотетики. Передав идею поступательного развития общества, он проигнорировал требование позитивизма о поиске сугубо социальных законов, соразмерных по своей значимости с законами развития живой природы¹².

Список литературы

1. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. с нем. ; под ред. проф. С. Е. Сабинина. Москва : М. Н. Прокопович, 1908. 135 с.
2. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии : учебное пособие для вузов. 4-е изд., испр. Москва : Университет, 2000. 216 с.
3. Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 312 с.
4. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
5. Ковалевский М. М. Социология. Сочинение в двух томах. Том 1. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. 288 с.
6. Кон И. С. Позитивизм в социологии : исторический очерк. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1964. 207 с.
7. Милль Дж. С. Система логики. Издание второе. Т. 1. Москва, Санкт-Петербург : М. О. Вольф, 1878. 539 с.
8. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
9. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. М. М. Хвостов: восхождение к вершинам научной и профессиональной деятельности // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4. С. 89–100.
10. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
11. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 221 с.
12. Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 259 с.
13. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / Под ред. Е. А. Чагина. Ленинград : Наука, 1978. 416 с.
14. Спенсер Г. Основания социологии: пер. с англ. Том первый. Санкт-Петербург : И. И. Билибин, 1876. 493 с.
15. Спенсер Г. Основания социологии: пер. с англ. Том второй. Санкт-Петербург : И. И. Билибин, 1877. 895 с.
16. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). Москва : Наука, 1975. 320 с.
17. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. Москва : Либроком, 2011. 101 с.

¹² М. М. Хвостов стремился сохранить верность заявленным познавательным принципам в своей научной и профессиональной деятельности. Упоминания о законах, вносящих перемены в жизнь человеческих сообществ, приводились им только в контексте вечных, пригодных на все времена законов, которые регулировали порядок в мире природы. По его рассуждениям выходило, что человек как биологический вид, интегрированный в природу – естественную среду обитания, неминуемо был подвержен воздействию этих же непреодолимых законов, вслепую регулировавших взаимодействие живой и неживой природы и определявших ее эволюцию. Он писал: «В жизни общества, как и в жизни природы, приходится считаться с тем общим законом, что *все пребывает в покое, пока оно не выведено из состояния покоя*». Называя этот закон законом инерции, М. М. Хвостов подчеркивал его универсальный характер: «То, что верно по отношению к природе, верно и по отношению к человеческому обществу» [17, с. 83].

Второй «мировой закон» был связан с борьбой за существование: «Для человека эта борьба является не простым инстинктом, а системой разумных коллективных действий» [17, с. 71].

Хотя названные «естественные» законы, одинаково применимые ко всем живым организмам (и человеку, в том числе), могут указывать на доверие М. М. Хвостова социал-дарвинизму [6, с. 44], ход его мыслей не был оригинальным, и источники подобных суждений найти несложно. Так, примеры аналогичных суждений можно встретить в монографии Э. Бернгейма «Введение в историческую науку». Немецкий теоретик категорически отвергает попытки «нахождения общих законов» исторического развития. Только в том случае, считал он, если воспринимать общество разновидностью биологических организмов, а человека – сугубо биологическим видом, можно руководствоваться «вечными» законами с «заранее предопределенными следствиями соответствующих причин» [1, с. 22, 30, 36, 54].

Примеры, приводившиеся М. М. Хвостовым, могут говорить о том, что двуединая природа человека иногда им элиминировалась.

The concepts of "society" and "evolution" in the interpretation of M. M. Hvostov

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.

Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The concepts of "society" and "evolution" are considered, which were the main ones for M. M. Hvostov, it was around them that the theoretical attitudes and specific subject awareness of the Kazan professor were concentrated. It is emphasized that Hvostov sought to prove the connection of any phenomena of social life, including political, economic and social, with the human psyche, emphasizing that society is not a simple mechanical connection of human psychics, but their complex combination. Considering theoretical approaches to the projection of the features of a living organism to human society, Hvostov identified three fundamental differences: society, unlike a living organism, does not have a certain material form and can change its territorial framework, political structure, etc.; society consists of autonomous individuals; the connection of parts of the organism is physical, and the connection of individuals in society is mental. It is noted that when considering the concept of "evolution", Hvostov could not completely abandon the application of the principles of the evolution of wildlife to society, at the same time, he understood the evolution of society as a gradual process. Hvostov was not a supporter of the Hegelian dialectical principle of development, which implied, among other things, its discrete, abrupt, that is, revolutionary character. It is noteworthy that Hvostov never mentioned the influence of teleological forces on the evolution of society, emphasizing his attachment to the camp of adherents of evidence-based exact science. It is emphasized that Hvostov, unlike the classical positivists, who combined the evolution of society with the rigid laws of social development, recognized the individualizing nature of history.

Keywords: philosophy of history, society, evolution, human psyche, positivism, neo-Kantianism, sociology, sociological history.

References

1. Bernheim E. *Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [Introduction to Historical Science] / transl. from Germ. ; ed. by Prof. S. E. Sabinin. M. M. N. Prokopovich. 1908. 135 p.
2. Hoffman A. B. *Sem' lekcij po istorii sociologii : uchebnoe posobie dlya vuzov. 4-e izd., ispr.* [Seven lectures on the history of sociology : textbook for universities. 4th ed., corr.] M. Universitet. 2000. 216 p.
3. Zhuravlev L. A. *Pozitivizm i problema istoricheskikh zakonov* [Positivism and the problem of historical laws]. M. Moscow University. 1980. 312 p.
4. Kareev N. I. *Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the study of sociology]. SPb. Typ. of M. M. Stasyulevich. 1897. 418 p.
5. Kovalevskij M. M. *Sociologiya. Sochinenie v dvuh tomah. Tom 1* [Sociology. The essay is in two volumes. Vol. 1]. SPb. Aleteia. 1997. 288 p.
6. Kon I. S. *Pozitivizm v sociologii : istoricheskij ocherk* [Positivism in sociology : historical essay]. Leningrad. Leningrad University. 1964. 207 p.
7. Mill J. S. *Sistema logiki. Izdanie vtoroe. T. 1* [System of logic. Second edition. Vol. 1]. Moscow, SPb. M. O. Wolf. 1878. 539 p.
8. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of the scientific worldview of M. M. Hvostov] // *Vestnik Moskovskogo universiteta – Herald of the Moscow University*. 2020. No. 4. Pp. 56–74.
9. Novikov M. V., Perfilova T. B. *M. M. Hvostov: voskhozhdenie k vershinam nauchnoj i professional'noj deyatel'nosti* [M. M. Hvostov: ascent to the heights of scientific and professional activity] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2020. No. 4. Pp. 89–100.
10. Novikov M. V., Perfilova T. B. *"Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Hvostov] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2020. No. 10. Pp. 166–173.
11. Safronov B. G. *Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vipperera i ego vremya* [Historical worldview of R. Yu. Vippera and his time]. M. Moscow University. 1976. 221 p.
12. Safronov B. G. *M. M. Kovalevskij kak sociolog* [M. M. Kovalevsky as a sociologist]. M. Moscow University. 1960. 259 p.
13. *Sociologicheskaya mysl' v Rossii. Ocherki istorii nemarksistskoj sociologii poslednej treti XIX – nachala XX veka* – Sociological thought in Russia. Essays on the history of non-Marxist sociology in the last third of the XIX – early XX century / ed. by E. A. Chagin. Leningrad. Nauka. 1978. 416 p.

14. Spenser G. *Osnovaniya sociologii: per. s angl. Tom pervyj* [Foundations of Sociology: trans. from English. Vol. 1]. SPb. I. I. Bilibin. 1876. 493 p.
15. Spenser G. *Osnovaniya sociologii: per. s angl. Tom vtoroj* [Foundations of Sociology: trans. from English. Vol. 2]. SPb. I. I. Bilibin. 1877. 895 p.
16. Utkina N. F. *Pozitivizm, antropologicheskij materializm i nauka v Rossii (vtoraya polovina XIX veka)* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia (the second half of the XIX century)]. M. Nauka. 1975. 320 p.
17. Hvostov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii* [Lectures on methodology and philosophy of history]. Ed. 2nd. M. Librocom. 2011. 101 p.

Особенности хозяйственной деятельности крестьян Старооскольского района в период немецкой оккупации

В. И. Ковалев

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных, естественнонаучных и технических дисциплин.

Губкинский филиал Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова.
Россия, г. Губкин. E-mail: pil41@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается политика оккупационных властей в отношении сельского населения Старооскольского района Курской области с июля 1942 г. по февраль 1943 г. На основе архивных материалов рассматривается ситуация, когда крестьяне данной территории в тяжелых социально-экономических условиях оккупации и постоянных притеснений были должны перейти к вынужденному сотрудничеству с военной немецко-венгерской администрацией, районной и городской управами, ради спасения себя и своих родственников от голодной смерти и угона на каторжные работы в Германию. Исследователь стремится воссоздать наиболее точную картину пассивного сотрудничества значительной части крестьянского населения в условиях временной оккупации и проведения второго этапа аграрной реформы фашистского режима. В исследовании, в частности, обрисованы особенности поэтапного, еженедельного ведения жатвы, скирдования, обмолота, намолота сельскохозяйственных культур, вспашки паров и посев озимой ржи в земельных обществах с достаточно полным анализом сельскохозяйственной деятельности крестьян Старооскольского района. В то же время фрагментарность и поверхностность изучения данной проблемы оставляет широкое поле для исследователя при изучении причин сотрудничества сельского населения и неудачи оккупационного режима в деле создания социальной базы поддержки в сельской местности новому политическому режиму в условиях временной оккупации российских территорий. Данная работа позволяет расширить сложившиеся представления об оккупационном режиме, о вынужденном сотрудничестве крестьян при проведении сельскохозяйственных работ на временно оккупированных территориях и способствует выходу в российской историографии на новый уровень осмысления проблемы.

Ключевые слова: крестьяне, земельное общество, Лебедянское сельское управление, Старооскольский район, оккупационный режим.

Изучение истории Великой Отечественной войны в настоящее время остается одним из значимых направлений в исторической науке. Недостаточно разработанной представляется тема экономического сотрудничества сельского населения отдельного региона с фашистскими оккупантами. Это важно с точки зрения рассмотрения полной истории Великой Отечественной войны.

Большую историческую ценность представляет работа исследователя И. Г. Гришкова [5]. Автор на основе документов областного архива впервые сделал вывод о значительных масштабах сотрудничества населения Курской области с оккупантами, а также перечислил ряд объективных и субъективных причин, подтолкнувших их на путь сотрудничества с оккупационным режимом.

По утверждению И. Ермолова, не представляется возможным провести четкую грань между сотрудничеством с оккупационным режимом в среде крестьянства и его вынужденной работой на оккупантов [6, с. 178].

В начале 1942 года нацистское руководство начало вводить новый аграрный порядок, по которому ликвидировался колхозный строй на территории РСФСР. Земля, скот, имущество, живой и мертвый инвентарь переходили земледельческим сельским общинам. Крестьяне были обязаны обрабатывать земли общинного хозяйства под контролем управляющего, назначаемого оккупационными властями. Собранный урожай поступал в распоряжение оккупационных властей. Крестьянам должны были заплатить, но размеры и формы оплаты не были объявлены [7, с. 108].

Сохранение колхозов в форме общинных хозяйств оказалось для оккупантов более удобным для эксплуатации крестьян. В Курской области, по мнению С. А. Никифорова, продо-

вольствие было изъято оккупантами, а его производство в необходимых объемах в условиях войны так и не было налажено. Кроме того, грабежом населения занимались не только гражданские власти, но в еще большей степени немецкое военное командование [9, с. 110].

По утверждению В. А. Коровина, всяческие заявления о стремлении наладить жизнь населения оккупированных районов оставались ширмой для сокрытия истинных целей гитлеровцев. Поэтому многие курские крестьяне саботировали хлебопоставки, прятали или уничтожали хлеб, резали скот, срывали сдачу молока [8, с. 227].

В свою очередь автор статьи исследует особенности проявления экономического сотрудничества крестьян Старооскольского района Курской области в период семимесячной немецкой оккупации, то есть со 2 июля 1942 г. по 5 февраля 1943 г.

Оккупационные власти объявили о ликвидации колхозного строя и восстановлении постепенно частной собственности в сельском хозяйстве. Они, опираясь на частновладельческие интересы крестьян и, применяя одновременно репрессии против сельских жителей, надеялись получать сельскохозяйственное сырье для нужд как своей армии, так и всей Германии, и рассчитывали держать крестьян в повиновении. Всё это могло бы создать социальную базу оккупационного режима среди сельского населения. Всё это нашло отражение в обращении оккупационных властей к крестьянам, где утверждалось, что новый земельный порядок – это основа для новой организации сельского хозяйства. Каждый честный и работающий крестьянин может получить из общественного хозяйства земельный участок, а также приусадебную землю, независимо от прежнего места жительства. Каждый должен оставаться там, где он работает и где его работа нужна [4, л. 179].

Роль в том, что население временно оккупированных территорий терпимо отнеслось к нацистскому режиму, сыграла насильственная коллективизация сельского хозяйства в Советском Союзе и незаконные репрессии в 1930-х гг. Сельские жители Старооскольского района в этом не были исключением. Чтобы расширить социальную поддержку среди селян, 4 сентября 1942 г. в оккупационной газете Старооскольского района «Новая жизнь» была опубликована статья «Порядок наделения приусадебными участками». В ней утверждается, что размер приусадебных участков может быть увеличен с тем условием, чтобы это не было в ущерб работе общинного хозяйства. Полевые земли должны быть использованы пока на общественных или товарищеских началах: либо целым обществом, либо группами дворов разного размера, начиная от двух и до десяти и более дворов. В сельских обществах группы подбираются на добровольных началах с условием, чтобы организованная группа успешно могла справиться со всеми видами сельскохозяйственных работ. При этом особенно подчеркивалось, что хозяйства, оказавшие услуги германскому командованию в части отличного, показательного отношения к выполнению сельскохозяйственных работ, а также крестьяне, отличившиеся в борьбе с партизанами и саботажниками, могут быть дополнительно наделены как усадебными участками, так и полевыми землями по особым распоряжениям командования и районного земельного управления [1].

Также важно отметить, что районная власть тем же путем хотела успешно вербовку селян на работу в Германию, то есть обещали, кто будет завербован немецкими властями на временную работу в Германию, не должны опасаться, что они из-за этого потеряют на родине право на земельный надел. Напротив, при наделе земли они будут иметь особые преимущества [4, л. 180].

Районным сельскохозяйственным комендантом германской армии Барденверпером было разрешено старостам района для индивидуального личного посева озимых выделить каждому крестьянскому двору земельные участки размером по 0,25 гектара. Земля должна была выделяться в паровом поле, к одному месту и сроком на снятие одного урожая озимых культур.

Обработка индивидуальных участков должна крестьянами проводиться в нерабочее в земельном обществе время и ни в коем случае не влиять отрицательно на успех уборочных и других работ, проводимых сообща земельным обществом [11].

Оккупационный режим в Старооскольском районе формировался в канун уборочной страды. В этих условиях оккупационные власти использовали политику «кнута и пряника» в отношении сельского населения и быстро создавали земельные общества. Крестьяне, в большинстве своем, не по своей воле и не осознанно вступали в сотрудничество с оккупантами, то есть принимали участие в уборке урожая, который, в первую очередь, был необходим как оккупационным властям, так и самим селянам, чтобы выжить в условиях войны.

В Долгополянском сельском общинном хозяйстве было 130 домохозяев. 4 августа 1942 г. был выписан следующий наряд на полевые работы: 10 подростков на боронование, 20 мужчин и 5 женщин на косьбу ржи, 30 женщин на вязание снопов, 5 мужчин и 25 женщин на сноску снопов в копны, 15 мужчин и 15 женщин на возку снопов в тыку, 10 мужчин и 10 женщин занимались скирдованием, несколько десятков женщин занимались прополкой проса, подсолнуха, свеклы, несколько мужчин и женщин косили сено и сгребали его в копны, несколько мужчин развозили сено и подвозили глину и воду, которые несколько женщин использовали для уборки, обмазки, побелки овоще- и зернохранилищ [2, л. 2]. Из этого наряда видно, что почти всё трудоспособное население данного земельного общества было загружено разнообразной работой. Можно предположить, что так проходили полевые работы и в другие дни и в других земельных общинах.

В начальный период оккупации, когда сельское население еще верило новой власти, достигались определенные успехи и старосты земельных обществ спешили сообщить об этом районному сельскохозяйственному управлению. Так, например, староста по бывшему колхозу 10 год Октября Долгополянского земельного общества № 2 22 августа 1942 г. сообщал Долгополянскому сельскохозяйственному управлению, что зернохранилище по приему нового урожая отремонтировано, произведена побелка известью, кругом помыты полки трех амбаров: один на 10 тонн, второй на 20 тонн, третий на 120 тонн [2, л. 11]. Крестьяне данного земельного общества всё это делали из-за того, что, во-первых, они оставались тружениками на земле и хотели, чтобы собранный урожай сохранился, во-вторых, еще не проявились истинные намерения новой оккупационной власти.

Автор также на основе архивных материалов исследует сотрудничество крестьян земельного общества «Пионер» Лебедянского сельского управления Старооскольского района. В следующей нижеизложенной таблице представлены сведения об этом обществе на 1 сентября 1942 г.

Таблица 1

**Общие сведения по земельному обществу «Пионер»
 Лебедянского сельского управления на 1 сентября 1942 года**
 [3, л. 134]

Наименование	Единицы измерения
Расположение	Деревня Иотовка
Количество пахотной земли	670 гектаров
Общая площадь под усадьбную землю	49 гектаров
Луга	22 гектара
Площадь засеянных земель на 1942 сельскохозяйственный год	326 гектаров
Посев озимой ржи на 1942 год	80 гектаров
Посев озимой пшеницы на 1942 год	20 гектаров
Посев яровой пшеницы	10 гектаров
Посев ячменя	10 гектаров
Посев овса	30 гектаров
Посев проса	90 гектаров
Посев гречихи	10 гектаров
Посев подсолнуха	70 гектаров
Посев картофеля	6 гектаров
Всего пара на посев в 1943 году	301 гектар
Количество работоспособных человек	140 людей
Количество детей от 12 до 16 лет	59 человек
Количество лошадей	3 головы
Количество коров	72 головы
Количество телят	35 голов
Количество овец	116 голов
Количество гусей	260 штук
Количество курей	195 штук
Количество пчелосемей	20 штук

При этом не было указано о посеве вики на зерно на площади 3 гектаров. Важно отметить, что о наличии живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря автору известно только то, что в земельном обществе «Пионер» осенью 1942 г. было 3 лошади и 2 молотилки.

Да и в целом, в Старооскольском районе сельскохозяйственного инвентаря было мало. Главный агроном Савинков в газете «Новая жизнь», в частности, писал, что зерноочистительных машин в районе недостаточно, их состояние очень плохое. Надо в полном объеме использовать эти машины и проявить изобретательность. В Рождественской и Долго-Полянской сельских управах по инициативе агронома Н. М. Апатенко были сделаны фанерно-ступенчатые горки. Стоимость этих горок была от 75 до 100 рублей. Однако работа их по сортировке проса была очень эффективная и качественная [12].

С целью материальной заинтересованности крестьян в ходе сельскохозяйственных работ оккупационные власти попытались еще до окончания страды поощрять селян. Районный сельскохозяйственный инспектор немецкой армии Барденверпер санкционировал следующий принцип выдачи в счет оплаты труда натуральных авансов крестьянам. Все крестьяне, участвующие в общих работах земельного общества в 1942 г., по количеству выработанных ими трудодней разбиваются на 4 группы. К первой группе причисляются крестьяне, имеющие к средней выработке по обществу не менее 80 % трудодней, ко второй – имеющие от 40 до 80 %, к третьей – от 10 до 40 % и к четвертой – все люди, по тем или другим причинам работающие в земельном обществе, случайно, временно и имеющие менее 10 % средней выработки. К выдаче указанных авансов можно было приступить только после утверждения расчетов и списков в Районном сельскохозяйственном управлении. Поэтому старостам, писарям следовало немедленно составить указанные списки и явиться с ними в сельскохозяйственное управление. Все другие принципы авансирования крестьян хлебом считались незаконными, а лица, допустившие выдачу авансов по ним, могли комендатурой привлекаться к ответственности [10].

Крестьяне в условиях оккупации и недопущения гибели урожая (да и самим как-то надо было выжить) были вынуждены идти на экономическое сотрудничество с оккупационными властями и проводить уборочную страду. Неполная картина такой страды отображена в следующей таблице.

Таблица 2

Сведения о ходе уборки урожая, вспашки паров и посева озимой ржи по земельному обществу «Пионер» деревни Иотовка Лебедянского сельского управления осенью 1942 года
[З, л. 110, 111, 136, 137, 138, 140, 145]

Даты	Сельскохозяйственные культуры									
	Рожь	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Овес	Ячмень	Просо	Конопля	Вика-зерно	Гречиха	Итого
	Скошено, в гектарах									
4.09.1942	60	20	10	30	10				10	140
11.09.1942	60	20	10	30	10				10	140
18.09.1942	60	20	10	30	10				10	140
25.09.1942	60	20	10	30	10			2	10	142
2.10.1942	60	20	10	30	10			3	10	143
9.10.1942	60	20	10	30	10	70		3	10	213
16.10.1942	60	20	10	30	10	70		3	10	213
	Заскিরдовано, в гектарах									
4.09.1942	45	20		6	5					76
11.09.1942	45	20	10	26	8					109
18.09.1942	45	20	10	30	10				2	117
25.09.1942	45	20	10	30	10				8	123
2.10.1942	60	20	10	30	10				10	140
9.10.1942	60	20	10	30	10	70			10	210
16.10.1942	60	20	10	30	10	70			10	210
	Обмолочено, в гектарах									
4.09.1942	43									43
11.09.1942	50									50
18.09.1942	50	4								54
25.09.1942	52	8								60
2.10.1942	55	8							2	65
9.10.1942	57	12	5	3					7	84
16.10.1942	60	20	10	10	2	70	1,5		10	183,5

Окончание табл. 2

Даты	Сельскохозяйственные культуры									
	Рожь	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Овес	Ячмень	Просо	Конопля	Вика-зерно	Гречиха	Итого
Намолочено, в центнерах										
4.09.1942	157									157
11.09.1942	178									178
18.09.1942	178	8								186
25.09.1942	186	20								206
2.10.1942	220	20							3	243
9.10.1942	228	36	10	12					10	296
16.10.1942	240	45	15	25	3	140	2		15	485
Вспахано, в гектарах										
4.09.1942	Из плана вспашки паров 300 гектаров было вспахано 38 гектаров									
11.09.1942	Было вспахано 40 гектаров									
18.09.1942	Было вспахано 43 гектара									
25.09.1942	Было вспахано 50 гектаров									
2.10.1942	Было вспахано 60 гектаров									
9.10.1942	Было вспахано 63 гектара									
16.10.1942	Было вспахано 63 гектара									
Посеяно озимой ржи, в гектарах										
4.09.1942	На площади 30 гектаров									
11.09.1942	На площади 33 гектаров									
18.09.1942	На площади 33 гектаров									
25.09.1942	На площади 34 гектаров									
2.10.1942	На площади 40 гектаров									
9.10.1942	На площади 40 гектаров									
16.10.1942	На площади 40 гектаров; картофель убран с площади 6 гектаров и получен урожай 160 центнеров									

При анализе данной таблицы можно прийти к следующим выводам:

- процесс косыбы зерновых культур был практически завершен к 9 октября 1942 г., то есть не приступили к уборке только подсолнечника;
- всего были скошены зерновые культуры на площади 213 гектаров; существует определенная нестыковка по посеянным и скошенным площадям;
- из данных видно, что из-за военных действий или по другим причинам погибли 20 гектаров озимой ржи и 20 гектаров проса;
- к 4 сентября 1942 г. на всей площади была заскিরдована озимая пшеница, а к 11 сентября - вся яровая пшеница; 18 сентября 1942 г. были полностью заскирдованы овес и ячмень, и лишь 2 октября 1942 года были заскирдованы озимая рожь и гречиха, хотя данные культуры были скошены уже 4 сентября; важно отметить, что крестьяне к 9 октября 1942 г. не только скосили, но и сразу заскирдовали просо на площади 70 гектаров;
- только к 16 октября 1942 г. был полностью завершен обмолот озимой ржи, озимой и яровой пшеницы, проса и гречихи; к этому времени обмолот овса составил 33 % от собранного урожая, а ячменя - 20 %; хотя нигде не говорится о посадке и начале уборки конопли, но к 16 октября 1942 г. она была обмолочена на 1,5 гектарах;
- к 16 октября 1942 г. намолочено в общем объеме 485 центнеров; нет сведений об обмолоте вики-зерна, хотя данная культура была полностью скошена 2 октября 1942 г.;
- к 16 октября 1942 г. был полностью выкопан картофель и получен урожай в объеме 160 центнеров;
- из плана вспашки 301 гектара паров к 16 октября 1942 г. было вспахано только 63 гектара, или 21 % от плана;
- ко 2 октября 1942 г. была посеяна озимая рожь на площади 40 гектаров и в последующие две недели крестьяне не продолжили ее посев; можно предположить, что на этом данный процесс завершился, хотя в прошлом, то есть 1942 году, озимая рожь была посеяна на площади 80 гектаров.

Для полноты картины хозяйственной деятельности земельного общества «Пионер» важно рассмотрение следующих данных еженедельного труда крестьян:

– за период с 4 по 11 сентября 1942 г. они на всей скошенной площади заскирдовали яровую пшеницу, дополнительно заскирдовали овес на площади 20 гектаров и ячмень на 3 гектарах, дополнительно обмолотили рожь на площади 7 гектаров и намолотили дополнительно 19 центнеров ржи, вспахали 2 гектара зяби и посеяли дополнительно озимой ржи на площади трех гектаров;

– за период с 11 по 18 сентября 1942 г. крестьяне заскирдовали на всей скошенной площади овес, ячмень и на 2 гектарах заскирдовали гречиху, обмолотили озимую пшеницу на 4 гектарах, намолотили 8 центнеров озимой пшеницы, вспахали 3 гектара паров;

– за период с 18 по 25 сентября 1942 г. селяне скосили вику-зерно на площади 2 гектаров, заскирдовали гречиху еще на площади 6 гектаров, обмолотили еще 4 гектара озимой пшеницы и 2 гектара ржи, намолотили дополнительно 12 центнеров озимой пшеницы и 8 центнеров ржи, вспахали 7 гектаров зяби, посеяли озимую рожь на площади 1 гектара;

– за период с 25 сентября по 2 октября 1942 г. крестьяне скосили на всей площади вику-зерно, заскирдовали на всей скошенной площади гречиху и рожь, обмолотили гречиху на площади 2 гектаров и дополнительно на 3 гектарах рожь, намолотили 3 центнера гречихи и дополнительно 34 центнера ржи, вспахали еще 10 гектаров зяби и посеяли дополнительно озимую рожь на площади 6 гектаров;

– за период со 2 по 9 октября 1942 г. крестьяне полностью скосили и заскирдовали просо на площади 70 гектаров, обмолотили яровую пшеницу на площади 5 гектаров, овес 3 гектаров, рожь дополнительно на площади 2 гектаров, гречиху дополнительно на площади 5 гектаров, дополнительно намолотили 8 центнеров ржи, 16 центнеров озимой пшеницы, 7 центнеров гречихи, 10 центнеров яровой пшеницы, 12 центнеров овса, вспахали дополнительно 3 гектара зяби;

– за период с 9 по 16 октября 1942 г. крестьяне завершили полностью обмолот ржи, озимой и яровой пшеницы, гречихи, проса, а овса только на площади 10 гектаров, ячменя на 2 гектарах, конопля на 1,5 гектарах, намолочено дополнительно 12 центнеров ржи, 9 центнеров озимой пшеницы, 5 центнеров яровой пшеницы, 13 центнеров овса, 5 центнеров гречихи, а также 3 центнера ячменя, 140 центнеров проса, 2 центнера конопля; с площади 6 гектаров был убран картофель и получен урожай в размере 160 центнеров.

Крестьяне земельного общества «Пионер» в заключительный период сельскохозяйственного года должны были завершить обмолот овса на площади 20 гектаров, ячменя на площади 8 гектаров и в дальнейшем осуществить намолот данных культур. Кроме того, они должны были засеять 23 гектара озимой ржи. Осуществить данные сельскохозяйственные задачи крестьянам земельного общества «Пионер», по мнению автора, было почти невозможно.

Уже в конце ноября 1942 г. в Старооскольскую контрольно-семенную лабораторию начали поступать первые образцы семян для хозяйственного анализа как учреждений, так и от отдельных земельных обществ. Уделяя исключительное внимание качеству семян ярового сева 1943 года, староста Ново-Кладовского, 1-го Курского и Озёрского земельных обществ доставили свои образцы для полного анализа. Была проведена агротехническая проверка семян. Были получены следующие результаты:

– в Бочаровском земельном обществе Курского сельского управления в образце зерна проса весом в 1 килограмм, найдено 81 600 штук семян сорных растений;

– в гречихе Ново-Кладовского земельного общества в каждом килограмме зерна оказалось 15 920 сорняков, а в ячмене – 5 024 сорняка;

– подобные данные получены при проверке зерна Незнамовского и Рождественского земельных обществ.

В связи с этим агроном Савинков приходит к выводу, что новокладовцы вместо гречихи собираются на каждый гектар высевать 1 751 200 штук семян сорняков; бочаровцы вместо проса будут культивировать заросли сорняков, ибо они в 25 килограммах посевного зерна внесут на гектар 4 488 000 штук сорняков, то есть по количеству семян сорняков окажется больше, чем культурных растений [13].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что, во-первых, перед оккупацией руководителями колхозов и совхозов удалось вывезти лучший семенной фонд в тыл страны, во-вторых, уборка урожая летом и осенью 1942 года при новой власти прошла очень плохо и отсюда такие результаты агротехнической проверки семян, в-третьих, такого качества были семена зерновых и других сельскохозяйственных культур еще до войны, хотя с этим трудно согласиться, в-четвертых, возможно, это было результатом негативного отношения крестьян к новой политической власти.

Таким образом, крестьяне Старооскольского района в период оккупации пассивно участвовали в хозяйственной деятельности, не осознавали в полной мере и не по своей воле вступали в сотрудничество с оккупационным режимом. Оккупантам не удалось добиться желаемых результатов по полному обеспечению своих армий продовольствием и фуражом и формированию социальной базы поддержки своему режиму среди селян Старооскольского района.

Список литературы

1. Выделение индивидуальных участков для посева озимых // Новая жизнь. 1942. 4 сентября.
2. Государственный архив Белгородской области (ГА БО). Ф. Р-635 с. Оп. 1с. Д. 9.
3. ГА БО. Ф. Р-635 с. Оп. 1 с. Д. 13.
4. ГА БО. Ф. Р-635 с. Оп. 1 с. Д. 30.
5. Гришков И. Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск : Учитель, 1999. 152 с.
6. Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М. : Центрполиграф, 2010. 383 с.
7. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы : монография. Великий Новгород : Новгородский технопарк, 2009. 372 с.
8. Коровин В. А. Коллаборационизм на территории Курской области в 1941–1943 гг.: формы проявления, политико-правовые и социальные последствия : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015. 515 с.
9. Никифоров С. А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. 253 с.
10. О выдаче натуральных авансов крестьянам нашего района // Новая жизнь. 1942. 11 сентября.
11. Порядок наделения приусадебными участками // Новая жизнь. 1942. 4 сентября.
12. Проявить инициативу и найти выход // Новая жизнь. 1942. 29 ноября.
13. Старооскольская контрольно-семенная лаборатория начала свою работу // Новая жизнь. 1942. 29 ноября.

Features of the economic activity of the peasants of the Stary Oskol district during the German occupation

V. I. Kovalev

PhD in Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Humanities, Natural Sciences and Technical Disciplines. Gubkin branch of the Belgorod State Technological University n. a. V. G. Shuhov. Russia, Gubkin. E-mail: pil41@mail.ru

Abstract. The article reveals the policy of the occupation authorities in relation to the rural population of the Stary Oskol district of the Kursk region from July 1942 to February 1943. On the basis of archival materials, the situation is considered when the peasants of this territory in the difficult socio-economic conditions of occupation and constant harassment had to go to forced cooperation with the military German-Hungarian administration, district and city councils, in order to save themselves and their relatives from starvation and theft to hard labor in Germany. The researcher seeks to recreate the most accurate picture of the passive cooperation of a significant part of the peasant population under the conditions of temporary occupation and the second stage of the agrarian reform of the fascist regime. The study, in particular, outlines the features of step-by-step, weekly management of the harvest, rounding, threshing, threshing of agricultural crops, plowing of fallow and sowing of winter rye in land societies with a fairly complete analysis of the agricultural activities of the peasants of the Stary Oskol district. At the same time, the fragmentary and superficial nature of the study of this problem leaves a wide field for the researcher to study the reasons for the cooperation of the rural population and the failure of the occupation regime to create a social base of support in rural areas for the new political regime under the temporary occupation of Russian territories. This work allows us to expand the existing ideas about the occupation regime, about the forced cooperation of peasants in carrying out agricultural work in the temporarily occupied territories and contributes to the emergence of a new level of understanding of the problem in Russian historiography.

Keywords: peasants, land society, Lebedyansk rural administration, Stary Oskol district, occupation regime.

References

1. *Vydelenie individual'nyh uchastkov dlya poseva ozimyh* – Allocation of individual plots for sowing winter crops // *Novaya zhizn'* – New Life. 1942. September 4.
2. State archive of the Belgorod region (SA BR). F. P-635 c. Inv. 1c. File 9.
3. SA BR. F. P-635 c. Inv. 1c. File 13.

4. SA BR. F. R-635 c. Inv. 1c. File 30.
5. Grishkov I. G. *Kurskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Kursk region during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kursk. Uchitel (Teacher). 1999. 152 p.
6. Ermolov I. *Tri goda bez Stalina. Okkupaciya: sovetskie grazhdane mezhdru nacistami i bol'shevikami. 1941–1944* [Three years without Stalin. Occupation: Soviet citizens between the Nazis and the Bolsheviks. 1941–1944]. M. Centrpoligraf. 2010. 383 p.
7. Kovalev B. N. *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy : monografiya* [Collaborationism in Russia in 1941–1945: types and forms : monograph]. Veliky Novgorod. Novgorod Technopark. 2009. 372 p.
8. Korovin V. A. *Kollaboracionizm na territorii Kurskoj oblasti v 1941–1943 gg.: formy proyavleniya, politiko-pravovye i social'nye posledstviya : dis. ... kand. ist. nauk* [Collaboration on the territory of the Kursk region in 1941–1943: forms of manifestation, political-legal and social consequences : dis. ... PhD in Hist. Sciences]. Kursk. 2015. 515 p.
9. Nikiforov S. A. *Politika okkupacionnyh vlastej na territorii Kurskoj oblasti v 1941–1943 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [The policy of the occupation authorities on the territory of the Kursk region in 1941–1943 : dis. ... PhD in Hist. Sciences]. Kursk. 2003. 253 p.
10. *O vydache natural'nyh avansov krest'yanam nashego rajona* – On the issue of natural advances to the peasants of our district // *Novaya zhizn'* – New Life. 1942. September 11.
11. *Poryadok nadeleniya priusadebnymi uchastkami* – The order of allotment of homestead plots // *Novaya zhizn'* – New Life. 1942. September 4.
12. *Proyavit' iniciativu i najti vyhod* – To show initiative and find a way out // *Novaya zhizn'* – New Life. 1942. November 29.
13. *Starooskolskaya kontrolno-semennaya laboratoriya nachala svoi raboty* [The Stary Oskol control and seed laboratory has started its work] // *Novaya zhizn'* – New Life. 1942. November 29.

УДК (470.342)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.003

«Хлеб продаём, но не всем!»: отмена хлебных карточек на территории Кировского края в начале 1935 года

П. А. Чемоданов

кандидат исторических наук, заведующий сектором научно-исследовательской работы и связей с общественностью, Кировский областной краеведческий музей.
Россия, г. Киров. E-mail: pavelche1492@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена ходу кампании по отмене карточной системы на хлеб и муку на территории Кировского края в январе 1935 года. Карточная система была введена в Советском Союзе в 1928 году после начала массовой коллективизации и хлебозаготовительного кризиса в деревне. Руководство страны осознавало временность этой меры и объявило о возобновлении «свободной торговли» хлебом сразу же после некоторой стабилизации системы колхозов в ноябре 1934 года.

Автор на примере одного региона страны – Кировского края – показывает, как решение руководства СССР об отмене хлебных карточек, призванное в теории улучшить снабжение городского и части сельского населения, воплощалось на практике в провинции и наталкивалось на объективные и субъективные препятствия. К объективным трудностям относилась нехватка пекарен, торговых точек и фондов муки. Субъективным фактором было нежелание местных руководителей менять привычную систему распределения в условиях ограниченности ресурсов и забюрократизированности командно-административной системы. По этой причине кампания на деле привела к рецидивам нормированного распределения хлеба и даже к ухудшению снабжения населения основным продуктом питания в сравнении с периодом действия карточной системы.

Дополнительным местным фактором, осложнившим ход кампании, стал организационный и управленческий хаос, сложившийся в Кировском крае после его образования в декабре 1934 года. Вместе с тем автор статьи полагает, что отмена карточной системы в перспективе стала серьезным шагом вперед в деле повышения жизненного уровня населения региона и страны в целом.

Ключевые слова: командная экономика, карточная система, индустриализация, централизованное снабжение, Кировский край.

Практика нормированного распределения продуктов питания (в первую очередь, хлеба) неоднократно применялась руководством Советского государства в разные периоды его существования. Впрочем, население Российской империи впервые познакомилось с продовольственными карточками еще в годы Первой мировой войны – осенью 1916 г. [10, с. 325]. Затем продуктовые нормы присутствовали в жизни населения при Временном правительстве, а также в период военного коммунизма и были отменены с переходом к Новой экономической политике в 1921 году [8, с. 54–55].

В 1920-е гг. хлебный рынок не испытывал особого дефицита, поскольку, даже при сохранении государственного контроля, более чем на 50 % насыщался частниками [21, с. 5–6]. Период относительно свободной торговли хлебом длился до свертывания НЭПа в 1928 г., когда грянуло начало массовой коллективизации и хлебозаготовительный кризис в деревне. По приблизительным оценкам, за годы первой пятилетки в Советском Союзе производство товаров народного потребления упало на 5 %, общее сельскохозяйственное производство – на 15 %, объем розничной торговли – на 15 %, а реальные личные доходы сельского и городского населения – на 50 % [22, с. 93]. Введенная на этом фоне карточная система просуществовала до ноября 1934 г., когда неожиданно для многих советских граждан высшее руководство страны объявило об отмене норм выдачи продовольствия населению. Тогда же была названа дата возобновления «свободной торговли» хлебом – 1 января 1935 г.

Сделаем краткий экскурс в историю карточной системы, действовавшей в Советском Союзе в 1928–1934 гг. Согласно исследованиям Р. У. Дэвиса и О. В. Хлевнюка, нормированное распределение продуктов питания не воспринималось в указанный период как временная мера. В пользу этого свидетельствует тот факт, что наркомат торговли был в ноябре 1930 г. переименован в наркомат снабжения. Таким образом, продовольственные нормы расценивались многими в начале 1930-х гг. как неотъемлемая черта социалистической экономики. Вместе

с тем на XVII партконференции ВКП(б) в феврале 1932 г. было четко обозначено, что нормирование должно быть отменено уже в период второй пятилетки [1, с. 88]. Это подтверждается исследованиями известного специалиста по советской повседневности Е. А. Осокиной, которая писала о том, что «Политбюро начало говорить о необходимости отмены карточной системы почти сразу после ее введения» [15, с. 175–176].

Кроме того, Е. А. Осокина пришла к выводу, что «господствующей формой товарооборота в первой половине 30-х годов было нормированное распределение... Само понятие торговли потеряло смысл. Так вместо продавца хлеба появился “хлеборез”, главной задачей которого было нарезать как можно больше пайков» [16, с. 108]. Историк также констатировала следующий факт: «...хотя формы товарооборота менялись в 30-е гг., сущность его оставалась неизменной – сосредоточение основных товарных масс в распоряжении центральных государственных органов» [16, с. 143].

Судьбоносное для страны решение было принято на пленуме ЦК ВКП(б) 25 ноября 1934 г., на котором выступил с соответствующим докладом председатель СНК В. М. Молотов. В своем выступлении глава советского правительства следующим образом обосновывал действующую на тот момент систему нормированного распределения продуктов: «Мы вводили карточную систему по хлебу тогда, когда колхозов и совхозов у нас было мало, когда в деревне преобладало мелкое единоличное крестьянское хозяйство с его жалкой техникой и низкой урожайностью». В подтверждение своих слов Молотов приводил следующие цифры: если в 1928 г. объем государственных хлебозаготовок составлял 650 млн. пудов, то в 1934 г. – около 1,5 млрд пудов, то есть в 2,5 раза больше [13, с. 1]. На этом основании пленум принял решение: «Отменить с 1 января 1935 г. карточную систему снабжения хлебом, мукой и крупой и установить повсеместно широкую продажу хлеба и других продуктов населению из государственных и кооперативных магазинов» [14, с. 1].

Прежде чем говорить об отмене хлебных карточек, следует хотя бы кратко обрисовать принципы функционирования карточной системы в Советском Союзе первой половины 1930-х годов. Всего на государственном снабжении, по словам того же В. М. Молотова, в конце 1934 г. находилось 40,3 млн чел., при общей численности населения свыше 165,7 млн чел. (данные на конец 1933 г.) [20, с. 201]. Это были, в первую очередь, промышленные рабочие, а также партийно-государственные работники, служащие и представители интеллигенции, то есть все те, кто не был напрямую связан с сельским хозяйством и даже в теории не мог обеспечить себя продовольствием самостоятельно.

Внутри себя снабжаемая государством часть населения делилась на четыре категории, которые назывались «списками» и были примерно сопоставимыми по численности. В зависимости от принадлежности к категории, граждане получали разный по количеству и качеству набор продуктов. Хуже всего снабжался «третий список» (8,6 млн чел.), далее шли «второй список» (9,6 млн чел.) и «первый список» (11,8 млн чел.). Самая привилегированная часть населения входила в так называемый «особый список» (10,3 млн чел.) и снабжалась продуктами лучше всего [13, с. 1].

На практике дело обстояло сложнее, так как положенные конкретному гражданину «по списку» продукты питания не так просто было получить. Работало это так: все продовольствие сосредотачивалось в так называемых «распределителях», где карточки (разумеется, вместе с деньгами) обменивались на продукты. Именно к таким «распределителям» и были приписаны конкретные люди. Главная проблема заключалась в том, что необходимая точка распределения могла находиться совсем не там, где жил и работал «счастливый» обладатель карточек.

На эту проблему обращал внимание руководитель Ленинградской парторганизации А. А. Жданов в своем докладе, обращенном к городскому партактиву 26 декабря 1934 г.: «Широкая торговля хлебом предполагает создание для потребителя возможности купить хлеб близко от своего жилья. При карточной системе человек работает в одном конце города, живет в другом, а прикрепляют его к лавке на третьем конце...» Далее Жданов критиковал общую неповоротливость карточной системы: «Если ты недавно поступил на завод, обзаведись справками, стандартными документами. Надо потратить, по крайней мере, 5–10 дней для того, чтобы вновь поступивший рабочий получил хлеб по карточке, потом прикрепляют его вдалеке от жилья и места работы, – рабочий теряет массу времени для получения хлеба» [12, с. 2].

Еще одной «болевым точкой» карточной системы был разный уровень цен на одни и те же товары. Дело в том, что лишь государственные и кооперативные магазины отпускали хлеб

по так называемым «нормальным» ценам. Помимо них, существовала также коммерческая торговля и колхозные рынки, разрешенные с 1932 г. И в коммерческих магазинах, и на рынках продажа велась без посредничества карточек, но цены из-за этого были значительно выше. Некоторые предприимчивые граждане пользовались этой разницей, зарабатывая на перепродаже хлеба. Об этом упоминал Л. М. Каганович в своем выступлении перед активом Московской городской партийной организации 27 декабря 1934 г. В числе прочего тогдашний 1-й секретарь Московского обкома ВКП(б) отмечал: «Наконец, значение реформы состоит в том, что она отсекает возможность спекуляции хлебом. Нечего скрывать, что сейчас многие, получая хлеб по дешевой пайковой цене, перепродают его на рынке молочницам и т. д.» [3, с. 2].

Проблемы в ценообразовании усугублялись и тем, что «коммерческие» и «рыночные» цены сильно разнились в зависимости от региона. Все перечисленное создавало хаос в сфере снабжения, не соответствующий декларируемому «плановому» порядку. Отмена карточной системы должна была уравнивать цены и разрешить тем самым указанные противоречия.

Официальные документы об отмене карточной системы на хлеб свидетельствуют о высокой степени продуманности данного мероприятия. По плану страна была разделена на восемь «поясов», в каждом из которых устанавливалась собственная, единая для всего «пояса» цена на хлеб. В зависимости от удаленности и стоимости транспортных расходов цена на ржаной хлеб варьировалась от 80 коп. (Средняя Азия) до 1 р. 50 коп. за кг. (Камчатка, Сахалин, Крайний Север). Цена на пшеничный хлеб была чуть выше, но соотношение в целом сохранялось: от 90 коп. до 1 р. 60 коп. за кг. [13, с. 2]. Власти также осознавали, что действующей мощности хлебопекарен и количества торговых точек недостаточно, чтобы удовлетворить весь спрос потребителей после отмены карточек. Для покрытия этого спроса было запланировано увеличение мощности хлебозаводов на 11 944 т в сутки уже к 1 февраля 1935 г. Что касается торговой сети, то СНК принял решение расширить ее к той же дате на 10 300 точек. По официальным данным, опубликованным в «Правде» 2 января 1935 г., этот план был выполнен уже к концу года [19, с. 1].

Однако у введения «свободной торговли» продуктами питания была и обратная сторона – некоторый рост цен на продовольственные товары. Так, цена 1 кг. ржаного хлеба после отмены карточек в среднем по стране составила 1 руб., что было больше прежней государственной цены примерно в два раза [1, с. 96]. Для компенсации потерь населения в течение 1935 г. по всей стране была проведена значительная (составившая в сумме около 4,5 млрд. руб.) так называемая «хлебная прибавка» зарплаты. Прибавка эта, как указывалось в справке сектора труда Госплана СССР, «поднимала уровень заработной платы по всем отраслям народного хозяйства в среднем на 10 %». В том же документе утверждалось, что «такой размер прибавки не только компенсировал, но и во многих семьях рабочих и служащих перекрывал расходы, связанные с отменой нормированных цен на продукты питания» [2, с. 287–288].

Любопытно, что разъяснения по поводу временного характера уже отмененной к тому времени карточной системы присутствовали в центральной прессе и после 1 января 1935 г. Так, в номере «Правды» от 10 января 1935 г. вышла историческая статья некоего А. Леонтьева с лаконичным названием – «Хлебная карточка». Автор сделал экскурс в историю карточной системы как явления и возвел его корни к эпохе Великой Французской революции, когда в 1793 г. коммуна Парижа впервые ввела прототип будущих талонов на хлеб. Далее А. Леонтьев подробно останавливался на введении карточной системы в СССР в 1928 г. Ее необходимость он обосновывал «хлебной забастовкой кулака, предчувствующего свой смертный час» [9, с. 3].

На момент проведения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1934 г. будущий Кировский край был частью Горьковского края и вместе с ним был отнесен к «поясу № 3». Для примера: цена на ржаной хлеб в этом «поясе» составляла 1 р. за кг. Таким образом, на территории края была установлена цена на хлеб, близкая к средней по стране [18, с. 1]. Она сохранилась и после создания отдельного региона – Кировского края, выделенного из состава Горьковского края 7 декабря 1934 г. решением Президиума ВЦИК [28, с. 339–340].

Вопросы ценообразования хоть и были в приоритете, но не являлись единственной проблемой кампании по отмене хлебных карточек. Власти отлично понимали, что введение «свободной торговли» хлебом приведет к резкому росту спроса на основной продовольственный товар в стране. Главные опасения заключались в том, что потребитель будет закупать хлеб впрок, чтобы превратить его в сухарь и хранить на тот случай, если хлебное «изобилие» завершится так же неожиданно, как началось. Все это привело бы к ненужному ажиотажу и тотальному дефициту, поставив под угрозу реализацию всей кампании. В этой связи в Горь-

ковском крае «ввиду особой отсталости государственно-кооперативного хлебопечения» устанавливались ограничения отпуска печеного хлеба и муки в одни руки – 2 кг и 1 кг в сутки соответственно [18, с. 1].

Для Кировского края дополнительной проблемой являлось то, что органы власти только что созданного региона находились в стадии формирования и потому не могли должным образом заняться подготовкой отмены карточной системы. Лишь к концу декабря 1934 г. относятся первые упоминания о каких-либо практических шагах по подготовке этого крупного мероприятия. Так, в номере газеты «Кировская правда» от 20 декабря сообщалось: «Пленум [Кировского] крайкома предупреждает всех руководителей торгующих организаций и хлебопекарен, что они несут личную ответственность за своевременную подготовку и расширение торговой сети, особенно в рабочих окраинах, за приведение магазинов и пекарен в санитарное состояние, за оборудование магазинов необходимым инвентарем» [11, с. 2]. Как мы видим, крайком ограничился лишь общими распоряжениями. В этой связи не удивительно, что бюро краевого комитета партии лишь 26 декабря приняло решение поручить ответственным лицам из регионального руководства «разработать на основе обмена мнений на бюро конкретные предложения по вопросам фондов торговли хлебом, сети и пекарен» [24, л. 17]. Таким образом, готовность краевых властей к отмене хлебных карточек была на тот момент практически нулевой.

В этих условиях контролирующие функции взяла на себя общественность в лице редакции газеты «Кировская правда». По ее инициативе 26–27 декабря 1934 г. в крае прошел массовый рейд по проверке реализации решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). В ряде мест активистами был выявлен целый ряд нарушений. Так, «бездельники из Немского района всю подготовку пустили на самотек. Председатель райпотребсоюза тов. Шуклин “собрался” проработать исторические решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) только 21 декабря. Отсюда и последствия: [он] не знает, кто будет торговать хлебом, как идет ремонт торговых точек...» [4, с. 3]. Этот пример свидетельствует о том, что не все низовые руководители осознавали масштаб поставленной перед ними задачи.

Так или иначе, с 1 января 1935 г. в регионе, как и всюду по стране, стартовала «свободная торговля» хлебом. Сообщения в прессе подтверждают высказанный выше тезис о неготовности торговой сети Кировского края к этому важному событию. В «Кировской правде» следующим образом описывался первый день после отмены карточек в магазине № 4 г. Ижевска: «Чтобы получить хлеб, надо встать в очередь с 5 часов утра и простоять... до 7 часов вечера. Завмаг вместо 3-х тонн дает заявку хлебозаводу только на 1,6 тонны. Продавец Вершинина в первую очередь старается снабжать хлебом своих знакомых». Однако параллельно в статье описывалась совсем иная ситуация, сложившаяся в магазине № 15 того же города. Этот магазин образцово подготовился к новым реалиям: там в течение дня не создавалось очередей, и даже существовало «дежурное отделение», которое отрывалось в часы особого ажиотажа [5, с. 4].

Источники свидетельствуют, что длинные очереди за хлебом после отмены карточек хоть и были распространены, но не стали повсеместным явлением в регионе. Так, в постановлении бюро Слободского райкома ВКП(б) от 4 января 1935 г. констатировалось следующее: «Опыт трех дней [свободной] торговли хлебом показывает приближение хлеба к потребителю и изживание очередей». Параллельно с этим в документе указывалось на другие проблемы, связанные с отменой карточной системы в районе: «Нет упорной борьбы за повышение качества, особенно черного хлеба, коренное улучшение внутренней обстановки магазинов, приведение их в надлежащий культурный вид» [23, л. 4].

Для решения проблем с предложением хлеба власти пытались привлечь колхозников. Уже 2 января было обнародовано постановление Кировского крайкома партии, по которому, в соответствии с более ранним постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 декабря 1934 г., «колхозам, колхозникам и трудящимся единоличникам Кировского края [разрешалось] производить беспрепятственную продажу своего хлеба как государственным и кооперативным организациям, так и на городских и сельских базарах, и на станциях железных дорог» [6, с. 1]. В другом решении от 13 января 1935 г. бюро крайкома в ультимативной форме указывало райкомам ВКП(б) на необходимость развития торговли продовольствием на колхозных базарах: «Райкомы должны конкретно заняться организацией каждого колхозного базара, обеспечив привоз на базары не только хлеба, но также картофеля и [других] овощей» [25, л. 23].

Эта мера не только преследовала цель удовлетворить спрос на хлеб (в данном случае, за счет муки, которой обычно торговали колхозники), но и приблизить «рыночные» цены к государственным. Так, если в 1934 г. 1 кг. ржаной муки на колхозных рынках города Кирова продавали за 3 руб. 31 коп., то уже к 25 января 1935 г. цена упала до 1 руб. 63 коп. Для сравнения: государственная цена на ржаную муку в том же году составляла 2 руб. 50 коп. [17, с. 90–91]. Таким образом, властям удалось сбить «рыночную» цену на муку до такой отметки, что она оказалась ниже государственной, хотя до отмены карточек значительно превышала ее.

Вернемся, однако, к проблемам торговли хлебом. Как было сказано выше, ситуация на местах в первые дни 1935 г. оставляла желать лучшего. Поэтому бюро краевого комитета партии уже 3 января всерьез обсуждало неутешительные итоги начала «свободной торговли». В резолюции по этому вопросу отмечалось: «Бюро крайкома считает, что торговые организации имели все возможности с первого же дня организовать образцовую и бесперебойную работу хлебопекарен и хлебных магазинов. Однако, в силу неправильного планирования по ряду районов фондов и сортов муки, слабого оперативного руководства торговых организаций хлебопекарнями, работой в магазинах, неумения маневрировать фондами, в первые дни торговли имели место ряд недостатков и упущений» [25, л. 4].

Конкретные «недостатки и упущения» не вошли в решение бюро, однако нашли отражение в периодической печати. Так, в некоторых торговых точках края наблюдался недостаток пшеничного хлеба и переизбыток ржаного. В магазине № 2 г. Советска эту проблему придумали решать очень оригинальным способом, принудительно реализовывая покупателям черный хлеб «в нагрузку» к белому [29, с. 2].

Еще одной сложностью для руководителей ряда торговых точек региона стали неадекватное планирование спроса и предложения в первые дни после отмены карточек. К примеру, в магазине № 11 Кировского горрабкоопа часть закупленного у предприятий печеного хлеба не была реализована. В итоге заведующий магазином ввел запрет на продажу свежего хлеба до тех пор, пока не будет реализован весь старый товар. Сотрудник Кировского горвнутриорга Костарев в первых числах января 1935 г. имел следующую беседу с продавцом упомянутого магазина: «Интересуюсь, почему нет свежего хлеба. “Свежий хлеб у нас на складе, – заявил продавец, – в продажу не пускаем”. “Почему?”. “Сначала надо продавать черствый хлеб, а то его потом покупать не будут”. Я, как представитель городского отдела внутренней торговли, проверил склад. Там оказалось 500 килограммов свежего черного хлеба» [7, с. 3].

Крайне любопытным документальным свидетельством о первых неделях «свободной торговли» хлебом в Кировском крае являлось анонимное письмо «Бригады трудящихся» г. Советска в Кировский крайком ВКП(б) от 2 февраля 1935 г. В документе красноречиво описывалось, как началась «свободная торговля» хлебом в г. Советске в начале января. При этом трудящиеся отмечали, что в первые дни после отмены карточек проблем с покупкой хлеба (по крайней мере, ржаного) в городе не существовало.

Относительно дальнейшего развития ситуации авторы послания в достаточно эмоциональной манере сообщали в крайком следующее: «Так прошла неделя, и все рухнуло: хлеба совершенно не стало. Вошла в моду система прикрепления: военнослужащие и партийцы были прикреплены к закрытому распределителю; просвещенцы и агрономы были прикреплены к магазину № 2, где никогда не хватало всем хлеба. К магазину ОРС были прикреплены рабочие и служащие лесного хозяйства... Во всех хлебных магазинах можно было наблюдать следующие картины: над прилавками на стенах красивые лозунги о снабжении бесперебойно всех хлебом, об отмене карточной системы как новом достижении Советской власти, а на полках 3–5 кирпичиков черного хлеба (о качестве его никто уже не говорит) и огромный, шумный крикливый и буйствующий хвост очереди» [26, л. 15].

В подтверждение своего мнения авторы приводили случай, очевидцами которого они стали: «Приходит в магазин какая-то женщина средних лет в платочке и в очках, по виду интеллигентная. Она оказалась высококвалифицированным специалистом. Подходит к прилавку, спрашивает про хлеб. “Хлеб не продаем”, – отвечает Фатима (продавец указанного магазина. – П. Ч.). “Но ведь это хлебный магазин?” – [спрашивает женщина]. “Мы продаем хлеб не всем, а только учителям и агрономам. Спекулянтам мы не продаем хлеб. Может, ты спекулянт?! Дай кооперативную книжку, профбилет и документ с места службы, тогда продадим!” Возмущенная женщина указывает на лозунги на стене, говорит, что хлебная торговля теперь свободная...» Далее авторы письма делали «убийственный» для местных руководителей вывод: «У нас, в Советске, нет не только свободной торговли хлебом, но стало гораздо хуже, чем было при карточной системе» [26, л. 16].

После упомянутого обращения в обкоме было устроено разбирательство. По сообщению первого секретаря Советского райкома ВКП(б) В. И. Агалакова, главной причиной такой ситуации стала «не высылка наряда по фондам муки Крайвнуторгком», то есть банальное отсутствие муки для выпекания хлеба. Первый секретарь отмечал, что именно по этой причине власти решили «организовать магазин закрытого типа для школьных работников». По его словам, только с 24 февраля 1935 г. руководство района получило возможность отменить всякие лимиты и бесперебойно продавать печеный хлеб «как закрытому контингенту, так и вообще потребителю» [26, л. 1–2].

На катастрофическую нехватку муки жаловались и в других районах Кировского края. К примеру, в докладной записке первого секретаря Верхошижемского райкома ВКП(б) С. А. Сухих в крайком партии от 24 марта 1935 г. сообщалось об ухудшении ситуации со снабжением после начала «свободной торговли» хлебом и мукой: «Положение с хлебом в колхозах в связи с недородом двух лет крайне тяжелое. На всех базарах нашего района с момента разрешения свободной торговли хлебом... хлеба не бывает. С отменой карточной системы району краем выделяется хлебный лимит для торговли, который не обеспечивает потребности основных контингентов специалистов села, не связанных с сельским хозяйством. Дается для торговли хлеба меньше, чем получали по нарядам на снабжение при карточной системе» [26, л. 23].

Отдельной проблемой для многих районов Кировского края стало качество выпекаемого хлеба, даже при условии того, что муки не него хватало. В частности, в докладной записке заведующего торговым отделом крайкома Белькевича от 17 февраля 1935 г. приводился следующий факт: «19 января на хлебозаводе [в г. Воткинске] в одной из буханок хлеба была обнаружена грязная тряпка» [26, л. 31]. На низкое качество хлеба, выпекаемого на этом хлебозаводе, указывали и рабочие Воткинского машиностроительного завода в своем коллективном письме в редакцию газеты «Правда» от 27 марта 1935 г. Рабочие писали: «Хлеб поступает в продажу сожженный и кислый. Кроме того, в магазинах бывает только один ржаной хлеб. Зашедший покупатель делает такую же кислую мину, как и хлеб, но все-таки вынужден покупать...» [26, л. 39].

Документы свидетельствуют, что проблема с дефицитом хлеба в Кировском крае не была полностью решена как минимум в течение следующих полутора лет. Связана она была, прежде всего, с «недостаточной базой хлебопечения». Так, в постановлении бюро Кировского крайкома ВКП(б) от 27 июля 1936 г. констатировалось, что «до сих пор на селе и в мелких городах не организована нормальная торговля хлебом». В качестве подтверждения в документе приводились следующие данные: в 9 из 81 районов региона хлебобулочные изделия централизованно не производились вовсе. В таких районах хлеб либо выпекался населением на дому, либо «в домашних колхозных печах в антисанитарных условиях» [27, л. 171об.].

Приведенные выше факты позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, отмена карточной системы, по задумке руководства СССР, действительно была призвана улучшить снабжение широких масс населения основным продуктом питания. Выделение «поясов цен» с учетом стоимости транспортных расходов и других факторов говорит о серьезном планировании этого мероприятия со стороны Москвы. Вместе с тем основные меры по подготовке «свободной торговли» хлебом были возложены на местные власти, у которых зачастую просто не было ресурсов для того, чтобы в короткий срок организовать бездефицитную «свободную торговлю» хлебом и мукой. Быстро изыскать дополнительные ресурсы в условиях забюрократизированной командно-административной системы при этом также не представлялось возможным.

Приведенный тезис в полной мере справедлив и в отношении рассматриваемого нами региона – Кировского края. В конце 1934 г. его вновь назначенное руководство просто не успело должным образом подготовиться к столь важной акции. Следствием этого стало недостаточное снабжение районов мукой, приведшее в отдельных случаях к большим очередям и даже к рецидивам нормированного распределения хлеба. Кроме того, общей для всех районов края проблемой было невысокое качество хлеба, выпекаемого на местных хлебозаводах и пекарнях. Но даже с учетом всего перечисленного, проведенная в начале 1935 г. отмена хлебных карточек стала в перспективе огромным шагом вперед в деле повышения жизненного уровня населения Кировского края и страны в целом.

Список литературы

1. Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–108.
2. Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1971. 656 с.

3. Итоги ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). Доклад Л. М. Кагановича на активе Московской городской партийной организации // Правда. 1934. № 356 (27 декабря).
4. Кировская правда. 1934. № 12 (30 декабря).
5. Кировская правда. 1935. № 1 (01 января).
6. Кировская правда. 1935. № 2 (02 января).
7. Кировская правда. 1935. № 10 (11 января).
8. *Лаптева Е. В., Пачулия Н. Н.* Продовольственная политика Российского государства в чрезвычайных условиях: историко-правовой аспект // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 2 (10). С. 53–61.
9. *Леонтьев А.* Хлебная карточка // Правда. 1935. № 10 (10 января). С. 3.
10. *Мунжукова С. И.* Проблема распределения продовольствия и карточная система Петрограда в 1917 г. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3. С. 325–336.
11. О реализации решения пленума ЦК ВКП(б) «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам». Постановление объединенного пленума Горьковского и Кировского крайкомов ВКП(б) // Кировская правда. 1934. № 3 (20 декабря). С. 2.
12. Об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). Доклад тов. А. А. Жданова на активе Ленинградской городской парторганизации с участием членов обкома и горкома ВКП(б) 15 дек. 1934 г. // Правда. 1934. № 343 (26 декабря). С. 2.
13. Об отмене карточной системы по хлебу (доклад тов. В. М. Молотова на Пленуме ЦК ВКП(б) 25 ноября с. г.) // Правда. 1934. № 329 (30 ноября). С. 1–2.
14. Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам. Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу тов. В. М. Молотова, принятая 26 ноября 1934 г. // Правда. 1934. № 328 (29 ноября). С. 1.
15. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997. 271 с.
16. *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
17. Первое полугодие 1935 г. Основные показатели выполнения народно-хозяйственного плана края и УАССР. Киров, 1935.
18. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания технических культур» // Правда. 1934. № 337 (8 декабря). С. 1.
19. Правда. 1935. № 2 (2 января).
20. СССР в цифрах. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. 316 с.
21. *Стасюкевич С. М.* Государственный контроль над хлебным рынком в 1920-е гг. // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 5–15.
22. *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1994. 144 с.
23. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. П-988. Оп. 1. Д. 157.
24. ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 2.
25. ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 171.
26. ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 681.
27. ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 9.
28. *Чемоданов П. А.* Из истории создания и развития Кировского края (1934–1936) // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2019 год: информ.-стат. сб. Вып. 16. Киров, 2018. С. 339–346.
29. Черный хлеб в нагрузку // Кировская правда. 1935. № 8 (9 января). С. 2.

"We sell bread, but not to everyone!": cancellation of bread cards on the territory of the Kirov Region in early 1935

P. A. Chemodanov

PhD in Historical Sciences, Head of the Sector of Research and Public Relations,
Kirov Regional Museum of Local Lore. Russia, Kirov. E-mail: pavelche1492@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the course of the campaign to abolish the card system for bread and flour in the territory of the Kirov Region in January 1935. The card system was introduced in the Soviet Union in 1928 after the beginning of mass collectivization and the grain procurement crisis in the countryside. The leadership of the country realized the temporary nature of this measure and announced the resumption of "free trade" in bread immediately after some stabilization of the collective farm system in November 1934.

The author uses the example of one region of the country – the Kirov Region – to show how the decision of the USSR leadership to abolish bread cards, designed in theory to improve the supply of urban and rural population, was implemented in practice in the province and encountered objective and subjective obstacles. Objective difficulties included a shortage of bakeries, retail outlets, and flour stocks. A subjective factor was the reluctance of local leaders to change the usual distribution system in the face of limited resources and the bureaucratic nature of the command and administrative system. For this reason, the campaign actually led to a relapse of the normalized distribution of bread and even to a deterioration in the supply of the population with the main food product in comparison with the period of the card system.

An additional local factor that complicated the course of the campaign was the organizational and managerial chaos that developed in the Kirov Region after its formation in December 1934. At the same time, the author of the article believes that the abolition of the card system in the future has become a serious step forward in improving the living standards of the population of the region and the country as a whole.

Keywords: command economy, card system, industrialization, centralized supply, Kirov Region.

References

1. Davies R. U., Hlevnyuk O. V. *Otmena kartochnoj sistemy v SSSR. 1934–1935 god* [Cancellation of the card system in the USSR. 1934–1935] // *Otechestvennaya istoriya* – Native history. 1999. No. 5. Pp. 87–108.
2. *Industrializaciya SSSR. 1933–1937 gg. Dokumenty i materialy* – Industrialization of the USSR. 1933–1937. Documents and materials. M. Nauka. 1971. 656 p.
3. *Itogi noyabr'skogo plenuma CK VKP(b). Doklad L. M. Kaganovicha na aktive Moskovskoj gorodskoj partijnoj organizacii* – Results of the November Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). Report of L. M. Kaganovich on the asset of the Moscow City Party Organization // *Pravda* – Truth. 1934. No. 356 (December 27).
4. *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. 1934. No. 12 (December 30).
5. *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. 1935. No. 1 (January 01).
6. *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. 1935. No. 2 (January 02).
7. *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. 1935. No. 10 (January 11).
8. *Lapteva E. V., Pachuliya N. N. Prodovol'stvennaya politika Rossijskogo gosudarstva v chrezvychajnyh usloviyah: istoriko-pravovoj aspekt* [Food policy of the Russian state in emergency conditions: historical and legal aspect] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* – Humanitarian Sciences. Herald of the Financial University. 2013. No. 2 (10). Pp. 53–61.
9. *Leontiev A. Khlebnaya karta* [Bread card] // *Pravda* – Truth. 1935. No. 10 (January 10). P. 3.
10. *Munzhukova S. I. Problema raspredeleniya prodovol'stviya i kartochnaya sistema Petrograda v 1917 g.* [The problem of food distribution and the card system of Petrograd in 1917] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshchej istorii* – St. Petersburg Historical Journal: Research on Russian and Universal History. 2018. No. 3. Pp. 325–336.
11. *O realizacii resheniya plenuma CK VKP(b) "Ob otmene kartochnoj sistemy po hlebu i nekotorym drugim produktam". Postanovlenie ob'edinennogo plenuma Gor'kovskogo i Kirovskogo krajkomov VKP(b)* – On the implementation of the decision of the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) "On the abolition of the card system for bread and some other products". Resolution of the Joint Plenum of the Gorky and Kirov Regional Committees of the CPSU (b) // *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. 1934. No. 3 (December 20). P. 2.
12. *Ob itogah noyabr'skogo plenuma CK VKP(b). Doklad tov. A. A. Zhdanova na aktive Leningradskoj gorodskoj partorganizacii s uchastiem chlenov obkoma i gorkoma VKP(b) 15 dek. 1934 g.* – On the results of the November Plenum of the Central Committee of the CPSU(b). Report of Comrade A. A. Zhdanov on the assets of the Leningrad City Party Organization with the participation of members of the regional Committee and the City Committee of the CPSU (b) 15 Dec. 1934 // *Pravda* – Truth. 1934. No. 343 (December 26). P. 2.
13. *Ob otmene kartochnoj sistemy po hlebu (doklad tov. V. M. Molotova na Plenumе CK VKP(b) 25 noyabrya s. g.)* – On the abolition of the card system for bread (report of Comrade V. M. Molotov at the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on November 25, this year) // *Pravda* – Truth. 1934. No. 329 (November 30). Pp. 1–2.
14. *Ob otmene kartochnoj sistemy po hlebu i nekotorym drugim produktam. Rezolyuciya Plenuma CK VKP(b) po dokladu tov. V. M. Molotova, prinyataya 26 noyabrya 1934 g.* – On the abolition of the card system for bread and some other products. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on the report of Comrade V. M. Molotov, adopted on November 26, 1934 // *Pravda* – Truth. 1934. No. 328 (November 29). P. 1.
15. *Osokina E. A. Za fasadom "stalinskogo izobilija": raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941* [Behind the facade of "Stalinist abundance": distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. M. ROSSPAN. 1997. 271 p.
16. *Osokina E. A. Ierarhiya potrebleniya. O zhizni lyudej v usloviyah stalinskogo snabzheniya. 1928–1935* [Hierarchy of consumption. About the life of people in the conditions of Stalin's supply. 1928–1935]. M. Moscow State University. 1993. 144 p.
17. *Pervoe polugodie 1935 g. Osnovnye pokazateli vypolneniya narodno-hozyajstvennogo plana kraja i UASSR* – The first half of 1935. The main indicators of the implementation of the national economic plan of the region and the UASSR. Kirov. 1935.

18. *Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov Soyuza SSR "Ob otmene kartochnoj sistemy po pechenomu hlebu, muke i krupe i sistemy otovarivaniya tekhnicheskikh kul'tur"* – Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On the abolition of the card system for baked bread, flour and cereals and the system of procurement of industrial crops" // *Pravda – Truth*. 1934. No. 337 (December 8). P. 1.
19. *Pravda – Truth*. 1935. No. 2 (January 2).
20. *SSSR v cifrah – USSR in numbers*. M. TsUNKhU Gosplan of the USSR. 1935. 316 p.
21. *Stasyukevich S. M. Gosudarstvennyj kontrol' nad hlebnym rynkom v 1920-e gg.* [State control over the grain market in the 1920s] // *Rossiya i ATR – Russia and the Asia-Pacific Region*. 2009. No. 1. Pp. 5–15.
22. *Holmes L. Social'naya istoriya Rossii: 1917–1941* [Social history of Russia: 1917–1941]. Rostov-on-Don. Rostov University. 1994. 144 p.
23. Central state archive of the Kirov region (hereinafter – CSAKR). F. P-988. Inv. 1. File 157.
24. CSAKR. F. P-1255. Inv. 1. File 2.
25. CSAKR. F. P-1255. Inv. 1. File. 171.
26. CSAKR. F. P-1255. Inv. 1. File. 681.
27. CSAKR. F. P-1255. Inv. 2. File. 9.
28. *Chemodanov P. A. Iz istorii sozdaniya i razvitiya Kirovskogo kraya (1934–1936)* [From the history of the creation and development of the Kirov Region (1934–1936)] // *Pamyatnaya knizhka Kirovskoj oblasti i kalendar' na 2019 god : inform.-stat. sb. Vyp. 16 – Memorial Book of the Kirov region and calendar for 2019 : inform.-stat. coll. Vol. 16*. Kirov. 2018. Pp. 339–346.
29. *Chernyj hleb v nagruzku – Black bread in the load* // *Kirovskaya Pravda – Kirov truth*. 1935. No. 8 (January 9). P. 2.

На дорогах и по рекам: разбойники и память о них в Вятском крае

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются и определяются особенности малоизученного явления – традиционного русского разбоя, который был неотъемлемой частью повседневной жизни Вятского края, как и России в целом. В центре внимания – период XVIII в. и первой половины XIX в. Статья основана на исторических и фольклорных источниках, в том числе из Центрального государственного архива Кировской области.

Частым нападениям на прохожих и проезжих в Вятском крае способствовали протяженность путей, обилие лесов, немногочисленность городов, гарнизонов и стражи. Разбойников было особенно много на северо-западе и на юге губернии. Они действовали на больших дорогах и плавали по рекам. Через Вятский край из Сибири на родину, в европейскую часть России, возвращались беглые каторжники. Среди крестьян у разбойников имелись приспешники и укрыватели, что затрудняло борьбу с ними. Властям приходилось направлять отряды солдат для выслеживания и поимки шаек. Память о разбоях и разбойниках, о зарытыхкладах еще долго сохранялась в народе, превращаясь в фольклорные тексты, во многом сходные с сюжетами о колдунах и «нечистой силе».

Масштабы разбойничества должны учитываться при оценке состояния Российского государства и общества. Постоянные нападения затрудняли внутреннюю коммуникацию, изолировали и разобщали местные сообщества, отвлекали на противодействие им значительные материальные и людские ресурсы. Из набегов крупных разбойничьих шаек могли разрастаться так называемые народные восстания. Сохранявшееся до очень позднего времени разбойничество – это проявление архаики и варварства, которые присущи России. Разбойная традиция повлияла на становление и расцвет уже в XX в. российской уголовной субкультуры.

Ключевые слова: Вятский край, Россия, разбойники, XVIII–XIX вв., историческая память, фольклор.

В 1817 г. в с. Заозерницком Слободского уезда Вятской губернии случилась стычка священника Иоанна Соснина с пономарем из соседнего с. Покровского Максимом Кибардиным. Обращаясь с жалобой к своему начальству, пострадавший священник указывал, что пономарь схватил вилы и с криком «Я тебя заколю!» ткнул его вилами в плечо. Священник добавлял: «...Я едва-едва успел вскочить в сени и запереть за собою двери, чем и спас себя от смерти, каковым поступком я чрезмерно обижен. <...> И как я уже был резан разбойником, то страшусь, чтоб и он каковым-либо образом не умертвил» [48, ф. 237, оп. 120, д. 518, л. 2]. Само по себе сопоставление задиры-противника с разбойником – привычный риторический прием. Но едва ли мы можем сомневаться, что до стычки с пономарем священник Соснин и вправду, говоря словами Пушкина, попадал на нож настоящему злодею – разбойнику с большой дороги. В те времена такое случалось нередко.

«Знаете ли что? об разбоях можно говорить много и наши писатели обязаны говорить об этом много. Чувствую, что труд не малый; Бог весть – где разбоев не было, Бог весть сколько архивов надо перерывать для этого дела!» Такую реплику услышал литератор и этнограф С. В. Максимов (1831–1901) во время путешествия через всю Россию на Дальний Восток [25, с. 89].

Всегдашняя беда. В России XVIII–XIX вв., да и ранее, имелось немало глухих уголков и заповедных боров, где укрывались шайки разбойников. Промышлять они выходили на большую дорогу. Торговые и почтовые пути соединяли отдаленные города, пролегали через обширные леса, подводили к полуразрушенным мостам и почти терялись на открытых пространствах. При малой плотности населения и протяженности расстояний движение на путях бывало незначительным. Почтовые станции и постоялые дворы начали устраивать довольно поздно. Так что на безлюдье купец, спешивший домой с ярмарки, или же целый обоз легко становились добычей разбойников.

Разбой нередко случались и в других странах. Но на русских дорогах как-то уж слишком часто. Лишь в XIX в. эта всегдашняя русская беда мало-помалу затихла. Точнее, откровенный разбой стал сменяться кражами багажа у путников и похищением тюков из проезжавших обозов.

Столь важное для судеб России разбойничество не пользовалось популярностью у историков. Кроме статей по отдельным аспектам этой темы, в отечественной литературе имеется разве что сильно устаревший сборник очерков писателя Д. Л. Мордовцева (1830–1905) «Разбойники России» [27].

Характерным примером того, как советские историки предпочитали судить о разбоях и разбойниках, являются работы В. В. Мавродина (1908–1987). В книге о восстании Емельяна Пугачева он заявлял: «Классовая борьба крестьян проявляется в убийстве помещиков и приказчиков, поджогах, нападениях на помещичьи усадьбы, действиях вооруженных отрядов беглых (крестьян, дворовых, солдат, рекрутов, бурлаков, работных людей), которые в официальных документах именуется отрядами “воровских людей”, “разбойными партиями”. С точки зрения царизма и дворянства, “ворами” и “разбойниками” были и Разин, и Пугачев» [24, с. 12]. Рассуждая в другой работе о классовой борьбе в России XVIII-го в., Мавродин под заглавием «Действия отрядов беглых» описывал, в общем-то, разбои, предварив это замечанием: «В материалах 30–40-х годов часто встречаются упоминания о действиях “разбойных партий”, “воровских людей”. <...> Но было бы большой ошибкой, идя вслед за составителями официальных реляций, рапортов, инструкций и указов и пользуясь их терминологией, усматривать во всех выступлениях “разбойных партий” действия “рыцарей большой дороги”, уголовных элементов. Официальная терминология не должна закрывать от исследователей истинный смысл рассматриваемых социальных явлений» [23, с. 224]. Истинный смысл этих явлений для советского историка – классовый.

Но все же тему русского разбоя надо отделять от популярной у отечественных авторов тематики социальной борьбы. Ее также следовало бы рассматривать не только в историческом ракурсе – «кто, что, где, когда, каковы причины и последствия». Гораздо плодотворнее обратить внимание на культурно-антропологические и этнографические аспекты разбоев, на социально-психологические особенности поведения разбойников. А также на восприятие разбоев в народе и их воздействие на общественную и культурную жизнь.

В этой статье будут определены особенности традиционного русского разбойничества на примере Вятского края (главным образом, в XVIII и XIX вв.). В Центральном государственном архиве Кировской области имеется немало материалов о разбоях и разбойниках, которые остаются не слишком востребованными. Это дела из фонда Вятской верхней расправы [48, ф. 1228, оп. 2, д. 24, 385, 413, 427, 497, 508, 544, 555, 560, 593, 608, 761, 784, 801, 954, 1360], Вятской нижней расправы [48, ф. 1321, оп. 1, д. 36, 403, 531, 653], Вятского верхнего земского суда [48, ф. 1326, оп. 1, д. 142, 155], Вятского губернского правления [48, ф. 583, оп. 600, д. 98, 130, 144, 167, 359]. В архивных делах указаны действия разбойников: они нападали на своих жертв, бежали из-под стражи, укрывались у кого-либо в доме. Кроме того, есть немало иных архивных дел, которые связаны с «грабежом», с «отнятием на дороге» лошади или денег, с убийством путника. Во многих таких случаях подразумевались именно разбойные нападения. Есть также некоторое количество архивных дел о разбоях первой половины XIX в. – например, в фонде Вятской палаты уголовного суда [48, ф. 18, оп. 1, д. 100, 104]. Документальные источники могут быть дополнены сведениями из местной прессы XIX в., воспоминаниями и собранными краеведами и статистиками материалами. Память о разбоях и разбойниках отразилась также в фольклорных источниках.

Среди историков Вятского края эту тему затрагивал в небольшой статье (основанной, главным образом, на архивных данных конца XVIII – середины XIX в.) ижевский ученый Н. В. Пислегин. В ней он обращал внимание не только на случаи очевидного разбоя, но также на кражи и прочие имущественные преступления. Пислегин рассматривал такие ситуации в традиционном для отечественной историографии контексте социального протеста и имел в виду удмуртское крестьянство, жившее в пределах Вятской губернии [32].

В преданиях и семейной памяти. Литератор В. Г. Короленко, сосланный в уездный город Вятской губернии Глазов, в своем очерке об этом городе, датированном 1881-м г., пересказывал разговоры тамошних обывателей. Один из них, «понижив голос», рассуждал о глазовском купце Шкиларове: «Торговлей, думаете, разжились они?.. Ка-а-ак же! Грабительством да разбоем. Старик, бывало, натюкается у нас же тут и пойдет хвастать: “Пять, баэт, медведей убил... Да зря, – все не шубные. Шестой, говорит, шубный попался... С него, батюшки, и жить пошел...” И заплачет... Вот и понимаете: нешто это купечество?.. Настоящее?.. Как в прочих, например, местах полагается быть купечеству?..»

Показательный случай. Обвинения в «грабительстве да разбое» нередко звучали, когда нужно было опорочить богатого человека.

Собиратель вятских диалектных слов и выражений, учитель Н. М. Васнецов отметил звучавший на Вятке в конце XIX в. глагол «придорожничать», то есть, по его толкованию, во-первых, «ругаться с прохожими; быть ругательником» и, во-вторых, «грабить на дороге прохожих, проезжающих». Соответственно, было и существительное «придорожник» – «ругательник, нахал; не дающий никому проходу; всех ругающий» [6, с. 249–250; см. также: 29, с. 219]. В словаре Васнецова есть существительное «подорожник» – «ругательник; ругающийся на улице с прохожими, проезжими; нахал; никому проходу не дающий» [6, с. 221]. В Вятском крае записан глагол «подорожничать» («заниматься грабежом на дорогах, разбойничать; ругаться с прохожими») [29, с. 71]. Заметно, как из точного обозначения разбойника при дороге и его действий образуется переносный смысл, и так начинают называть забяку и задиру вообще. Иначе говоря, значение этих слов ко второй половине XIX в. изменялось и, так сказать, смягчалось: от разбойника – к наглецу.

Вятский священник М. И. Осокин, заинтересовавшись в середине XIX в. легендами и преданиями о кладах Малмыжского уезда, выяснил, что почти все клады народ считает разбойничьими, потому что, дескать, прежде в тех местах было множество шаек [30, т. 60, с. 179]. Приписываемые разбойникам «денежные поклажи» – это интересная тема, которую следовало бы рассматривать особо. Рассказы о них – разновидность фольклорной прозы, со всеми присущими ей особенностями. Отметим лишь, что в таких сюжетах разбойники уподоблялись колдунам и «нечистой силе».

Фольклористка Ю. В. Приказчикова в подготовленном ею сборнике устной исторической прозы Вятского края выделила в качестве одного из основных разделов народные рассказы о разбойниках [44, № 203–276]. Она отмечала, что уже П. Н. Луппов (1867–1949), известный историк Вятского края, указывал на обилие таких текстов на Вятке. По ее наблюдениям, народная разбойничья проза Вятского края запечатлела северную версию этого фольклорного образа («истинный разбойник»), в отличие от распространенного в Поволжье и в Средней России «благородного мстителя»: «...Вятской прозе не свойственен образ “благородного” разбойника, поскольку в крае не существовало крепостного права» [44, с. 17]. (Разумеется, объяснять развитие северного и южного вариантов фольклорного образа так вот напрямую, социологически, как это обычно делается, едва ли следует.) Значительную распространенность этих преданий Приказчикова комментировала так: «На наш взгляд, историко-этнографическую основу образа вятского разбойника можно связать с ушкуйничеством» [44, с. 18]. Но это всего лишь умозрительная догадка, которую невозможно подтвердить. В самом деле, между новгородскими ушкуйниками, которые плавали по рекам Русского Севера в XIV в., и бытовавшими в XIX–XX вв. преданиями о разбойниках разница слишком велика – и по времени, и по сути. В народных преданиях Вятского края нет каких-либо специфически «ушкуйничьих» мотивов – новгородских, связанных с грабежами «иностранцев» и с добычей «мягкой рухляди». Да и то, что можно было бы назвать памятью об ушкуйниках, сохранялось, кажется, не фольклорных (то есть устных) повествованиях, а в местной книжности второй половины XVII – начала XIX в. При этом и на Вятке заметна идеализация разбойников – удалцов, «добрых молодцев», лихих людей (зачастую со сверхъестественными способностями).

Про Казанский тракт, что проходил по Сунской волости Нолинского уезда, рассказывали: вдоль него по дремучим лесам водилось много разбойников. Они нападали на бедняков, которые хаживали пешими, и на богатых, ездивших «на ямщицких тройках». А один из «колodников», которых как-то раз гнали по тракту, заговорил, дескать, в Суне с местными и, показав на заросшую густым лесом Клековскую гору, поведал, что гора эта умела хранить разбойничьи тайны. Там, мол, его шайка и промышляла, покуда его не арестовали. Там зарыли они свои несметные богатства. В то же время и про жителей сунской д. Сарычи говорили, будто те занимались грабежами на дорогах: «Убивать никого не убивали, а просто уводили лошадей» [42, с. 14–15, 16–17].

Люди вспоминали, что грабежи, смертоубийства, нападения на подводы случались на большом тракте, соединяющем Вятку и Слободской (по нему проезжали и дальше на восток, к Уралу и Сибири), в районе речки Шкатихи. Рассказы об этих случаях, по-видимому, относятся к рубежу XIX–XX вв. Две такие истории приведены в книге краеведа С. П. Серкина [37, с. 14].

Дремучие леса в Вятском крае, как и в иных местах России, в народе нередко называли «разбойными». Они обычно располагались по берегам судоходных рек, которыми пользовались

как торговыми путями. Известна местность с названием Разбойный Бор в заречной части Котельнича, вниз по течению р. Вятки [41, с. 67]. В опубликованном в 1925 г. путеводителе А. Д. Фокина и М. М. Решетникова об этом боре сказано: «Название свое он получил от шаек разбойников, грабивших в конце XVIII в. и в начале XIX в. на торговом тракту между Кукаркой (Советском) и Котельничем и суда с товарами по р. Вятке» [46, с. 41]. Московские фольклористы в 1990-х гг. записали в нынешней заброшенной д. Разбойный Бор Оричевского района Кировской области и в ее окрестностях рассказы о разбойниках и их кладах. Кроме прочего, о том, как атаман хотел попробовать на вкус человеческое мясо [8, № 49, 51, 52, 58, 59]. Краеведы к фольклорной памяти относятся с полным доверием. Например, журналист, знаток Котельнича и его окрестностей О. А. Зайцев склонен им верить: там и вправду могли орудовать шайки. По его словам, в 1970-х гг. жители д. Чикиши, расположенной в той самой местности, рассказывали, что некогда мужики соседних волостей решили прогнать оттуда разбойников. И те, убегая, свои драгоценности спрятали в болоте [14, с. 149–150]. Между тем, мотив утопления в озере или болоте разбойничьих кладов типичен для таких фольклорных повествований, он встречается повсеместно.

В том же Оричевском районе (прежде – в Орловском уезде Вятской губернии), в 27 верстах к югу от г. Орлова, находится старинное с. Шалегово [50, с. 354–355]. В составленной местным священником в XVIII в. «летописи» утверждалось, будто основателями села были разбойники. Само название «Шалегово», дескать, происходило от слова «шалга», которое обозначало разбойника. В окрестностях тоже обитали разбойники, особенно в д. Клопихе: «Бе же окрест болотома ключ Клопих. Идеже имеа жительства друзии из Нова-города ушкуйцы, нрава вельми злаго и хищнаго, нерадеша Божию храму, не работа землю и твориша разбои имже искаша себе питание». В описании этих мест, сделанном в конце XIX в., приводились довольно наивные доказательства истинности «летописного» мнения: «В списке (“летописи”. – В. К.) упоминается, что около села был ключ (речка) Клопиха, который в настоящее время зовется Клопишинский Лог, тут же и дер. Клопиха, и что поселение около ключа служило притоном хищных ушкуйников и беглецов. Это вполне правдоподобно, так как в начале даже нынешнего столетия дер. Клопиха славилась ворами и некоторые из них были сосланы в Сибирь на поселение» [9, с. 114–116]. Что общего между ушкуйниками XIV в. и непутевыми мужиками XIX в.?

На самом деле вятское диалектное «шалег» означает «сенокосное место с кочками и неровностями» [38, с. 373] – слово, возможно, родственное отмеченному у В. И. Даля архангельскому и сибирскому «шалга» («большой, вхожий лес; дровосека»), которое, как считается, карельского происхождения [12, с. 398]. Между тем, краеведы прошлых времен, очевидно, по созвучию сравнивали вятский топоним «Шалегово» и существительное «шалга» со словами «шалый», «шалить». А кто же «шалит» по дорогам и в лесу скрывается?.. Разбойники! Характерно, что «шалые» людишки в рукописи XVIII в. возводились к новгородским ушкуйникам. Во многих местах Русского Севера, да и Вятского края, считали, будто русскими первопоселенцами были выходцы из Новгорода Великого, особенно плававшие по рекам в лодках-ушкуях воины и грабители – ушкуйники. Достоверность таких местных преданий, как сейчас понятно, невелика.

Каргопольский краевед И. И. Рудометов, записывая предания о разбойниках, обращал внимание, что и в Вытегорском уезде Олонецкой губернии имеется «целый приход» Лихая Шалага, «находящийся на островах среди порою прямо непроходимых болот», население которого считало своими предками «шайку бежавших со службы солдат» [35, с. 48]. Видимо, «лихая шалага» – это было прозвище тамошних жителей. Кажется, Рудометов не сомневался в историчности преданий о разбойниках и беглых солдатах, которые будто бы становились основателями «разбойничьих» поселений.

Такого рода предания о «разбойных» деревнях обычно формируются под впечатлением от вороватого или задиристого поведения их жителей в сравнительно поздние времена.

Главным образом, на предания и легенды опирался В. Ф. Кудрявцев, автор созданных в конце XIX в. очерков о Вятско-Камском крае. Он писал: «...Прикамский край долгое время служил ареною бунтующих инородцев и разбойников. Почти каждое старинное русское селение хранит предание о неистовствах разного рода грабителей» [21, с. 164]. Учитель и краевед, а впоследствии – знаменитый археолог А. А. Спицын в 1890 г. в газете «Вятские губернские ведомости» отмечал, что, кроме берегов Камы, в Вятской губернии нигде не сохранилось столько рассказов о разбойниках и оставленных ими кладах, как в Зюздинском и Кайском краях. То есть Спицын указывал местности на *северо-востоке* Вятской губернии, прилегающие

к Прикамью. По его мнению, это объяснялось тем, что там в XVII в. проходили три большие дороги, а еще из-за значительного отдаления от крупных городов – Перми и Хлынова [1, с. 4]. О разбойниках того же Кайского края несколько прежде Спицына упоминал вятский статистик П. М. Сорокин, отметивший, что «предания о них многочисленны и очень живы» [39, с. 46].

Много свидетельств – исторических и легендарных – о разбойниках южных местностей Вятского края в предреволюционные годы собрал молодой историк и археолог М. Г. Худяков (1894–1936). Его статья начиналась так: «В прежнее время различались разбойники лесные, грабившие проезжавших по Сибирскому тракту, и разбойники луговые, нападавшие на суда, плывшие по реке Вятке». Характерно уточнение Худякова, что по дорогам разбойничали «еще на нашей памяти». Некогда грабили купцов, а позже стали нападать на почту. «Самыми удобными местами для нападений служили мосты через овраги, где свернуть с пути было некуда, и поэтому все воспоминания о лесных разбойниках приурочены к мостикам и логам, где разбойники и скрывались». Впрочем, у Худякова преобладают малодостоверные, полуфольклорные сведения – о разбойничьих стоянках и складах, о деревнях, промышлявших разбоем, о таинственных могилах и крестах [47].

Д. К. Зеленин в созданном в начале XX в. путеводителе по Вятско-Камскому краю упоминал пристань Соколки или Сокольи Горы – на р. Каме, неподалеку от впадения в нее р. Вятки. (Там действительно высокий берег, а крутые речные берега на Руси называли «горами».) Зеленин писал: «В старину на этих горах жили соколы, как в собственном, так и в переносном смысле этого слова (разбойники); от них, будто бы, село и получило свое название» [15, с. 18]. Что «соколами» называли разбойников и от них пошел этот топоним, – это типичное народно-этимологическое предание (с научной точки зрения, недостоверное). Но показательное, что народ и самое обычное географическое название пытался связать с вездесущими разбойниками. Как можно заметить, отклонения в образе жизни и поведении (реальные либо мнимые) у обитателей той или иной местности привычно объяснялись тем, что их предки были разбойниками-душегубами.

Профессор Казанской духовной академии И. Я. Порфирьев (1823–1890), родившийся в с. Атары Уржумского уезда, в написанных под конец жизни воспоминаниях приводил семейное предание о своем деде Максиме – сельском священнике, служившем в Атарах: «О[тец] Максим считался богатым человеком. Говорят, разбойники несколько раз собирались ограбить и даже убить его. Однажды в глухую осеннюю ночь они забрались к нему в дом и начали спрашивать, где у него деньги. А так как он не сказывал, то пытали его на огне; но бабушка, спавшая где-то в чулане, услышала шум и крики дедушки, успела выбежать на улицу и, взбежав на колокольню, начала бить в набат. Это было еще время, когда село находилось на самом берегу р. Вятки. По берегам Вятки тогда был лес и страшная глушь; воровство и разбой в этих местах были делом до того обыкновенным, что им занимались целые деревни, как как-нибудь ремеслом. Мирным жителям жить было страшно. Мне рассказывали, что, собираясь ехать куда-нибудь в дорогу за 50 или за 100 верст, путешественники не только служили молебны, но исповедовались и приобщались, боясь быть убитыми на дороге. Такие опасности существовали очень долго» [33, с. 151].

Стоявшее «на самом берегу» село позже было перенесено от берега реки наверх, более чем за полверсты [33, с. 150]. Этот случай, памятный семейству, следует отнести к последней четверти XVIII в. В нем запечатлены типичные признаки тогдашнего разбоя по рекам Каме и Вятке: приход шайки в заранее намеченный дом, пытка огнем с требованием выдать припрятанное, разбойный промысел как привычное занятие некоторых селений.

В воспоминаниях Порфирьева вслед за тем рассказывался случай, произошедший с его отцом – священником Яковом Максимовичем: «Батюшка рассказывал, что даже в то время, когда он был священником, примерно в 20-х годах (XIX в. – В. К.), в один вечер вдруг к нему в дом является один мужик из разбойничьей деревни, заведомо считавшийся разбойником. Севши за стол, он вынимает из-за пазухи пистолет и, положив его на стол пред собою, начинает просить у батюшки денег взаймы 100 рублей, обещаясь возвратить их в срок. При такой обстановке отказать, конечно, было нельзя. Батюшка не только дал разбойнику денег, но и напоил его водкой. “Ну, о[тец] Яков, – сказал угостившийся разбойник, – за твое одолжение и угощение я расплачусь с тобой беспременно. Приходи ко мне за деньгами в такой-то день”. Когда настал этот назначенный день, батюшка долго в сильном страхе колебался, идти или нет. Но 100 рублей, хотя бы и ассигнациями, в то время для сельского священника были большая сумма, и он решился идти. Разбойничья деревня была недалеко от села, только

переехать на другой берег Вятки. Разбойник оказался дома налицо. Завидев батюшку, он встретил его и привел в избу. Посадив за стол на лавку, он спросил его: “Что, батюшка, за деньгами пришел?” А сам, взявши нож, начал точить его, в то время продолжал разговаривать. Батюшка ни жив ни мертв, как говорится, сказал, что, действительно, за деньгами, если милость будет, а то он может еще обождать. “Ну, хорошо, хорошо, сейчас заплачу”. И, действительно, вынес ему 100 рублей. “Спасибо, – сказал он, – что тогда из беды выручил”» [33, с. 151].

Семейные воспоминания, примером которых являются рассказы, записанные Порфирьевым, смыкаются с памятью коллективной, которая переходила в память фольклорную.

«Бывают и смертные убийства тем едущим людям...» Как известно, фольклорные тексты (в том числе и предания о разбойниках), существуют и изменяются в соответствии со своими внутренними закономерностями. Так что не следует напрямую возводить их к определенным историческим личностям и событиям. Однако нет сомнения, что исторические реалии так или иначе на предания и легенды влияют. Пусть фольклорное зеркало сильно искажает, но все же в нем проглядывает кое-что реальное. Укорененные в фольклорной и семейной памяти лихие разбойные нападения и колоритные образы атаманов-колдунов – такое объяснимо, в частности, распространенностью разбоев в повседневной жизни народа. Издавна и вплоть до XIX в.

Примером того, как фольклоризировалась память о конкретном ярком событии, является такая история. Расположенное на берегу Камы с. Колесниково Каракулинской волости Сарапульской округи (уезда) во второй половине XVIII в. было, можно сказать, столицей вятско-камских разбойников. Они постоянно туда захаживали, там жили их сообщники и укрыватели. В мае 1789 г. в село нагрянули солдаты, и случилось сражение с какой-то очередной шайкой. Злодеи засели в избе и отстреливались. Целые сутки посреди села грохотала пальба, было ранено двое солдат и девять крестьян. За этим последовала ужасная гибель разбойников в подожженной кем-то избе. Все это стало известно из выявленных архивных документов. А в XIX и начале XX в. было записано несколько вариантов красочного предания об огненной гибели атамана по имени Гурька вместе с его людьми. Так фольклоризировалась народная память об историческом событии. Те места и вправду кишели разбойниками, четверо из которых в 1789 г. погибли при пожаре. Неподалеку находились пещеры, где прежде добывалась медная руда, а местные жители стали рассказывать, будто там укрывались речные разбойники во главе с атаманом по имени Гурька, которые с приречных высот высматривали добычу. В памяти народа все соединилось. Этот сюжет, ставший фольклорным, отразился также в писаниях краеведов и беллетристов, где злодеи-душегубы могли обретать черты народных героев. И при каждом следующем пересказе, при очередной переработке красочная история дополнялась все новыми, дополнительными подробностями [18].

Да, согласно достоверным историческим источникам, в старину на дорогах и по рекам Вятской земли имелось немало разбойников. Эти места некогда были лесной глухоманью, через которую пролегали пути на восток. А где большие дороги и на обширных пространствах недостает солдат и чиновников, там и шайки.

Великий князь Иван Васильевич в грамоте от 2 марта 1542 г. предоставил вятчанам «губное право», то есть право суда и расправы над пойманными разбойниками¹. В XVII в. писцовыми книгами отмечались такие причины «запустения тягла»: «стал безвестно», «умер», «взят в солдаты», «ходит по миру Христовым именем», а наряду с этим – «убит разбойниками» [40, с. 159]. Например, в дозорной книге Ф. А. Звенигородского, В. Т. Жемчужникова и М. Ординцева отмечено большое количество опустевших дворов в Котельниче. Есть и запись: «Двор пуст Худячка Елпашева. Худячка убили разбойники на Казанской дороге во РФИ-м [1611-м] году» [2, с. 73].

Согласно ландратской переписи 1716–1717 гг. (это была подворная перепись с фискальными целями), в структуре смертности удмуртского населения Вятского края преобладала смертность от болезней. Но притом велика была доля насильственных смертей. Само по себе это для того времени не удивительно. За пять лет среди удмуртов умерло 1256 человек (781 мужчина и 475 женщин). Из них разбойниками убито 15 человек, «башкирцами» – один

¹ См.: «Грамота великого князя Ивана Васильевича на Вятку о расправе с разбойниками 1542 г. марта 2» [43, с. 82–84]. Этот указ, вместе с предыдущим великокняжеским указом от 8 февраля 1540 г., опубликован также в кн.: [13, № 1, 2].

человек, убит в лесу – один человек (к примеру, утонул тоже только один) [см.: 11, с. 74–75]. Так что весьма значителен был процент погибших от рук разбойников (к числу таких жертв, очевидно, можно причислить и погубленного башкирцами, и убитого в лесу).

В 1790 г. по Вятско-Камскому краю проезжал в сибирскую ссылку А. Н. Радищев. А в 1797 г. он оттуда возвращался. Сохранились его «Записки путешествия в Сибирь» и «Дневник путешествия из Сибири». Судя по этим записям, тогда на Каме имелось немало разбойников, которые не особо и таились. Как писал изучивший записки Радищева историк П. Н. Луппов, разбой там был бытовым явлением. Преступники жили достаточно открыто, многие знали их, они поддерживали отношения с местными властями. Об их делах ходило много историй (разумеется, и легендарных тоже). Например, рассказывали про некоего Ивана Фадеева, который грабил, дескать, дурных помещиков – тех, что плохо относились к своим крепостным. А помещиков хороших он не трогал. В «Дневнике» Радищева за 19 мая 1797 г. есть запись, показывающая, что разбой в это время года, при весеннем разливе, бывал именно на реке: «Возставший ветер понудил ночевать близ села; ибо боялись проплыть устье реки Белой, в 4-х верстах от сего места, где Кама разлилась верст на 20 и бывают разбойники...» [22, с. 106–107; 5, с. 6, 28].

В архиве сохранился датированный весной 1794-го г. подлинник письма с требованием большой суммы денег. Это послание было направлено шайкой разбойников сотнику Решетникову – крестьянину, занимавшему низшую административную должность в Мостовинской волости Сарапульской округи. Вымогатели уверяли, что их 12 человек и требовали приготовить для них немалую сумму – 600 рублей, обещая после прохода льда на Каме явиться к Решетникову в дом и, если денег не будет, жестоко с ним расправиться [17].

И свидетельства Радищева, и выявленные в архиве документы о двух упомянутых выше случаях указывают на разбойников, действовавших по большим рекам. А вот как происходили нападения на больших дорогах.

6 февраля 1799 г. сын сарапульского крестьянина Ивана Замараева Осип, съездив за сеном, возвращался домой. В официальной бумаге о случившемся говорилось: «...Выехал на большую дорогу, где повстречались с ним незнаемые два татарина на одной лошаде, запреженной в обшевни, а сами шли позади своей лошади пешими. И как съехали в сторону, выхватя из опшевной своих цап (по-видимому, цеп, то есть сельскохозяйственное орудие для мотыбы, которое может применяться в драке. – В. К.), ударили сидящего на лошади верхом по голове, отчего он упал... а потом выпрегли лошадь ево и увели...» [48, ф. 1, оп. 2, д. 602, л. 16об.]. «Большая дорога» в других местах архивного дела именуется трактом. Очевидно, по этому тракту добрался до Вятского края один из нападавших. Как потом выяснилось, то был живший в Бирской округе Оренбургской губернии башкир Халия (Галия) Тутагулов. При нем оказался сарапульский татарин Абдулкарим Абдулбахабов. И хотя это вроде бы широкая дорога, но, кажется, к февралю на нее намело уже столько снега, что разминуться со встречными можно, лишь съехав в сторону. При злодеях были «обшевни» – так на Вятке называли обшитые лубом, глухие сани [6, с. 170]. А лошадь имелась только одна. Вот они вторую и раздобыли. Правда, в ближнем селении их сразу и выловили.

17 апреля 1817 г. казанский мещанин Яков Маркелов ехал в телеге из Казани «по торговым делам». Он находился на по Илетском (Илецком) волоке, что на границе Казанской и Вятской губерний. Волоком на Вятке, как и в иных северных местностях, называли участки сплошных зарослей. Н. М. Васнецов, дав в своем словаре диалектизм толкование этого термина («громадная площадь, поросшая большим лесом»), привел и пример употребления: «На этом волоку маленечко пошаливают» [6, с. 35]. Вот и в том случае без «шалостей» не обошлось. У Маркелова было с собой 3500 рублей – он направлялся на бумажную фабрику, чтоб закупить там бумагу. На дороге его нагнали четверо верховых татар. Один из них пару раз ударил Маркелова, и тот упал на землю без чувств. Они сорвали у него с шеи бумажник с деньгами, увели лошадь с телегой (в телеге находились его вещи). Придя в себя, Маркелов залез в лесную чащу, решив, что злодеи могут вернуться и добить его. Он там заблудился и двое суток бродил. Кое-как сумел выбраться к постоялому двору. Туда же сама дошла его лошадь (без телеги). Случай был почти безнадежен, но двух нападавших все же поймали. «...При заковке в железа вышеписанных пойманных двух татар, говорили они точно такими словами: “Когда мы будем на воле, то докажем дружбу исправнику и волостному голове, будут де нас они помнить, станут плясать и пропадут!”» [48, ф. 582, оп. 46, д. 212, л. 1–3об., 9].

Под вечер 25 июня 1817 г. татарин Амир Деветиаров и его работник на паре лошадей, запряженных в телегу, направлялись к г. Вятке. Тракт пролегал по Орловскому уезду. Они

везли товар и наличные деньги, всего на 2300 рублей. «Из лесу первого из ружья застрелили, товар и денги ограбили и последнего с лошадьми отпустили». Уцелевший работник приметил одного из нападавших, и того быстро разыскали. Оказалось, что это был беглый рекрут Афанасей Осипов. При допросе выяснилось, что он учинил нападение вместе с четырьмя другими беглыми рекрутами [48, ф. 582, оп. 46, д. 239, л. 1–1об.].

Очередное архивное дело о нападении на большой дороге открывалось донесением вятскому губернатору П. М. Добринскому. «...На Сибирском тракте... беглые люди делают проезжающим по подорожным частовременные остановки и насильственным нападением причиняют грабежи и даже побои» [48, ф. 582, оп. 46, д. 329, л. 1]. И следом – такой пример. В ночь на 27 августа 1818 г. на границе Вятской и Пермской губерний совершено нападение на отставного штаб-ротмистра Сибирского казачьего войска Елгаштина и находившегося при нем бухарца Азимбая Гадаиниязова. Они следовали с ямщиком по тракту из Перми. Оба седока и ямщик были ограблены и избиты, едва живы остались. Елгаштин объявил, что ущерб вещами и деньгами у него и его спутника составил 8799 рублей [48, ф. 582, оп. 46, д. 329, л. 1об., 5–5об.]. Разбойников не нашли.

Вскоре Вятская губернская почтовая контора направила губернатору рапорт: 9 сентября 1818 г. там же ночью ехавшие с почтой заметили впереди перекрытую валежником дорогу. Из лесу выбежало человек шесть. Но так как с почтой было много людей и у почтальона имелось ружье, то злоумышленники не стали нападать и скрылись. На этой дороге постоянно встречались опасные бродяги [48, ф. 582, оп. 46, д. 329, л. 9–9об., 10].

В 1821 г. Сарапульский уездный суд, а затем и Вятская палата уголовного суда рассматривали дело о банде разбойников. Следователям удалось подробнейшим образом записать, кроме прочего, показания двоих из них – братьев Оглезневых. Все началось с кражи братьями-разбойниками в 1818 г. трехсот рублей, за что их наказали плетью и сослали в Тобольскую губернию для работы на Петровском винокуренном заводе. Весной 1819 г. они бежали оттуда вместе с другими пятью человеками. Возле Екатеринбурга им встретились еще семеро бежавших с поселения. Там же под Екатеринбургом некоторых выловили казаки, а кое-кто скрылся неведомо куда. Приключения братьев и их поделельников продолжились в Прикамье и Вятском крае. Оружием завладеть было легко – ружья и порох они могли раздобыть даже в крестьянских избах. Разбойники врываются в избы, издевались и мучили людей (били нагайками, хлестали подожженными вениками), нападали на дорогах. При сопротивлении отбивались оружием. Не остановились бы и перед убийством. Братья Оглезневые совсем не похожи на «благородных разбойников». Грабежи и насилия творились ими над самыми обычными, простыми людьми, которым не повезло, и они оказались у негодяев на пути. Встретив на дороге одного такого бедолагу, отобрали у него единственный имевшийся при нем рубль. Сарапульские судьи присудили им такое наказание (а губернская инстанция в г. Вятке подтвердила и уточнила): дать каждому 50 ударов кнутом, а затем, на их лицах «поставя указные знаки, сослать в каторжную работу» навечно [48, ф. 18, оп. 1, д. 104, л. 80–81об., 84]. Уже не плетью, как за первое их преступление – кражу, а тяжелым палаческим кнутом. Уже не для трудов на заводе, а на каторгу.

Педагог и краевед Н. Г. Первухин во второй половине 1880-х гг. писал о Глазовском уезде Вятской губернии, который он хорошо изучил: «...Разбойники были весьма многочисленны в последнее двадцатипятилетие XVIII-го века и в первое сорокалетие века настоящего в соседних с Глазовским уездом на юго-востоке Сарапульским и Малмыжским уездах, откуда при начинающихся преследованиях начальства нередко переходили они и в леса Глазовского уезда, продолжая, разумеется, и здесь кормиться тем же». Далее, ссылаясь на побывавшего в тех местах в 1771 г. академика И. И. Лепехина, Первухин приводил сведения о разбойничьем разгуле в соседнем Кайском крае [48, ф. 574, оп. 8, д. 72, л. 10–10об.]. Статистик П. И. Наумов в начале XX в. тоже указывал, что в прежние времена на сухопутных дорогах и реках Вятского края имелось множество разбойников, отмечая южные уезды губернии: «Нападения производились целыми вооруженными организованными шайками; нередко бывало, что отдельные селения, запрятавшиеся в глубину лесов, по соседству с проезжей дорогой, были грабителями по профессии. Особенно распространено грабительство было в южных уездах – Сарапульском, Елабужском и Малмыжском и даже в Уржумском, где преобладало инородческое население, по преимуществу татары, башкиры и черемисы». На Московском тракте, что пролегал по центральной части Вятского края, грабежи и даже убийства были в обыкновении, особенно во время Макарьевской (Нижегородской) ярмарки. Часто такое случалось

в непосредственной близости от губернского центра, причем на проложих и проезжих нередко нападали солдаты местного гарнизона, «дурно содержавшиеся». Наумов продолжал: «В начале XIX столетия вооруженные нападения с убийствами и грабежами так участились, что исправники о простых кражах, напр[имер], о кражах лошадей, о воровстве считали излишним даже доносить в губернию. Потребовалась посылка войска» [20, с. 79]. Краевед и литератор, священник Н. Н. Блинов, автор книги о расположенном на Каме уездном городе Сарапуле, в начале XX в. описывал старинную жизнь: «Обширность незаселенных пространств, отсутствие дорог и недостаточность внутренней организованной охраны представляли возможность появлению мелких шаек разбойников». Он приводил примеры разбоев второй половины XVIII и первой четверти XIX в. После, когда организованных шаек стало меньше, всю развилось воровство [4, с. 30–31].

Польский революционер Р. Пиотровский в 1846 г., зимой, совершил побег с сибирской каторги, направляясь к Архангельску. От Соликамска в сторону Белого моря он брел, выдавая себя за паломника, направлявшегося к Соловецкому монастырю. Получается, что он проходил прикамскими и северовятскими лесными дорогами. В своих мемуарах Пиотровский описывал такой случай. За Соликамском он придерживался течения Камы, и, уже миновав Чердынь, где-то вблизи Кая чуть было не набрел на разбойников: «Один раз бежавший в лесу человек, встретив меня, закричал: “Не ходи дальше! Там разбойники! Они гнались за мною и тебя зарежут!” Лицо его было бледно, он был перепуган, и я ясно видел, что он говорит правду. Я спросил, сколько их? “Двое!” Ну, и нас двое, пойдем вместе, сказал я. Но он был страшно испуган, не хотел слушать слов моих и побежал к избушке. Я, подумав немного, сломил в лесу добрую дубину и пошел вперед, но разбойников не встретил. Вечером я ночевал в избушке и рассказал все это хозяину: он отвечал мне, что в лесах много разбойников и что большая часть из них беглые рекруты» [31, с. 150–151].

Кайский край, где Пиотровскому встретился напуганный разбойниками путник, расположен близ Камы. В находившихся неподалеку прикамских землях тоже помнили о множестве разбойников, которые там водились. Между 1730 и 1780 гг. «Соликамская провинция страшно бедствовала от разбоев». Тогда эти земли были наводнены «толпами бродяг, нападавших не только на отдельные местности, подчас на целые села и горные заводы». Среди разбойничавших было много беглых каторжников. Рассказывали, что в 1730 г. «воевода во главе огромной партии инвалидов (военных ветеранов. – В. К.) и обывателей выступил против злодеев и на первом же ночлеге был полонен ими, но, к удивлению, не предан злой смерти, а только высечен и поутру отпущен домой». Тогда прославился «истребитель разбойников» Редькин – приказчик из с. Купроса, что в Иньвенском имении Строгановых [34, с. 557].

Известно, что по прикамским и северовятским местностям из Сибири на запад пробирались беглые каторжники, которых было множество, особенно в теплое время года. Некоторые там по дороге и разбойничали².

Журналист и писатель В. И. Немирович-Данченко в 1875–1876 гг. путешествовал по Уралу. Когда ехали по глухим лесным местам – «Зачусовой сторонке», ямщик говорил ему:

«Тут и ведмедя, и беглых – сколько хочешь. Слободно им ходить тут, куда глаза глядят! Не ловят их наши; беглых жалеют, а ведмедь, что ж, он здесь смиренный: уходит от человека, если не дразнят его...

– А много беглых бывает здесь?

– До пропасти! Тоскуют по родимому-то месту и бегут...» [28, с. 284].

Наумов, Блинов и некоторые другие авторы, упоминавшие о шайках на Вятке XVIII – начала XIX в., опирались на те материалы, которые были извлечены из архивных дел и публиковались местными историками. (К счастью, некоторые из документов, выявленных, просмотренных, изученных историками и краеведами XIX-го в., сохранились до наших дней.) В напечатанном в 1880 г. к столетию со времени открытия Вятского наместничества коллективном труде прослеживалась история края за период 1780–1880 гг., причем именно по архивным документам. Там, среди прочих достопримечательных событий, рассказывалось о памятных разбоях, отразившихся в письменных источниках.

За первые 16 лет существования наместничества, то есть в 1780–1796 гг., вооруженные нападения случались весьма часто. Более всего от них страдали юго-восточные местности:

² О беглых каторжниках в Слободском уезде Вятской губернии (в состав этого обширного уезда входил и г. Кай с окрестностями) см.: [16, с. 32–33].

Сарапульский, Елабужский, Малмыжский, Уржумский уезды. Обычно прикамские разбойники действовали на реках – с весны, от вскрытия рек, и до осени. Но и на суше орудовали тоже – например, терроризировали Большую Сибирскую дорогу в Малмыжском уезде [3, с. 268–269]. Из дошедшего до нашего времени архивного дела известно, что в августе 1787 г. в окрестностях Малмыжа шайка в 17 человек приняла бой с воинской командой, при которой находились и местные жители. Четверо солдат было ранено, крестьянин из местных убит. А у разбойников подстрелили одного-единственного [48, ф. 583, оп. 600, д. 98, л. 51–53об., 67]. В 1811–1814 гг. в Елабужском и Сарапульском уездах действовала банда из татар, которые были осуждены за кражи, а потом бежали и, вернувшись в родные края, стали еще опаснее, занялись грабежами. К ним присоединились беглые рекруты. Среди вооружения этих удальцов имелись луки со стрелами. Усмирять их пришлось при помощи регулярных войск [3, с. 354–355]. Судя по одному обширному архивному делу, и в 1817–1818 гг. в Елабужском уезде продолжали бесчинствовать разбойники – татары и тептяри (с ними, по крайней мере, один беглый рекрут). Вятский губернатор посылал воинскую команду, доносил о шайке в Министерство полиции. Даже императору докладывали! Когда у солдат случилось с ними столкновение, то выяснилось: у разбойников по паре ружей, пистолеты, сабли, кинжалы, копья. Из луков они тоже стреляли. Кого-то удалось выловить, но не всех [48, ф. 582, оп. 46, д. 335]. А в 1822–1825 гг. в Сарапульском уезде действовала банда во главе с некрещеным удмуртом Хамитом (Камитом) Усмановым [3, с. 372–373; 7]. В советские времена его числили национальным героем. Удмуртский писатель И. Г. Гаврилов (1912–1973) создал трагедию «Камит Усманов», и с 1941 г. в Ижевске шел музыкальный спектакль по этой пьесе.

19 января 1792 г. глава Вятского наместничества (губернии) Ф. Ф. Желтухин направил коменданту г. Вятки полковнику Коху предписание, чтобы тот принял меры против разбойников в самом городе и окрестностях. Желтухин указывал, что до него дошли такие сведения: «...Ежечасто проезжающим людям... близ самого города Вятки по дорогам грабители причиняют грабежи и отнимают у них лошадей, но паче всего при тех грабежах бывают и смертные убийства тем едущим людям...». На взятых лошадях злодеи беспрепятственно въезжали в город, где останавливались в известных им домах. И нападения продолжались уже на городских улицах. А вблизи Вятки «как слышно, грабители ездят человека по три и по четыре, закрываясь в санях рогожами, дабы не можно было приметить, что такое число их едет...». Наместник указывал: следует бдительнее досматривать прибывающие в город сани, задерживать всех подозрительных, привлекать в борьбе с разбойниками и грабителями обывателей [10].

Татей да воров тянуло в центральный город края, но там с ними властям и справиться было легче (при желании, конечно). А вообще-то самой опасной была, во-первых, северо-восточная окраина губернии, переходящая в прикамские леса, – малолюдная, но проезжая, с большими дорогами. Во-вторых, юг и юго-восток губернии, где многочисленное и разноплеменное население жило побогаче – там разбойничали на дорогах и по рекам.

Писатель и этнограф С. В. Максимов в середине 1850-х гг. ездил летним путем в Вятскую губернию. Впечатления о поездке он изложил в документальном очерке «Вотьяки», который затем стал частью его книги «Лесная глушь» (1871). Ямщик-вятчанин оказался угрюм и неразговорчив. Мчал он лихо, и ночью, и днем. Максимов был единственным седоком. Вот уже сгустилась тьма, ни огонька кругом, глухомань. «Вам, одинокому в этой пустой и темной окрестности, скучно; в голову лезут Бог весть какие мысли, и одна из них навязчивее прочих – это мысль о возможности нападения разбойников. Припоминаются старинные рассказы о поимке негодяев, которые отрезывали чемоданы и пугали проезжих. При этом воспоминании становится немножко неловко, немножко даже страшно. Вы уверены в ямщике, но боитесь права и лева, в темноте которых не знаешь, что творится; может быть, целая шайка грабителей насторожила уши и ждет – не дождется. Праздное воображение утомляется между тем до того, что забывает эти картины, берется за новые, забываешь и их, забываешь все на некоторое время... начинаешь дремать. Но, Бог знает отчего, чуткое ухо слышит где-то звон, воображение с силою ухватывается за оставленную мысль о разбойниках, вы просыпаетесь и с особым удивлением слышите звон своего колокольчика, и еще новый, который несется вам навстречу». Это был встречный тарантас, которым правил знакомый того ямщика, что вез Максимова. Пока стояли, пока ямщики менялись лошадьми, мимо них, кажется, проехали еще какие-то люди. В кромешной тьме слышались (или чудились?) голоса, укорявшие тех, кто зачем-то остановился ночью в глухом месте: «Хорошо еще – говорят – что вы на большой дороге встретились; на проселке была бы совсем беда». При этом во мраке виднелись какие-то

«движущиеся фигуры на лошадях». Максимов продолжал: «Страх окончательно овладевает вами. Словно в забытьи, вы насчитываете шесть человек, видите ружья... готовы кричать, – но разбойники проезжают мимо, в противную сторону. Тарантас отъезжает, равняется с верховыми, ямщик бранит их названием ночных шатал, велит сторониться. Дальше вы уж ничего не слышите; ваша тройка схватывается с места. Ямщик покрикивает, вы спасены» [26, с. 197–199]. Разбойников они тогда так и не встретили. Так кем же были те «ночные шаталы»?..

Варварство и архаика. Разбойники – как настоящие, так и легендарные – в обилии заполняли Вятский край, равно как и память местных жителей. В XVIII–XIX вв. на Вятке действовало немало шаек. Этому способствовали протяженность путей, обилие лесов, немногочисленность городов, гарнизонов и стражи. Собираясь в артели, разбойники скрывались в делянках и выходили на большие дороги. Особенно много нападений бывало на северо-западе и на юге Вятской губернии. По северо-западным местностям Вятского края из Сибири на родину, в европейскую часть России, возвращались беглые каторжники. Во второй половине XVIII в. разбойники нередко предпочитали в теплое время года передвигаться по рекам, высаживаясь в прибрежных селениях. Среди крестьян у них имелись приспешники и укрыватели, что затрудняло борьбу с ними. Властям приходилось направлять отряды солдат для отслеживания и поимки шаек. Память о разбоях и разбойниках, о зарытых кладах еще долго сохранялась в народе, превращаясь в фольклорные тексты, во многом сходные с сюжетами о колдунах и «нечистой силе». Так что необходимо отделять исторические сведения о разбоях от преданий и легенд.

Масштабы разбойничества должны учитываться при оценке состояния Российского государства прошлых времен. Постоянные нападения затрудняли внутреннюю коммуникацию, изолировали и разобщали местные сообщества, отвлекали на противодействие им значительные материальные и людские ресурсы. Из набегов разбойничьих артелей при определенных условиях могли разрастаться восстания, которые потрясли самые основы государственности и цивилизации. Разбойничья традиция, артельное устройство жизни «воровских людей», типаж атамана-разбойника – все это, укоренившись, повлияло на становление и расцвет в XX в. уголовной субкультуры (которая, возможно, потому и оказалась всепроникающей, ср.: [49; 36; 19]).

Культуролог и историк И. Г. Яковенко в своих работах обосновал понимание России как своего рода «варварской цивилизации» – так сказать, цивилизации «поневоле», в самой сердцевине которой, в глубинах ее культуры сохранялись мощные пласты архаического варварства. Проявлениями этого Яковенко считал и примитивизацию быта, и привычный, повсеместный вандализм, а еще институционализированные формы, устойчиво существовавшие в течение долгого времени – вроде нищенства, казачества, «блатного мира» [52; см. также: 51, гл. 2]. Вполне очевидно, что массовое и длительное русское разбойничество является одной из основ так понимаемого варварства. К тому же разбойничество сохраняло и передавало в будущие времена традицию архаики – догосударственного и внегосударственного жизнеустройства.

Список литературы

1. А. С. [Спицын А.]. Предания о разбойниках и кладах в Зюздинском уезде // Вятские губернские ведомости. 1890. № 3. С. 4.
2. Барановы, Кудрины... Щепины... Юферева...: историко-родословные материалы по Круглыжской (Верхневетлужской) округе / Сост. В. А. Любимов. Киров : [Б. и.], 2016. Кн. 3. 510 с.
3. Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880 : сб. мат. к истории Вятского края. Вятка : Тип. Губ. правления и литография Котлевич, 1880. Т. 1. С. 209–387.
4. Блинов Н. Н. Сарапул и среднее Прикамье. Былое и современное : очерки с рисунками. 2-е изд., доп. [Сарапул] : Типолитография И. М. Колчина, 1908. 104 с.
5. Богословский П. С. Сибирские путевые заметки Радищева, их историко-культурное и литературное значение (опыт изучения) : с приложением материалов о Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Пермь : Тип. Райпотребсоюза, 1924. Вып. 1. С. 1–28.
6. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Губ. тип., 1907. 357 с.
7. Вахрушев А. Н. К вопросу о Камите Усманове // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск : НИИ ист., экон., лит. и яз. при Совете Министров УАССР, 1974. Вып. 2 : Крестьянство Удмуртии / Отв. ред. М. А. Садаков. С. 248–253.

8. Вятский фольклор: предания и легенды / Ред. А. Вылегжанин. Котельнич : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 46 с.
9. Глухие уголки Вятской губернии: село Шалегово, Орловского уезда [сообщ. Л. Г. Гребеневым] // Памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка : Губ. тип., 1897. Год 19-й. Отд. 2. С. 113–136.
10. Грабежи около Вятки в конце XVIII столетия // Вятские губернские ведомости. 1880. № 44. С. 3.
11. Гришкина М. В., Берестова Е. М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. Ижевск : УдмИИЯЛ УрО РАН, 2006. 86 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 4. 683 с.
13. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1958. 418 с.
14. Зайцев О. А. Котельнич и его тайны. Котельнич : [Б. и.], 2014. 172 с.
15. Зеленин Д. Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1904. 180 с.
16. Коршунков В. А. «Вор-скоморох» на Вятке: «скоморошье насильство» и пиры-братчины // Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. мат. регион. науч.-практ. конф., посвящ. Году российской истории / Ред. кол.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров, 18 окт. 2012 г. Киров : ВятГГУ, 2012. С. 29–35.
17. Коршунков В. А. «Есть у нас порох и дробь... к тебе зайтить в дом...»: опыт борьбы с грабителями и рэкетирами в конце XVIII века на Вятке и Каме // Родина. 2018. № 12. С. 130–133.
18. Коршунков В. А. Камские абордажи атамана Гурьки // Родина. 2019. № 8. С. 112–115.
19. Коршунков В. А. Советская эпоха в зеркале жаргона // Русская история: проблемы менталитета: тез. докл. науч. конф. Москва, 4–6 окт. 1994 г. / Отв. ред. А. А. Горский. М. : Ин-т российской истории РАН, 1994. С. 138–140.
20. Краткий обзор средств сообщения в Вятской губернии / Сост. П. Наумов. Вятка : Типо-литография М. М. Шкляевой, 1908. 150 с.
21. Кудрявцев В. Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края (очерк) // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка : Губ. тип., 1896. Год 18-й. Отд. 4. С. 161–239.
22. Луппов П. Н. А. Н. Радищев о Вятском крае // Тр. Вятского науч.-исслед. ин-та краеведения. Вятка, 1928. Т. 4. С. 102–109.
23. Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России XVIII в. // Рождение новой России / В. В. Мавродин. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. С. 210–393.
24. Мавродин В. В. Под знаменем Крестьянской войны. М. : Мысль, 1974. 151 с.
25. Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур: дорожные заметки и воспоминания. Изд. 2-е. СПб. : Изд. книгопродавца С. В. Звонарева, 1871. 594 с.
26. Максимов С. В. Собр. соч. : в 7 т. М. : Книгобек, 2010. Т. 6 : Лесная глушь : очерки. 608 с.
27. Мордовцев Д. Разбойники России. М. : Евроросс, 1991. 247 с.
28. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб. : Изд. П. П. Сойкина, [1904]. [Ч. 2] : Урал. 448 с.
29. Областной словарь вятских говоров. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2012. Вып. 8: П [/ Под ред. З. В. Сметаниной]. 239 с.
30. Осокин М. [И.], священ. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии): ст. 1–3 // Современник. 1856. Т. 59. Отд. : Смесь. С. 57–83; Т. 60. Отд. : Смесь. С. 1–40, 179–214.
31. [Пиотровский Р.]. Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь: 1843–1846. Norrkoeping : Eric Björnström, 1863. 186 с.
32. Пислегин Н. В. Разбой как форма социального протеста крестьянства Удмуртии // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность : мат. III Всерос. (XI Межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 окт. 2010 г.) / Отв. ред. Г. А. Никитина. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2010. С. 337–341.
33. Порфирьев И. Я. Воспоминания // Герценка: вятские записки / Сост. Н. П. Гурьянова; науч. ред. В. А. Коршунков. Киров, 2006. Вып. 10. С. 148–198.
34. Прядильщиков Ф. А. Истребитель разбойников Редькин // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 7. С. 557–559.
35. Рудометов И. И. Каргопольский край (сборник этнографических очерков). Каргополь : Тип. отд. нар. образования, 1919. 59 с.
36. Самойлов Лев [Клейн Л. С.]. Перевернутый мир. СПб. : Фарн, 1993. 223 с.
37. Серкин С. П. Путь сквозь столетия: История возникновения и развития вахрушевского кожевенно-обувного производства. Судьбы заводладельцев Вахрушевых и их потомков. Киров : Вятское кн. изд-во, 2013. 224 с.
38. Смирнов Г. С. Словарь бабы Нюры: составлен на основе говора жителей деревни Мокруша Советского района Кировской области. Киров : Дом печати – Вятка, 2011. 384 с.
39. Сорокин П. Чудь Кайского края. Вятка : Губ. тип., 1895. 60 с.
40. Спицын А. Земля и люди на Вятке в XVII столетии // Календарь Вятской губернии на 1887 г. Вятка : Губ. тип., 1886. С. 151–202.

41. Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка : Изд. Губ. стат. комитета, 1881. Год 3-й. С. 25–91.
42. Сунские легенды и предания / Сост. А. В. Вычегжанина; отв. ред. Т. С. Байбородова. Суна [Кировской области] : МУК Сунская МБС Центр. б-ка им. Ф. Ф. Павленкова, 2010. 59 с.
43. Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 3. Отд. 3. С. 82–84.
44. Устная историческая проза Вятского края: материалы и исследования / Сост., авт. вступ. статей, коммент. и указат. Ю. В. Приказчикова. Ижевск : УдМНИИЯЛ УрО РАН, 2009. 392 с.
45. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стер. СПб. : Терра – Азбука, 1996. Т. 4. 861 с.
46. Фокин [А. Д.], Решетников [М. М.]. Путеводитель по реке Вятке. Вятка : Труженик, 1925. 88 с.
47. Худяков М. Г. Предания о разбойниках в г. Малмыже // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 61–64.
48. Центральный государственный архив Кировской области.
49. Чалидзе В. Уголовная Россия. М. : ТЕРРА, 1990. 395 с.
50. Энциклопедия земли Вятской. Киров : Обл. писат. организация, 1995. Т. 1. Кн. 2 / Сост. С. П. Кокурина; ред. В. А. Ситников. 637 с.
51. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рос. политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 672 с.
52. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 66–78; 1995. № 6. С. 78–85; 1996. № 3. С. 104–111; 1996. № 4. С. 87–97.

On the Roads and Rivers: Robbers and Memory of Them in the Vyatka Region

V. A. Korshunkov

PhD in History, associate professor, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. This paper deals with the forms of traditional Russian robbery in the Vyatka region and in Russia as a whole. Main features of this little-studied phenomenon are explored on the basis of historical sources and folklore records, including data from the Central State Archive of the Kirov Region.

Robbery was an integral part of everyday life in the 18th and in the first part of the 19th century. Permanent attacks on passers-by in the Vyatka territory were facilitated by length of roads, abundance of forests, and fewness of towns, garrisons, and guards. There were too many robbers in the northwest and the south of the province. They acted on the roads and rivers. Escaped convicts were returning from Siberia to their homeland – the European part of Russia – through the Vyatka territory. Robbers had helpers and henchmen among the peasants, and this made it difficult to fight them. The authorities had to send detachments of soldiers to track down and capture the gangs. The memory of robberies and robbers, as well as of buried treasures remained among the people for a long time and was turning into folklore texts similar to legends about sorcerers and "evil spirits".

The scale of the robbery should be taken into account when viewing the Russian state and society. Constant attacks were hampering internal traffic, isolating and dividing local communities, diverting significant material and human resources to counter the robberies. So called people revolts could grow from the raids of large robber bands. The robbery that persisted until so late period is a manifestation of archaism and barbarism that are inherent in Russia. The robber tradition had a considerable influence on the formation and flourishing of the Russian criminal subculture already in the 20th century.

Keywords: Vyatka region, Russia, robbers, 18th and 19th centuries, historical memory, folklore.

References

1. A. S. [Spicyн A.]. *Predaniya o razbojnikah i kladah v Zyuzdinskom uezde* [Legends about robbers and treasures in the Zyuzdinsky uyezd] // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1890. No. 3. P. 4.
2. Baranovy, Kudriny... Shchepiny... Yuferevy...: *istoriko-rodoslovnnye materialy po Kruglyzhskoj (Verhnevetluzhskoj) okruge – Baranovs, Kudrins... Shchepins... Yuferevs...: historical and genealogical materials about the Kruglyzhsky (Verkhnevetluzhsky) district / Comp. V. A. Lyubimov*. Kirov. [without publisher]. 2016. Book 3. 510 p.
3. Bekhterev N., Andrievskij A., Spasskij N. *Kratkaya letopis' sobytij i zakonopolozhenij, kasayushchihся Vyatskoj gubernii, za pervoe stoletie s otkrytiya namestnichestva* [Brief chronicle of events and legal provisions concerning the Vyatka province for the first century since the opening of the viceroyalty] // *Stoletie Vyatskoj gubernii. 1780–1880 : sb. mat. k istorii Vyatskogo kraja – Centenary of the Vyatka province. 1780–1880 : coll. of mat. to the history of the Vyatka region*. Vятka. Tip. of Guberniya government and lithography Kotlevich. 1880. Vol. 1. Pp. 209–387.

4. Blinov N. N. *Sarapul i srednee Prikam'e. Byloe i sovremennoe : ocherki s risunkami. 2-e izd., dop.* [Sarapul and Middle Prikamye. Past and Present : essays with drawings. 2nd ed., add.] [Sarapul]: I. M. Kolchin's typolithography. 1908. 104 p.

5. Bogoslovskij P. S. *Sibirskie putevye zametki Radishcheva, ih istoriko-kul'turnoe i literaturnoe znachenie (opyt izucheniya): s prilozheniem materialov o Permskom krae* [Siberian travel notes of Radishchev, their historical, cultural and literary significance (study experience): with the application of materials about the Perm region] // *Permskij kraevedcheskij sbornik – Perm Regional History Collection*. Perm. Typ. of Raipotrebsoyuz. 1924. Is. 1. Pp. 1–28.

6. Vasnecov N. M. *Materialy dlya ob'yasnitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govora* [Materials for the explanatory regional dictionary of the Vyatka dialect]. Vyatka. Guberniya tip. 1907. 357 p.

7. Vahrushev A. N. *K voprosu o Kamite Usmanove* [On the question of Kamit Usmanov] // *Voprosy istorii Udmurtii – Questions of Udmurtiya history*. Izhevsk. Institute of hist., econ., lit. and lang. under the Council of Ministers of the UASSR. 1974. Is. 2: The Peasantry of Udmurtia / ed. by M. A. Sadakov. Pp. 248–253.

8. *Vyatskij fol'klor: predaniya i legendy – Vyatka folklore: tales and legends* / ed. by A. Vylegzhanin. Kotelnich. Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov. 1998. 46 p.

9. *Gluhie ugolki Vyatskoj gubernii: selo Shalegovo, Orlovskogo uezda [soobshch. L. G. Grebenevym] – Godforsaken corners of the Vyatka province: the village of Shalegovo, Orlovsky uyezd [reported by L. G. Grebenev] // Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1898 g.* – Notebook of the Vyatka Province for 1898. Vyatka. Guberniya tip. 1897. Year 19. Sec. 2. Pp. 113–136.

10. *Grabezhi okolo Vyatki v konce XVIII stoletiya – Robberies near Vyatka at the end of the 18th century // Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1880. No. 44. P. 3.

11. Grishkina M. V., Berestova E. M. *Kolonizacionnye processy i rasselenie etnicheskikh grupp v Vyatsko-Kamskom mezhdurech'e v XVI – pervoj polovine XVIII veka* [Colonization processes and settlement of ethnic groups in the Vyatka-Kama interfluvium in the 16th – first half of the 18th century]. Izhevsk. Udm. Institute of the Ural branch of RAS. 2006. 86 p.

12. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. M. State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1956. Vol. 4. 683 p.

13. *Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov – Documents on the history of Udmurtia of the 15th–17th centuries* / comp. P. N. Luppov. Izhevsk. Udmurt Publishing House. 1958. 418 p.

14. Zajcev O. A. *Kotel'nich i ego tajny* [Kotelnich and its secrets]. Kotelnich. [without publisher]. 2014. 172 p.

15. Zelenin D. *Kama i Vyatka: putevoditel' i etnograficheskoe opisanie Prikamskogo kraja* [Kama and Vyatka: guidebook and ethnographic description of the Kama Region]. Yuriev. Typ. Ed. Bergman. 1904. 180 p.

16. Korshunkov V. A. "Vor-skomorokh" na Vyatke: "skomoroshye nasil'stvo" i pyry-bratchiny ["Thief-skomorokh" in the Vyatka region: "buffons' violence" and the feasts (bratchinas)] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem : sb. mat. region. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Godu rossijskoj istorii – Vyatka land in past and present : coll. of mat. of region. scientific-practical conf., dedicated to the year of Russian history* / ed. board: V. T. Yungblud [and others]. Kirov, 18 Oct. 2012. Kirov. VyatSHU. 2012. Pp. 29–35.

17. Korshunkov V. A. "Est' u nas poroh i drob'... k tebe zajtit' v dom...": opyt bor'by s grabitelyami i reketirami v konce XVIII veka na Vyatke i Kame ["We have gunpowder and shot... to visit your house...": struggle against robbers and racketeers in the Vyatka and Kama regions at the end of the 18th Century] // *Rodina – Motherland*. 2018. No. 12. Pp. 130–133.

18. Korshunkov V. A. *Kamskie abordazhi atamana Gur'ki* [Robber Gurka's boarding in the Kama river basin] // *Rodina – Motherland*. 2019. No. 8. Pp. 112–115.

19. Korshunkov V. A. *Sovetskaya epoha v zerkale zhargona* [The Soviet era in the mirror of jargon] // *Russkaya istoriya: problemy mentaliteta : tez. dokl. nauch. konf. Moskva, 4–6 okt. 1994 g.* – Russian History: problems of mentality : theses of reports of the scient. conf. Moscow, October 4–6, 1994 / ed. by A. A. Gorsky. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 1994. Pp. 138–140.

20. *Kratkij obzor sredstv soobshcheniya v Vyatskoj gubernii – A brief overview of the means of communication in the Vyatka province* / comp. P. Naumov. Vyatka. Typo-lithography of M. M. Shklyueva. 1908. 150 p.

21. Kudryavcev V. F. *Starina, pamyatniki, predaniya i legendy Prikamskogo kraja (ocherk)* [Antiquity, monuments, legends of the Kama Region (essay)] // *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1897 g.* – Calendar and notebook of the Vyatka province for 1897. Vyatka. Guberniya tip. 1896. Year 18. Sec. 4. Pp. 161–239.

22. Luppov P. N. A. N. *Radishchev o Vyatskom krae* [A. N. Radishchev about the Vyatka region] // *Tr. Vyatskogo nauch.-issled. in-ta kraevedeniya – Works of Vyatka scientific research institute of local history*. Vyatka. 1928. Vol. 4. Pp. 102–109.

23. Mavrodin V. V. *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Rossii XVIII v.* [Class struggle and socio-political thought in 18th century Russia] // *Rozhdenie novoj Rossii – The birth of a new Russia* / V. V. Mavrodin. L. Leningrad University Press. 1988. Pp. 210–393.

24. Mavrodin V. V. *Pod znamenem Krest'yanskoj vojny* [Under the banner of the Peasant War]. M. Mysl. 1974. 151 p.

25. Maksimov S. *Na Vostoke. Poezdka na Amur: dorozhnye zametki i vospominaniya. Izd. 2-e* [In the East. Trip to the Amur: road notes and memoirs. 2nd ed.] SPb. Ed. of book seller S. V. Zvonarev. 1871. 594 p.

26. Maksimov S. V. *Sobr. soch. : v 7 t.* [Coll. works: in 7 vols.] M. Knigovek. 2010. Vol. 6: Lesnaya glush : essays. 608 p.
27. Mordovcev D. *Razbojniki Rossii* [Robbers of Russia]. M. Euroross. 1991. 247 p.
28. Nemirovich-Danchenko V. I. *Kama i Ural (oчерki i vpechatleniya)* [Kama and Ural (essays and impressions)]. SPb. P. P. Soikin. [1904]. [Part 2]: Ural. 448 p.
29. *Oblastnoj slovar' vyatskih govorov* – Regional dictionary of the Vyatka dialects. Kirov. Raduga-PRESS. 2012. Is. 8: П [ed. by Z. V. Smetanina]. 239 p.
30. Osokin M. [I.], priest. *Narodnyj byt v severo-vostochnoj Rossii. Zapiski o Malmyzhskom uезде (v Vyatskoj gubernii): st. 1–3* [Folk life in north-eastern Russia. Notes on the Malmyzhsky uyezd (in the Vyatka province): articles 1–3] // *Sovremennik* – Contemporary. 1856. Vol. 59. Dep.: Varia. Pp. 57–83; Vol. 60. Dep.: Varia. Pp. 1–40, 179–214.
31. [Piotrovskij R.]. *Zapiski Rufina Piotrovskogo. Rossiya i Sibir': 1843–1846* [Notes of Rufin Piotrovsky. Russia and Siberia: 1843–1846]. Norrkoeping : Eric Biornström. 1863. 186 p.
32. Pislegin N. V. *Razboj kak forma social'nogo protesta krest'yanstva Udmurtii* [Robberies as a form of social protest of the Udmurtia peasantry] // *Krest'yanstvo v rossijskih transformacijah: istoricheskij opyt i sovremennost' : mat. III Vseros. (XI Mezhhregion.) konf. istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya (Izhevsk, 17–19 okt. 2010 g.)* – Peasantry in Russian transformations: historical experience and modernity : mat. of III All-Russia (XI Interregion.) conf. of historians-agrarians of the Middle Volga region (Izhevsk, October 17–19, 2010) / ed. by G. A. Nikitin. Izhevsk. Udmurt University. 2010. Pp. 337–341.
33. Porfir'ev I. Ya. *Vospominaniya* [Memoirs] // *Gercenka: vyatskie zapiski* – Hertsenka: Vyatka notes / comp. N. P. Guryanova; scient. ed. V. A. Korshunkov. Kirov. 2006. Is. 10. Pp. 148–198.
34. Pryadil'shchikov F. A. *Istrebitel' razbojnikov Red'kin* [Redkin, the fighter of robbers] // *Istoricheskij vestnik* – Historical herald. 1880. Vol. 2. No. 7. Pp. 557–559.
35. Rudometov I. I. *Kargopol'skij kraj (sbornik etnograficheskikh oчерkov)* [Kargopol land (collection of ethnographic essays)]. Kargopol'. Typ. of dep. of people's education. 1919. 59 p.
36. Samojlov Lev [Klejn L. S.]. *Perevernutyj mir* [Inverted world]. SPb. Farn. 1993. 223 p.
37. Serkin S. P. *Put' skvoz' stoletiya: Istoriya vznikoveniya i razvitiya vahrushhevskogo kozhevenno-obuvnogo proizvodstva. Sud'by zavodovladel'cev Vahrushevyh i ih potomkov* [The way through the centuries: The history of the origin and development of Vahrushhevsky leather and shoe production. The fate of the Vahrushhev's factory owners and their descendants]. Kirov. Vyatka book publ. 2013. 224 p.
38. Smirnov G. S. *Slovar' baby Nyury: sostavljen na osnove govora zhitelej derevni Mokrusha Sovetskogo rajona Kirovskoj oblasti* [Dictionary of Granny Nyura: compiled on the basis of the dialect of the inhabitants of the village of Mokrusha in the Soviet district of the Kirov region]. Kirov. Printing House –Vyatka. 2011. 384 p.
39. Sorokin P. *Chud' Kajskogo kraja* [Chud of the Kaisky region]. Vyatka. Guberniya typ. 1895. 60 p.
40. Spicyn A. *Zemlya i lyudi na Vyatke v XVII stoletii* [Land and people in the Vyatka region in the 17th century] // *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1887 g.* – Calendar of the Vyatka province for 1887. Vyatka. Guberniya tip. 1886. Pp. 151–202.
41. Spicyn A. A. *Katalog drevnostej Vyatskogo kraja* [Catalog of antiquities of the Vyatka region] // *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1882 g.* – Calendar of the Vyatka Province for 1882 Vyatka. Publ. of Guberniya stat. committee. 1881. Year 3. Pp. 25–91.
42. *Sunskie legendy i predaniya* – Suna tales and legends / comp. A. V. Vychezhzhanin; ed. by T. S. Bayborodov. Suna [Kirov region]. Suna inter-settlement library system, Center library of F. F. Pavlenkov. 2010. 59 p.
43. *Trudy Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission. 1905. Is. 3. Sec. 3. Pp. 82–84.
44. *Ustnaya istoricheskaya proza Vyatskogo kraja: materialy i issledovaniya* – Oral historical prose of the Vyatka region: materials and research / ed. by of Yu. V. Prikazchikova. Izhevsk. Udm. Institute of the Ural department of RAS. 2009. 392 p.
45. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. 3-e izd., ster.* [Etymological dictionary of the Russian language. 3rd ed., ster.]. SPb. Terra-Azbuka. 1996. Vol. 4. 861 p.
46. Fokin [A. D.], Reshetnikov [M. M.]. *Putevoditel' po reke Vyatke* [Guide to the Vyatka River]. Vyatka. Truzhenik (Worker). 1925. 88 p.
47. Hudjakov M. G. *Predaniya o razbojnikah v g. Malmyzhe* [Legends about robbers in the city of Malmyzh] // *Tr. Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Works of the Vyatka Scientific Archival Commission. 1916. Is. 1–2. Sec. 3. Pp. 61–64.
48. Central State Archive of the Kirov region.
49. Chalidze V. *Ugolovnaya Rossiya* [Criminal Russia]. M. TERRA. 1990. 395 p.
50. *Enciklopediya zemli Vyatskoj* – Encyclopedia of the Vyatka land. Kirov. Regional writers' organization. 1995. Vol. 1. Book 2 / comp. S. P. Kokurina; ed. V. A. Sitnikov. 637 p.
51. Yakovenko I. G. *Poznanie Rossii: civilizacionnyj analiz. 2-e izd., pererab. i dop.* [Cognition of Russia: civilizational analysis. 2nd ed., reprint.]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. 672 p.
52. Yakovenko I. G. *Civilizaciya i varvarstvo v istorii Rossii* [Civilization and barbarism in the history of Russia] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and Modernity. 1995. No. 4. Pp. 66–78; 1995. No. 6. Pp. 78–85; 1996. No. 3. Pp. 104–111; 1996. No. 4. Pp. 87–97.

А. В. Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг.

Н. В. Тихомиров

старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии –
МВА им. К. И. Скрябина. Россия, г. Москва. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена коренной перестройке концепции русской истории, имевшей место во второй половине 1930-х гг. Выбор данного периода обусловлен тем, что именно в это время обществом историков были заложены теоретические основы новой марксистской концепции отечественной истории, предопределившие содержание научных и учебно-методических трудов на полтора будущих десятилетия (время господства «сталинской» модели историографии). В центре рассмотрения находится научная, методическая и общественно-публицистическая деятельность А. В. Шестакова. Автор показывает, что именно этот ученый сыграл ведущую роль в обеспечении теоретико-методологического поворота второй половины 1930-х гг. Основное внимание сосредоточено на критике Шестаковым научных воззрений М. Н. Покровского – создателя первой марксистской концепции отечественной истории в начале 1920-х гг. Анализируются характер и содержание публичных выступлений Шестакова, направленных на дискредитацию воззрений оппонента, а также его последователей. Показаны основные тенденции научной критики рассматриваемого периода, характерные особенности академического дискурса. В качестве источниковой основы работы использованы документальные материалы, сосредоточенные в фонде А. В. Шестакова архива Российской академии наук. Статья призвана углубить представления об особенностях развития отечественной исторической мысли и историографической обстановке в период сталинского руководства.

Ключевые слова: М. Н. Покровский, А. В. Шестаков, историческая концепция, научная школа, преподавание истории в СССР, марксизм-ленинизм, исторический материализм.

Цель статьи – исследовать вклад профессора А. В. Шестакова в дело публичной дискредитации научных воззрений и общественно-политической деятельности М. Н. Покровского. Задачи, решаемые для достижения поставленной цели: 1) установить цели и особенности критики наследия М. Н. Покровского со стороны А. В. Шестакова; 2) определить место и роль Шестакова в деле ревизии прежней исторической концепции.

1930-е гг. явились переломными для отечественной исторической науки. В это время происходила перестройка коренных положений и подходов в работе историков, закладывался фундамент новой концепции отечественной истории. Данные процессы ознаменовались острым конфликтом двух научных направлений, олицетворением которых явились два крупных советских ученых – М. Н. Покровский и А. В. Шестаков.

М. Н. Покровский – историк и организатор науки, стоявший у истоков марксистской историографии, складывавшейся в первое десятилетие советской власти в стране. Его сочинение «Россия с древнейших времен» стало первой учебной книгой по истории в 1920-е гг. и оставалось таковым до второй половины 1930-х гг. Именно М. Н. Покровский стал создателем первой марксистской концепции российской истории.

А. В. Шестаков – ученик и один из главных оппонентов Покровского (уже после кончины ученого). В середине 1930-х гг. Шестаков выступил рупором борьбы с исторической концепцией Покровского, став проводником новой историографической парадигмы. Ее ключевые положения были воплощены в первом стабильном учебнике по истории СССР для начальной школы (1937), подготовленном авторским коллективом под руководством Шестакова. Контуры новой концепции, заложенные названным изданием, явились ориентиром для сообщества историков на протяжении следующих десятилетий.

Сегодня, в первой четверти XXI столетия, мы живем в условиях продолжающейся борьбы исторических концепций, подходов к оценке и осмыслению национального прошлого. В этой связи обращение к событиям без малого вековой давности представляет значительный интерес. В данной статье мы исследуем идейно-теоретическую составляющую борьбы двух

исторических концепций во второй половине 1930-х гг., а также характер участия в этой борьбе А. В. Шестакова – соавтора и одного из ведущих идеологов исторической концепции, сформировавшейся в период сталинского правления. Анализ его публичных выступлений позволит лучше понять особенности историографической ситуации данного периода, углубить представления о принципах и внутренней логике развития отечественной историографии.

Господство в исторической науке СССР концептуальных положений Покровского продолжалось до середины 1930 гг. Его фундаментальные труды «История России с древнейших времен» и «История России в самом сжатом очерке» служили, по сути, единственными учебными пособиями по отечественной истории [10, с. 13]. Критика, исходившая от представителей научного сообщества, не нарушала фактически монопольного положения теоретической схемы Покровского в сфере исторического образования и просвещения. Существенные перемены в системе научного знания наметились вследствие правительственных инициатив, направленных к основательному пересмотру принципов и подходов к преподаванию истории [2, с. 169]. Ряд постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома запустили процесс коренных изменений в организации и содержательном наполнении исторического образования на всех ступенях [11, с. 105]. Эти мероприятия стали прологом к созданию системы теоретических положений, воплотившихся в итоге в советской моноконцепции отечественной истории [12, с. 104]. Судьбоносным событием для исторической науки стало создание первого стабильного учебника по истории СССР, разработанного группой специалистов МГПИ под руководством А. В. Шестакова в 1937 г.

В разгар подготовки конспекта будущего учебника Шестаков выступил со статьей «Преподавание истории СССР на новом этапе» (1936). В ней он указывал, что «всем историкам СССР – ученикам Покровского (к ним принадлежит и пишущий эти строки) необходимо пересмотреть свои работы, написанные до сего времени с тем, чтобы тщательно выправить имеющиеся в них ошибки, связанные с антинаучными взглядами на историческую науку и концепциями Покровского по отдельным вопросам истории СССР» [1, ф. 638, оп. 1, д. 186, л. 7].

Примечательно, что сам Шестаков называл себя принадлежащим школе Покровского [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 8] и долгое время придерживался идей своего учителя [7, с. 403]. Влияние концепции торгового капитала отчетливо прослеживается в лекциях Шестакова первой половины 1930-х гг. Так, в докладе 1934 г., посвященном колониальным отношениям в Поволжье в конце XV – начале XVIII вв., он подчеркнул ведущую роль торгового капитала в этом процессе [1, ф. 638, оп. 1, д. 139, л. 11]. В лекции 1936 г. ученый прибегнул к прямым цитатам Покровского для подкрепления высказанных положений о хищнической экспансии русских в поволжские земли [1, ф. 638, оп. 1, д. 229, л. 3]. Кроме того, сочинение Покровского «Русская история с древнейших времен» приводилось Шестаковым в перечне рекомендованной литературы по вопросам истории народов СССР [1, ф. 638, оп. 1, д. 138, л. 6]. Отсылки к опальному историку окончательно прекращаются к исходу 1930-х гг.

После официального одобрения и публикации школьного учебника по истории СССР (1937) Шестаков сделался фактически передовым борцом за новую линию в исторической науке, ведущим транслятором господствующих положений «сталинской» концепции отечественной истории. Соответственно, теперь он являлся и одним из наиболее активных публичных критиков ниспровергнутой концепции Покровского. Данная критика, в свою очередь, была обусловлена вполне практическими соображениями. Появление нового учебника было необходимым, но не достаточным основанием для коренной перестройки отечественной исторической науки: требовалась масштабная переподготовка научных и педагогических кадров, большинство которых были воспитаны на положениях концепции Покровского. Решение столь крупной задачи было невозможно административными методами государственной системы – требовалась идейная и теоретическая перестройка научно-педагогического сообщества. Одним из вдохновителей и организаторов такой перестройки и стал Шестаков. Профессор ведущего педагогического вуза, руководивший созданием первого стабильного учебника по истории СССР, прекрасно подходил на эту роль.

В конце 1930-х гг. Шестаков вошел в состав редколлегии фундаментального академического сборника статей ведущих историков, направленных против концепции Покровского [4; 5]. Это издание стало апогеем борьбы с наследием ученого и его школы. Но уже до его появления дискредитация научных трудов Покровского деятельно велась в научном и преподавательском сообществах. Критика концепции опального историка была в обязательном порядке включена в структуру вузовских рабочих программ по курсу отечественной истории.

В частности, соответствующие послы содержала программа курса лекций по истории СССР для истфака МГПИ от 1937 г. Во вводной лекции предполагалось освещение «ошибок исторической схемы Покровского и его школы» [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 52а]. Лекция, посвященная Владимиро-Суздальским землям, содержала «критику взглядов Покровского о славянах и народах междуречья (Оки, Волги и Камы. – Н. Т.)» [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 63]. В лекции, повествующей о феодальных отношениях в Московском княжестве, раскрывалась «ошибочность теории торгового капитализма Покровского» [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 76] и т. д.

Существенное изменение фразеологии прослеживается в проекте программы по истории СССР, подготовленном Шестаковым для истфаков в 1938 г. Во вводном разделе предполагалось раскрытие «ликвидаторской сути антиисторической концепции М. Н. Покровского» [1, ф. 638, оп. 2, д. 63, л. 66]. Здесь же находим симптоматичное упоминание о вредительстве врагов народа на историческом фронте [1, ф. 638, оп. 2, д. 63, л. 66]. В лекции, посвященной правлению Ивана IV, автор предусмотрел «опровержение антимарксистской теории Покровского о торговом капитализме как основе самодержавия» [1, ф. 638, оп. 2, д. 63, л. 98].

Заметно усиление от года к году обличительных инвектив против Покровского, переход от критики к откровенным обвинениям в ортодоксально-идеологическом ключе. Если в 1937 г. Шестаков еще сдержанно говорил об ошибках оппонента, то позже изобличал его как практически врага единственно верной марксистской методологии. Показательно, что среди рекомендуемой литературы в программе курса за 1937 г. представлены ключевые труды Покровского [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 62–90]. В последующие годы об этом не могло быть и речи.

В указанное время Шестаков также проявлял активность на ниве создания учебника по истории СССР для педвузов. В докладной записке директору МГПИ от 1937 г. он указывал: «Курс “Русской истории с древнейших времен” М. Н. Покровского также (как дореволюционные. – Н. Т.) неудовлетворителен вследствие антимарксистских, антиленинских установок автора, по существу ликвидирующих историю как науку» [1, ф. 638, оп. 2, д. 108, л. 1]. В 1939 г. «на основе записей лекций, прочитанных в МГПИ, с учетом опыта лекций в других вузах» [1, ф. 638, оп. 1, д. 7, л. 4] Шестаковым было подготовлено учебное пособие по истории СССР для высших учебных заведений. Особое место в нем было уделено критике воззрений Покровского. Отнюдь не все разделы пособия были сопровождаемы критическим комментарием по поводу соответствующих взглядов оппонента. Весьма показательны в этой связи замечания, относящиеся к теме складывания Русского государства в XV–XVI вв. В структуру пособия Шестаковым был включен подзаголовок «М. Н. Покровский об Иване IV и его деятельности» [1, ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 260]. Ключевое нареkanie состояло в том, что «Покровский не понял, что создание централизованного государства являлось для того времени прогрессивным» [1, ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 261].

Такой уклон в критике свойственен историографии рассматриваемого времени. К исходу 1930-х гг. и во многом с подачи И. В. Сталина идея державности вернулась в число ключевых ценностей, постулируемых исторической наукой. Потому трактовка одного из центральных событий отечественной истории, связанного с утверждением национальной государственности, стало безусловным индикатором соответствия исторической теории господствующей системе научных воззрений.

После выхода в свет учебника по истории для начальной школы (1937) Шестаков регулярно выступал с лекциями, в которых подвергал подробному разбору концепцию Покровского, показывая допущенные автором ошибки и отклонения от марксистско-ленинской методологии. обстоятельная и систематизированная критика взглядов оппонента была представлена Шестаковым в курсе лекций под общим названием «Искажение истории СССР у М. Н. Покровского и его школы» [1, ф. 638, оп. 1, д. 383, л. 1]. Одной из головных задач автора было показать несоответствие критикуемой концепции новым теоретическим основам исторической науки.

В лекции, прочитанной в июле 1937 г. и посвященной методологическим установкам Покровского, Шестаков сделал особый упор на то, что источником научных воззрений оппонента явился «так называемый легальный марксизм», который был «тем суррогатом, который в конечном счете много испортил, много натворил в миросозерцании» Покровского [1, ф. 638, оп. 1, д. 383, л. 7]. Следствием увлеченности названным направлением стало восприятие Покровским теории экономического материализма. По наблюдению Шестакова, тот начал как экономический материалист и закончил как экономический материалист. «В этом, – подытоживал ученый, – огромная порочность его исторической методологии» [1, ф. 638, оп. 1, д. 383, л. 8].

В другой лекции, прочитанной тогда же, Шестаков раскритиковал подход Покровского к исторической науке как таковой. Покровский, по утверждению автора, «подошел к истории не как историк, а как политик», что привело к фактическому изгнанию истории из системы образования [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 6]. Другим серьезным обвинением стало непозволительно вольное обращение Покровского с историческим материалом: не давал последовательного хода событий; строил концепцию лишь на отдельных фактах, стремился «так подобрать материал, чтобы выхолостить краски истории», сведя весь исторический процесс «к основному – к экономике» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 1–7].

Еще одна лекция – «О курсе истории России М. Н. Покровского» – была посвящена разбору конкретных положений его исторической концепции [1, ф. 638, оп. 1, д. 382]. Особого внимания докладчика заслужили «гнусные выпады против русского народа» [1, ф. 638, оп. 1, д. 382, л. 13], содержащиеся в трудах Покровского. Борьба с огульной хулой на великороссов стала общим местом критических публикаций, начиная с конца 1930-х гг. Наряду с этим укреплялась концепция великого русского народа как старшего брата в семье народов СССР. Уничижительные характеристики великороссов, содержащиеся в сочинениях Покровского, делались неуместным и вредным анахронизмом.

Важным обстоятельством явилось то, что борьба велась не только с взглядами самого Покровского, но и с их преломлением в работах других историков, для собирательного именованья которых было использовано понятие «школа Покровского». Такой подход не случаен: на идеях опального историка было воспитано целое поколение молодых ученых. А внедрение новой парадигмы исторической науки требовало массовой теоретической перековки научных и педагогических кадров либо их безжалостного изобличения и остракизма. Стигматизация последователей Покровского стала приметой второй половины 1930-х гг. Говоря об этой группе ученых, Шестаков использовал весьма жесткие формулировки. «Оказалось, – заявлял он, – что ряд авторов учебников были врагами народа, вредителями на историческом фронте». Руководитель бригады по составлению учебника историк Ванаг и «его коллега – другой историк Пионтковский» без обиняков названы Шестаковым «агентами бандита Троцкого» [1, ф. 638, оп. 1, д. 43, л. 11].

Как мощный противовес «антимарксистским, антиленинским» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 18] установкам Шестаков заявлял теоретическую схему, представленную в школьном учебнике, вышедшем под его редакцией. «Такая схема истории, – утверждал ученый, – не похожа на схему Покровского, и таким образом, на основе этой схемы вы можете правильно ориентироваться сами и дать правильную критику всем подходам и расположениям исторического материала в работах Покровского» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 28].

Столь категоричное заявление не было формой бахвальства. Шестаков, безусловно, сознавал, что, как ведущий соавтор и руководитель авторского коллектива, в значительной мере является проводником идейно-теоретических посылов, исходивших непосредственно от высшего политического руководства. Руководителем советской исторической науки в это время фактически был провозглашен И. В. Сталин. По наблюдению В. В. Тихонова, после смерти Покровского именно он занял «пустующую нишу главного специалиста по истории» [9, с. 66].

Таким образом, Шестаков представлял себя по отношению к собственному учебнику как скромного технического исполнителя. Тогда как «все то, что в нем есть ценного, все то, что в нем есть исторически верного, и сам по себе этот учебник во всей его концепции, – все это должно быть отнесено, прежде всего, к заслугам ЦК нашей партии, к заслугам правительственной комиссии, а вовсе не к его редакции» [1, ф. 638, оп. 1, д. 384, л. 44].

Несмотря на такое этикетное принижение своей роли в складывании новой исторической концепции, Шестаков, по сути, выдвинулся на передний край борьбы за утверждение нового взгляда на отечественную историю, став одновременно ведущим критиком взглядов Покровского и его школы.

Говоря в 1937 г. о прижизненной оппозиции Покровскому, Шестаков отмечал: «Критика, которая исходила от учеников Покровского, была робкой, неуверенной» [1, ф. 638, оп. 1, д. 43, л. 9]. Годом позже ту же мысль в одном из выступлений озвучил И. И. Минц: «При жизни Покровского мы говорили, но, увы, мы говорили не с тех позиций, с каких надо было». Главным изъяном, по мнению ученого, было то, что «никто из нас не выступал против схемы. Тут была инициатива ЦК нашей партии и, прежде всего, товарища Сталина. Естественно, что у нас самих как вышедших из этой школы не хватало достаточной подготовки» [1, ф. 2019, оп. 1, д. 13, л. 25об.]. В этой оценке проявилась устойчивая тенденция рассматриваемой эпохи: за-

ведомо принижать профессиональные возможности историков перед теоретическим гением советского руководителя.

Вслед за ниспровержением теоретических выводов Покровского нивелировалась также его организаторская деятельность. Так, работу учрежденного Покровским Института красной профессуры Шестаков в 1937 г. охарактеризовал как «игру в историю» вместо работы по развитию исторической науки и подготовке квалифицированных кадров [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 10]. Столь же пренебрежительно ученый оценивал наследие другого детища Покровского – Общества историков-марксистов: «Здесь было больше болтовни, чем серьезной научной работы» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 11].

Критика научного наследия Покровского в целом воспроизводила полемические формы, успешно отработанные в публичном дискурсе начала 1930-х гг. Ярким примером подобного обличительства стала дискуссия по поводу исторических работ Е. В. Тарле и С. Ф. Платонова. Ее материалы были опубликованы в 1931 г. под заглавием «Классовый враг на историческом фронте». В основу издания легли доклады М. М. Цвибака и Г. С. Зайделя, выступивших с резкой критикой ученых старой школы. Особое внимание авторы уделили социальным истокам воззрений оппонентов. По сути, это была попытка показать антиреволюционное и антимарксистское содержание трудов Тарле и Платонова через анализ генезиса их мировоззрения. Характерна формулировка Зайделя: «В утверждениях Тарле не просто, конечно, невежество, а классовое извращение фактов в угоду буржуазии. Весь его способ документации является классовым приемом, необходимым для того, чтобы скрыть ряд существенных моментов и защитить свою контрреволюционную концепцию. Мы имеем в лице Тарле полнейшую согласованность между политическим и научным вредительством» [3, с. 65].

Тот же подход узнается в публичных выступлениях Шестакова, направленных против Покровского и его последователей. Историк пользуется теми же инвективами, что его коллеги за шесть лет до того. В лекции от 2 июля 1937 г. он последовательно разобрал вехи творческого и политического пути Покровского, чтобы показать предпосылки его теоретического уклонения от марксистского понимания сути исторического процесса и содержания работы историка. Шестаков перечислил истоки миросозерцания Покровского, охарактеризовал его исторический метод и подходы к решению отдельных проблем [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 1–14]. Оценка деятельности оппонента была категорична: «Покровский ни в коей степени не подошел и не давал таких материалов, которые могли бы быть положены без изменения в сокровищницу науки» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 16].

Шестаков признавал определенное влияние Покровского на формирование советской исторической школы. «Под его крылом выросли почти все наиболее известные в настоящее время историки нашего Союза», – отмечал ученый [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 8]. Однако в этих словах содержится лишь констатация объективных условий институционального становления молодой советской науки. Вклад Покровского в ее содержательное наполнение Шестаков оценивал резко отрицательно. В духе устоявшейся риторики подход ученого определялся им как «абсолютно ненаучный» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 17], а теоретические установки были названы «антимарксистскими» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 18].

Эту мысль годом позже в чуть более мягкой форме повторил И. И. Минц. Отвечая в ходе лекции на вопрос, есть ли что-либо ценного в учении Покровского, он признал: «Есть. Прежде всего, по поводу борьбы с буржуазной историографией. Неверно ставить вопрос так, что Покровский разгромил буржуазную историографию <...> в ряде вопросов боролся и внес кое-что» [1, ф. 2019, оп. 1, д. 13, л. 25]. Такая формулировка, впрочем, выглядит более как жест вежливости, нежели как действительное признание заслуг.

Как видно, целью публичной критики Покровского во второй половине 1930-х гг. была дискредитация не только созданной им исторической концепции, но и его самого – как историка, общественного и государственного деятеля. То же касалось учеников Покровского, не перестроившихся вовремя на новые теоретические основания. Однако, если за Покровским при всех нареканиях признавались объективные заслуги перед отечественной наукой, то его последователи не получали ни малейшего снисхождения. Их именовали контрреволюционерами, троцкистами, шпионами и диверсантами [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 24]. Аргументация, приводимая против них в академической среде, была зачастую «фундирована системой идейного официоза» [6, с. 67].

В этом процессе теоретического и морального истребления школы Покровского и его наследия в целом Шестаков исполнил одну из ведущих ролей. Почин перестройки системы

исторического образования, данный сталинским руководством, был подхвачен сообществом историков, которое подвело под него необходимый теоретический базис. Если административный натиск на концепцию Покровского возглавили руководители партийного аппарата, то внутри научного сообщества идейное лидерство определенно принадлежало Шестакову. Его критика взглядов и деятельности Покровского отчетливо показывает преимущество устоявшейся в академической среде традиции громить оппонентов, определенных как носители классово чуждых, противных марксистско-ленинскому учению научных воззрений.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН).
2. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 622 с.
3. Зайдель Г. С., Цвибак М. М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. 232 с.
4. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского / Ред. И. У. Будовниц. Ч. 2. М.; Л.: АН СССР, 1940. 506 с.
5. Против исторической концепции М. Н. Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1939. 518 с.
6. Тихомиров Н. В. Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М. Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72.
7. Тихомиров Н. В. Отражение процесса централизации русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник МарГУ. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 401–406. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406.
8. Тихомиров Н. В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 78–87. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87.
9. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
10. Фукс А. Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского как историографический источник // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 13–21.
11. Фукс А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и ее отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2009. № 2. С. 104–113.
12. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: МГОУ, 2017. 420 с.

A. V. Shestakov as a leading critic of the historical concept of M. N. Pokrovsky in the second half of the 1930s.

N. V. Tihomirov

senior lecturer of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology-Scriabin MBA. Russia, Moscow. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Annotation. The article is devoted to the radical restructuring of the concept of Russian history that took place in the second half of the 1930s. The choice of this period is due to the fact that it was at this time that the community of historians laid the theoretical foundations of a new Marxist concept of national history, which predetermined the content of scientific and educational works for the next decade and a half (the time of the domination of the "Stalinist" model of historiography). In the center of consideration is the scientific, methodological and socio-journalistic activity of A.V. Shestakov. The author shows that this scientist played a leading role in ensuring the theoretical and methodological turn of the second half of the 1930s. The main attention is focused on Shestakov's criticism of the scientific views of M. N. Pokrovsky, the creator of the first Marxist concept of Russian history in the early 1920s. The author analyzes the nature and content of Shestakov's public speeches aimed at discrediting the views of his opponent, as well as his followers. The main trends of scientific criticism of the period under review, the characteristic features of academic discourse are shown. As a source basis for the work, we used documentary materials collected in the A.V. Shestakov Fund of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The article is intended to deepen the understanding of the peculiarities of the development of Russian historical thought and the historiographical situation during the period of Stalin's leadership.

Keywords: M. N. Pokrovsky, A. V. Shestakov, historical concept, scientific school, teaching of history in the USSR, Marxism-Leninism, historical materialism.

References

1. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS).
2. *Dubrovskij A. M. Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and historical thought in the USSR (1930–1950-ies)], M. ROSSPEN. 2017. 622 p.
3. *Zajdel' G. S., Cvibak M. M. Klassovyy vrug na istoricheskom fronte. Tarle i Platonov i ih shkoly* [Class enemy on the historical front. Tarle and Platonov and their schools]. M. ; L. Socekiz. 1931. 232 p.
4. *Protiv antimarksistskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo* – Against the anti-Marxist concept of M. N. Pokrovsky / ed. by I. U. Budovnits. Pt. 2. M. ; L. AS SSSR. 1940. 506 p.
5. *Protiv istoricheskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo* – Against the historical concept of M. N. Pokrovsky / ed. by A. Sidorov. Pt. 1. M. ; L. AS SSSR. 1939. 518 p.
6. *Tihomirov N. V. Idejno-politicheskij aspekt polemiki vokrug istoricheskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo v 1930-e gg* [The ideological and political aspect of the polemics around the historical concept of M. N. Pokrovsky in the 1930s] // *Vestnik MGOU. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2020. No. 1. Pp. 64–72. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72.
7. *Tihomirov N. V. Otrazhenie processa centralizacii russkogo gosudarstva v shkol'nyh uchebnikah istorii konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [Reflection of the process of centralization of the Russian state in school history textbooks of the late 1930s–early 1950s] // *Vestnik MarGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* – Herald of MarSU. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2020. Vol. 6. No. 4. Pp. 401–406. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406.
8. *Tihomirov N. V. Problema vozniknoveniya centralizovannogo russkogo gosudarstva v rabotah otechestvennyh istorikov konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [The problem of the emergence of a centralized Russian state in the works of Russian historians of the late 1930s – early 1950s] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 78–87. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87.
9. *Tihonov V. V. Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 g.)* [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1940s–1953)]. M. ; SPb. Nestor-Istoriya. 2016. 424 p.
10. *Fuks A. N. "Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke" M. N. Pokrovskogo kak istoriograficheskij istochnik* ["Russian history in the most concise essay" by M. N. Pokrovsky as a historiographical source] // *Vestnik MGOU. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2010. No. 3. Pp. 13–21.
11. *Fuks A. N. Formirovanie sovetskoj monokoncepcii otechestvennoj istorii i ee otrazhenie v shkol'nom uchebnike A. V. Shestakova* [Formation of the Soviet monoconception of national history and its reflection in the school textbook of A.V. Shestakov] // *Vestnik MGOU. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of the Moscow State University. Series: History and Political Science. 2009. No. 2. Pp. 104–113.
12. *Fuks A. N. Shkol'nye uchebniki po otechestvennoj istorii kak istoriograficheskij fenomen (konec XVIII v. – vtoraya polovina 1930-h gg.)* [School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon (the end of the XVIII century – the second half of the 1930s)]. M. Moscow State Regional University. 2017. 420 p.

УДК 1(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.006

Вопрос об адресате «Философических писем» П. Я. Чаадаева в связи с его религиозно-мистическими воззрениями

И. М. Лебединцев

преподаватель истории и древних языков, Православная гимназия им. Серафима Саровского.
Россия, г. Дзержинск. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос об адресате «Философических писем» П. Я. Чаадаева. В конце XIX в. в науке утвердилось представление о том, что «Философические письма» были адресованы Е. Д. Пановой. На основе анализа источников и исторических фактов делается вывод, что адресатом «Философических писем» не могла быть Панова. В нашей статье высказывается предположение, что адресат «Писем» является вымышленной фигурой, а Чаадаев просто использовал эпистолярный жанр для своего произведения. В исследовании проводится герменевтический анализ текста первого «Философического письма». Предполагается, что Чаадаев взял за образец для преамбулы своего произведения Второе Соборное Послание Иоанна Богослова. Адресатом апостольского послания является Госпожа, как и у автора «Философических писем». Анализ текста Послания показывает, что за фигурой Госпожи по сложившемуся в раннехристианской письменности словоупотреблению скрывается Церковь. Таким образом, делается вывод, что за фигурой Госпожи, к которой обращены «Философические письма», скрывается христианская Церковь. Это предположение согласуется с взглядами и убеждениями философа.

Ключевые слова: П. Я. Чаадаев, Е. Д. Панова, «Философические письма», западничество, славянофилы, «Телескоп».

В октябре 1836 года в пятнадцатом номере журнала «Телескоп» было напечатано первое «Первое философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Это небольшое произведение произвело огромный резонанс в российском обществе. Герцен писал, что «Письмо...» было подобно «выстрелу в темную ночь» [4, с. 139]. Другие авторы сравнивали это произведение с разорвавшейся бомбой [7, с. 154; 22]. С появлением письма начинается ряд важных процессов в интеллектуальной и культурной жизни страны. С его «Письма...» «закладывалась печальная традиция негативного восприятия... истории своей страны» [10, с. 39]. Многими отмечается, что Чаадаев «пробудил к активной деятельности общественное сознание» [2, с. 61]. Кроме того, с публикации письма начался знаменитый спор западников и славянофилов.

Важным моментом для понимания философской концепции П. Я. Чаадаева является вопрос об адресате его писем. Этот вопрос представляется нам разработанным недостаточно. Про Чаадаева было написано много научных и популярных статей, монографий, воспоминаний. Однако тот резонанс, который произвели «Философические письма» в русской общественной жизни, выдвинуло на первый план исследований философско-историческое содержание трактата, а также личность самого Петра Яковлевича. Вопрос об адресате писем оказался в разряде второстепенных. По нашему мнению, этот вопрос нуждается в детальной проработке с привлечением не только научной литературы и источников, но и самого текста «Писем» и философских взглядов их автора. В данном исследовании делается попытка рассмотреть вопрос об адресате Чаадаева в контексте религиозных и мистических взглядов философа.

Сегодня в большинстве работ, статей, заметок, посвященных «Философическим письмам», утверждается, что адресатом Чаадаева является Е. Д. Панова. Так, известный современный мыслитель, доктор философских наук Федор Гиренок свою статью о Чаадаеве для сайта rg.ru начинает следующим образом: «Чаадаев написал письмо Кате Пановой, с которого начались его «Философические письма»» [6].

Однако существует и другое мнение. Предполагается, что Панова «вовсе не была адресатом. Чаадаев просто избрал эпистолярную форму для изложения своих взглядов, – что было тогда довольно обычно» [7, с. 154]. Мы согласны с данным положением. Наша гипотеза состоит в том, что фигура адресата является важной составляющей философской концепции Чаадаева. Ключевым моментом чаадаевской историософии является идея Церкви. Герменевтический анализ первого «Философического письма» позволяет сделать вывод о том, что в качестве образца для преамбулы первого из своих знаменитых «Писем» Чаадаев использовал

библейские тексты. Таким образом, вопрос об адресате философических писем должен рассматриваться не только с исторической точки зрения (какому конкретному лицу адресовано письмо?), но и с герменевтической (какое значение имеет фигура адресата для историософской концепции Чаадаева).

Уже в XIX веке в качестве корреспондента Чаадаева чаще всего указывается Екатерина Дмитриевна Панова. Е. Д. Панова, урожденная Улыбашева, была женщиной трагической судьбы. Она происходила из старого дворянского рода, росла и воспитывалась в творческой семье. Ее брат, А. Д. Улыбашев, был членом знаменитого литературного сообщества «Зеленая лампа», в которое среди прочих входил молодой А. С. Пушкин. Сестра Екатерины Дмитриевны, Елизавета Улыбашева, была известной поэтессой. Ее перу принадлежало два сборника стихов, написанных по-французски, пользовавшихся известностью. В 1821 г. Екатерина Улыбашева выходит замуж за В. М. Панова. В 1827 году она знакомится с Чаадаевым, поместье которого находилось неподалеку от дома Пановых. Екатерина Дмитриевна становится другом и собеседником Чаадаева. В тридцатых годах ее отношения с мужем портятся. В 1836 году Е. Д. Панова признана душевнобольной и отправлена в специализированное лечебное заведение. О дальнейшей ее судьбе известно немного. У Пановой не было детей, и после принудительного лечения она живет у родственников и умирает в бедности. Е. Д. Пановой посвящено много литературы. В основном, это мемуары или научно-популярные публикации [3; 8; 9; 21].

Мы считаем, что, несмотря на распространенное мнение, Панова вряд ли могла быть адресатом «Писем». На это указывают два момента: во-первых, несогласие по этому вопросу источников; во-вторых, отсутствие прямых указаний на связь Пановой с «Письмами» (все аргументы в пользу Пановой как адресата «Писем» являются косвенными).

Вопрос об адресате «Философических писем» возник в российской науке и публицистике в конце 50-х годов позапрошлого столетия. Это связано с двумя историческими событиями. В 1855 году умер император Николай I. С его смертью закончилась эпоха цензурного гнета. Уже в первые годы нового царствования замечается рост количества журналов и газет; начинают появляться публикации на темы, которые при Николае I являлись запретными. А в 1856 году умирает сам Чаадаев, и это приводит к появлению в последующие несколько лет огромного количества публикаций, посвященных его памяти. В этих публикациях впервые поднимается вопрос об адресате Чаадаева.

Близкий друг философа М. Н. Лонгинов в своей публикации 1862 года упоминает, что Чаадаев адресовал «Философические письма» Е. Д. Пановой [11, с. 271]. Однако не менее близкий к Чаадаеву И. С. Гагарин указывает в качестве адресата Е. Н. Орлову. А Герцен, который также был знаком с мыслителем, называет имя Е. Г. Левашовой. Таким образом, современники и близкие к Чаадаеву люди называют в качестве возможного адресата «Писем» сразу несколько имен. Если прибавить к этому, что сам Чаадаев, а также его племянник и литературный наследник М. И. Жихарев, которому автор «Писем» завещал все свои бумаги, преуменьшали роль Пановой в жизни философа, то фигура Екатерины Дмитриевны в качестве адресата знаменитого трактата представляется более чем сомнительной [20, с. 568–569]. Но уже к концу XIX века Панова везде называется корреспондентом Чаадаева. В первой научной монографии, посвященной Петру Яковлевичу, книге знаменитого М. О. Гершензона, адресатом «Писем» также названа Панова. После этого имя Пановой упоминается уже безапелляционно практически во всех исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих вопрос личности адресата «Философических писем».

Какие же факты свидетельствуют о том, что именно Панова является адресатом знаменитых «Писем»?

Таких фактов немного. И в подавляющем большинстве они являются лишь «косвенными доказательствами». Эти указания собраны в статье А. А. Штейнберга «Пушкин и Е. Д. Панова» [21].

1. Первым из таких косвенных аргументов является письмо Д.В. Давыдова к Пушкину от 23 ноября 1836 г. В нем Давыдов упоминает в связи с делом Чаадаева о некоей *Католичке*. «Но полно; если б ты не вызвал меня, я бы промолчал о нем; я не люблю разочаровывать; впрочем, спроси у Т<ургенева>, который на днях поехал в Петербург, он, может, расскажет происшествие это не так, как я, и успокоит на счет *Католички*» [16, с. 194]. Этот аргумент, однако, даже сам Штейнберг находит неубедительным, поскольку из контекста письма не ясно, о ком идет речь. *Католичкой* Давыдов мог называть и самого Чаадаева, которого очень не любил. Известны его стихи о философе:

Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Что в гостиных битъ привык
В маленький набатик.

(Д. В. Давыдов. «Современная песня»)

2. Еще одним аргументом в пользу Е. Д. Пановой как адресата знаменитого «Письма» является личное знакомство и многолетняя дружба, связывающая Чаадаева и чету Пановых. Но это тоже вряд ли может быть доказательством того, что «Философические письма» были обращены к ней. Круг знакомых дам Чаадаева был весьма велик. Неспроста Давыдов называет его «старых барынь духовником». Это живое и яркое (как и все стихи Давыдова) свидетельство того, что барыни за советом к Чаадаеву обращались не редко.

3. Филокатолические пристрастия Пановой. Это, конечно, создавало атмосферу духовной близости. Однако вплоть до запрета Александром I деятельности иезуитов в России, в Москве и Петербурге проповедники католичества вели активнейшую деятельность. И среди знакомых и друзей Чаадаева католиков и католичек было много.

4. Четвертый аргумент, который приводит в своей статье Штейнберг, представляется наиболее убедительным из всех. Это общая участь, постигшая Чаадаева и Панову в 1836 году. Как известно, после публикации «Философического письма» в журнале «Телескоп» Чаадаев был признан сумасшедшим. В течение долгого времени его посещали врачи для наблюдения за его психическим состоянием. В таком же положении оказалась в декабре этого года и Е. Д. Панова. «17 декабря 1836 г. Московское губернское правление освидетельствовало умственные способности Екатерины Дмитриевны Пановой по просьбе ее мужа и определило считать ее сумасшедшей и поместить в лечебное заведение» [21, с. 49]. Здесь может возникнуть представление о том, что правительство, преследующее Чаадаева за крамольную публикацию, подвергло ее точно таким же преследованиям. Однако два эти случая друг с другом никак не связаны. В случае с Пановой, судя по всему, приходится говорить о реальных психических отклонениях. Об этом могут свидетельствовать два факта: 1) свидетельство самого Чаадаева. Он признавал Панову психически нездоровой; 2) последнее письмо Пановой Чаадаеву. В этом письме она рассказывает о своих бедствиях, издевательствах, которым подвергал ее муж. Причем описание издевательства, которые приводит Панова, кажутся плодом большого воображения. Панова писала про своего мужа: «Он заключил меня в комнату, где наглухо забил окна и дверь, и через маленькое отверстие, проделанное в стене, мне давали еду, от которой отказались бы и собаки. Часто оставалась я сидеть на полу, без еды и питья, целыми днями погруженная в глубокую тьму, всю мебель убрали, в 10–12 градусов мороза комнату эту никогда не отапливали... Наконец, я почувствовала, что схожу с ума; холод, голод, отчаяние, болезнь – у меня не было больше сил бороться против стольких бед; моей навязчивой идеей стала мысль о смерти» [21, с. 54].

Даже если представить, что все, описываемое в письме, не выдумка воспаленного воображения, то необходимо признать, что дело о сумасшествии Пановой носит не политический, а бытовой характер. Либо она сошла с ума до памятных событий 1836 года, и ее муж просто произвел медицинское освидетельствование своей несчастной супруги.

Как видно, все аргументы в пользу Пановой как адресата «Философических писем» могут быть приняты только со многими оговорками. И совсем странным является тот факт, что сама Панова с «Письмом» вплоть до его публикации не была знакома. Хотя это произведение уже несколько лет ходило по рукам и обсуждалось в салонах. Если письмо действительно предназначалось Пановой, как объяснить тот факт, что его читали и обсуждали в салонах, а сам адресат познакомился с ним посредством журнальной публикации? [20, с. 568].

Объяснить это противоречие можно, обратившись к предположению Гершензона. Его выпущенная еще до революции книга «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» стала важнейшей вехой в исследовании творчества знаменитого философа. В этой книге Гершензон выдвигает гипотезу о том, что Чаадаев долго искал подходящую литературную форму для изложения своих идей, но не мог найти. Когда же он написал письмо Пановой (письмо личное, не предназначавшееся сначала для печати или хождения по салонам), то оказался доволен формой, написал еще несколько писем, и все это превратилось в целый философский трактат. Именно поэтому, если согласиться с гипотезой Гершензона, первое «Философическое письмо» действительно изначально было адресовано Пановой, но так и не было ей отправлено, потому

что стало началом целого ряда статей, в которых Чаадаев изложил свою философско-теологическую систему. «Теперь случайно найденная форма показалась ему настолько удобной и самая работа – так увлекательной, что он, не мешкая, стал продолжать ее» [5, с. 69]. Так личное превратилось в публичное.

Но это опять-таки только предположение. Попытка снять явное противоречие, которое мы видим, когда речь заходит об адресате «Первого письма».

Таким образом, нам кажется маловероятным, что адресатом Чаадаева могла быть Панова. Все аргументы в пользу этого взгляда, как было показано выше, являются косвенными. Также нам представляется маловероятным, что «Философические письма» были написаны для конкретного адресата. В первых публикациях по данному вопросу современников и друзей Чаадаева в качестве его корреспондента указывались разные лица. Это может свидетельствовать о том, что никакого адресата не было, а предположения современников философа вызваны слухами, которыми наполнились столицы после скандальной публикации в «Телескопе». Более правдоподобной представляется версия о том, что Чаадаев просто воспользовался популярной в XVIII–XIX вв. эпистолярной формой. Но даже когда адресат вымышленный, его личность может быть важна. Вопрос о том, кого представлял себе в качестве адресата Чаадаев, может помочь пониманию тех смыслов, которые он вкладывал в свой опус.

Для понимания философа, его концепции и личности, необходимо помнить, что «философское мировоззрение Чаадаева носит ярко выраженный религиозный характер» [12, с. 52]. Учитывая это, можно предположить, что за адресатом может скрываться не конкретное историческое лицо и не вымышленная безликая жительница столицы. Для Чаадаева, его мистически одаренной натуры, фигура корреспондента может быть центральным пунктом всей философской системы.

Нам представляется, что образцом для «преамбулы» первого «Философического письма» стало Второе Соборное послание апостола Иоанна Богослова. Это послание входит в Новый Завет. Нам представляется, что обращение к Даме, с которого философ начинает свой труд, было навеяно первым стихом этого апостольского послания.

Послание апостола Иоанна начинается с обращения к адресату: «Стáрецъ избрáннѣй госпожѣ» (2 Ин. 1:1). Чаадаев как всякий христианин читал Библию. Скорее всего, Чаадаев пользовался либо французским текстом, либо латинским. Для последовательного сторонника католицизма последний вариант представляется более предпочтительным. Если мы обратимся к классическому французскому тексту, то окажется, что слово *Госпожа* (по-гречески κυρία) оставлено там без перевода. В оригинальном греческом тексте читаем ὁ πρεσβύτερος ἐκλεκτῆς κυρία. В классическом французском переводе видим L'ancien, à *Kyria* l'élue. И в том, и в другом тексте, когда речь идет о *Госпоже*, мы встречаемся с одним и тем же словом.

Больше информации для размышления мы получаем, обратившись к латинскому переводу. Естественно, это повсеместно употребительная в католических странах даже во времена Чаадаева Вульгата блаженного Иеронима. Там эта фраза выглядит так: Presbyter electae dominae. Здесь без перевода, наоборот, оставлено слово старец. Но πρεσβύτερος просто принял латинскую форму Presbyter. Это заимствование объяснимо, так как слово *пресвитер* благодаря христианизации перешло из греческого во многие европейские языки. А вот в обращении к *Госпоже* мы видим domina. То есть если руководствоваться латинским переводом Иеронима Стридонского, то ап. Иоанн обращает свое послание к domina. На русский язык это слово можно перевести как *госпожа, сударыня*. А во французском от domina произошло всем известное слово Дама (dame). Соответственно, domina = dame. Именно к *некоей Даме* и адресованы письма Чаадаева. Еще одним косвенным аргументом в пользу влияния Второго Послания ап. Иоанна на Чаадаева является форма слова dame, которую использует философ. Он начинает свое письмо обращением madame. Это madame, как известно, обозначает даму, которая находится замужем. Из текста послания св. Иоанна видно, что и domina, к которой обращается Апостол Любви, также является особой замужней. Таким образом, можно предположить, что Чаадаев решил вместо своей современницы обратиться к адресату св. Иоанна Богослова.

К кому же обращено это послание любимого ученика Христа? По этому поводу в разное время высказывались разные предположения [18, с. 341–343]. Нам представляется верной версия блж. Иеронима Стридонского. Он считает, что это послание обращено к Церкви. То есть к собранию верующих. Авторитет блаженного Иеронима кажется нам наиболее значимым. Во-первых, он представляется нам самым эрудированным из раннехристианских толкователей. Блж. Иероним всегда очень глубоко понимал библейский текст и извлекал из него

те смыслы, которые другие толкователи, именно из-за отсутствия таких глубоких, как у Иеронима, филологических способностей, не замечали. Во-вторых, когда речь идет о библейской экзегезе и истории Древней Церкви, свидетельства Иеронима бесценны, поскольку он работал с огромным количеством источников, которые нам сегодня недоступны. Но самое главное – это значение Иеронима для Чаадаева. Русский философ, будучи религиозным западником, обращался к католической традиции, для которой авторитет Иеронима был важнейшим. Более того, эта традиция развивалась в духе и направлении, заложенных блж. Иеронимом, – одним из авторитетнейших богословов католической церкви. Восточные отцы, иначе трактовавшие Второе Послание ап. Иоанна, были Чаадаеву не интересны и, скорее всего, неизвестны. Таким образом, согласно трактовке, которую Чаадаев только и мог воспринять, ап. Иоанн в своем послании обращается к Церкви. Об этом же свидетельствует и само словоупотребление, которое мы встречаем во Втором Послании.

Возможно, здесь речь идет о церкви какого-то города. Скорее всего, малоазийского, учитывая, что жизнь и проповедническая деятельность ап. Иоанна проходила именно там. Такое словоупотребление встречается у того же ап. Иоанна в Апокалипсисе, где он именуется Церковь по городам, в которых они расположены. «Ангелу Эфесской церкви напиши» (Ап. 2:1); «И Ангелу Смирнской церкви напиши» (Ап. 2:8); «И ангелу Пергамской церкви напиши» (Ап. 2:12). Такое же словоупотребление мы можем найти у других новозаветных авторов, что показывает, что оно было распространено повсеместно. Например, в Первом послании ап. Петра (церковнославянский текст) мы читаем: «Целуют вы яже в Вавилоне соизбранная» (1Пет. 5:13). (в данном стихе *целуют вы* переводится на современный русский язык как *приветствуют вас*) По-гречески: ἀσπάζεται ὑμᾶς ἡ ἐν Βαβυλῶνι συνεκλεκτή. Ни в греческом тексте, ни в церковнославянском переводе, который практически всегда буквально повторяет первоисточник, слова *Церковь* нет. Однако, из контекста и практики словоупотребления раннехристианской эпохи безусловно следовало, что апостол обращается именно к церкви, находящейся в Вавилоне (а на самом деле в Риме. Вавилон, как известно, к тому моменту был давно разрушен, а в раннехристианской письменности название этой древней мировой столицы обозначало Рим). Это нашло свое отражение в переводах Библии на современный русский язык. В синодальном тексте этот стих переводят: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне» [1, с. 1214]. Курсивом выделены те слова, которых нет в оригинальном греческом тексте. Почти также и у еп. Кассиана (Безобразова): «Приветствует вас церковь, которая в Вавилоне» [15, с. 715].

Таким образом, за безымянным адресатом скрывается церковь какого-то малоазийского города, а ап. Иоанн пишет от лица своей, Эфесской (скорее всего) церкви. На такое толкование наталкивает последний стих послания: «Приветствуют тебя дети сестры твоей избранной» (2Ин. 1:13). Дети сестры избранной – это христиане церкви (возможно – Эфесской), от лица которых обращается с посланием ап. Иоанн. Дети избранной Господи, которой адресовано послание, – это христиане какого-то другого малоазийского города. Такое именование (Церковь – мать, чада – христиане) понятно всем, погруженным в христианскую традицию. Особенно, в традицию древнехристианской письменности. Даже Феофилакт Болгарский – один из авторитетнейших византийских экзегетов, комментируя последний стих послания, пишет: «Некоторые на основании этих слов думают утверждать, что послание сие писано не к женщине, а к Церкви. С тем, кто так думает, я несколько не спорю» [19, с. 199].

Таким образом, если допустить, что текстуальное совпадение между началом письма Чаадаева и первым стихом апостольского послания не случайны, то окажется, что адресатом Чаадаева была не какая-то женщина (реально существовавшая или вымышленная), а Церковь. Церковь как собрание верующих. Только между понятием Церкви для Иоанна Богослова и Чаадаева нельзя ставить знак равенства. Апостол Иоанн, как уже говорилось выше, обращаясь к церкви, подразумевал христианскую общину одного из малоазийских городов. Для Чаадаева Церковь – это, судя по всему, томящаяся в ужасной русской действительности масса верующих.

Это вполне согласуется с внутренними посылами произведений Чаадаева. Анализируя текст «Апологии сумасшедшего» С. А. Нижников отмечает, что Чаадаев в своем творчестве «претендует не только на то, что он познал истину, но и на то, что он является благодетелем, ну если не человечества, то, по крайней мере, России» [14, с. 490]. Это, действительно, так. В воспоминаниях современников образ Чаадаева неразрывно связан с религиозностью, духовностью, мессианством. Недоброжелатели видели в этом образе проявление гордости, бо-

лезненного самолюбия и духовной «прелести» Как, например, Денис Давыдов. Или славянофил П. В. Киреевский, который даже придумал термин «чаадаевщина». Странники Чаадаева (в первую очередь, представители религиозного западничества) видели в Петре Яковлевиче великана духа, просветителя, крупнейшего религиозного деятеля эпохи. Показательны слова Мандельштама о Чаадаеве: «Что бы он ни делал, – казалось, что он служил, священнодействовал» [13, с. 57].

Чаадаев считал себя провозвестником грядущего Царства Божьего. Основная идея его «Философических писем» заключалась в развитии человеческого общества, мировой истории, от низших форм к высшим. С этим связано развитие Духа и высших идей. Идея эта заимствована из немецкой классической философии. Наиболее полно она была раскрыта в «Лекциях по философии истории» Гегеля и «Идеях к философии истории человечества» Гердера. Цель этого развития – построения Царства Божьего на земле. Критикуя иные, отличные от западноевропейского, пути развития, Чаадаев восклицает: «Неужели вы думаете, что эти нелепые отступления от Божеских и человеческих истин низведут Небо на землю?» [20, с. 28]

Низведение Неба на землю – вот главная мысль, главная идея Чаадаева, которую он непрестанно повторяет по ходу своего произведения. Носителем царственного духа выступает Церковь, которой и принадлежит решающая роль в строительстве нового Царства. «Католическая [церковь] никогда не примирится с отпавшими от нее общинами», потому что «одна лишь видимая, осязаемая, изваянная неизменность истины может сохранить царство духа на земле» [20, с. 111]. Нужно отметить, что термин «католическая церковь» имеет у Чаадаева широкий смысл. Это и западное христианство, поклонником которого он был, и, в целом, католическая, вселенская Церковь. Как известно, Чаадаев, несмотря на свои симпатии к западному христианству, до конца жизни оставался православным и принимал участие в таинствах православной Церкви.

Чаадаев писал свое произведение для просвещения Церкви русской, плененной – не только по его мнению, но и по мнению славянофилов – властью и мрачной действительностью. Автор «Писем» ставит перед собой цель пробудить, вразумить, показать путь, по которому нужно идти, чтобы выбраться из того бедственного положения, в котором оказалась его *Дама*. Чаадаев видел свое предназначение в том, чтобы осветить путь к небу, для томящейся в египетском плену Церкви. Церкви не православной, не католической, а христианской, понимаемой Чаадаевым экуменистически.

Именно в этом, по нашему мнению, видел философ цель своего литературного и просветительского труда. Соответственно, «Философические письма» поэтому нужно понимать как трактат в первую очередь религиозный, произведение, в котором вопросы государственные и культурологические стоят на втором плане. Хорошо написал об этом М. О. Гершензон: «Для всякого ясно, что философия истории, изложенная в этих письмах, представляет собою чистейший мистицизм... А за мистической философией истории мы должны предполагать столь же мистическую метафизику» [5, с. 89].

Список источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами. М. : Российское Библейское общество, 2010.
2. *Богданов А.* Русская идея в философских воззрениях П. Я. Чаадаева // *Власть*, 2011. № 10. С. 61–65.
3. *Вильде Н.* Корреспондентка Чаадаева // *Голос Москвы*. 1913. № 94. 24 апр.
4. *Герцен А. И.* Былое и думы. Собрание сочинений : в 30 т. Т. IX. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 139.
5. *Гершензон М. П.* Я. Чаадаев. Жизнь и мышление / Гершензон Михаил Осипович. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. IV, 321 с.
6. *Гиренок Ф.* Запад и Восток Петра Чаадаева. URL: <https://rg.ru/2015/04/10/rodina-chaadaev2.html> (дата обращения: 25.09.2020).
7. *Зеньковский В.* История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 880 с. (Summa).
8. *Кайдаш-Лакшина С.* Адресат «Философических писем» // *Наука и жизнь*, 1979. № 7.
9. *Кайдаш-Лакшина С.* Сила слабых: женщины в истории России (XI–XIX вв.). М. : Советский писатель, 1989.
10. *Киселев А. Ф.* Чаадаев и Чаадаевщина // *Высшее образование сегодня*, 2016. № 6. С. 38–41.
11. *Лонгинов М. Н.* Рец. на: Oeuvres choisies de P. Tchaadaef / Publ. pour la 1ère fois par le père Gagarin de la CJ. P.; Lpz., 1862 // *Русский архив*, 1863. № 3. С. 270–271.
12. *Лосский Н. О.* История русской философии. М. : Советский писатель, 1991.

13. Мандельштам О. П. Я. Чаадаев // Аполлон. 1915. № 6/7. С. 57–62.
14. Нижников С. А. П. Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу // Вестник Российского РУДН. Серия: Философия, 2017. № 4. С. 488–494.
15. Новый Завет на греческом и русском языках. М. : Российское Библийское общество, 2002.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937 : в 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.
17. Тарасов Б. Н. Чаадаев. 2-е изд., доп. М. : Мол. Гвардия, 1990. 575[1] с., ил. (Жизнь замечат. людей. Вып. 670; Избр. сер. В 10 т. Т. 1).
18. Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета / Под ред. А. П. Лопухина. Т. 10. Петербург, 1910.
19. Феофилакт Болгарский. Толкования на Деяния святых апостолов и на Соборные послания святых апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. М.: Сибирская благовонница, 2009.
20. Чаадаев П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев; [Сост., подгот. текста, примеч. В. Ю. Проскуриной; Вступ. ст. В. А. Мильчиной, А. Л. Осповата; Журн. «Вопр. Философии» и др.]. М. : Правда, 1989. 655 с.
21. Штейнберг А. А. Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 45–55.
22. Pyotr Yakovlevich Chaadaev // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadaev> (дата обращения: 29.09.2020).

The question of the addressee of P. Ya. Chaadaev's "Philosophical Letters" in connection with his religious and mystical views

I. M. Lebedyantsev

teacher of history and ancient languages of Nizhny Novgorod Diocese
of the Russian Orthodox Church Moscow Patriarchate Orthodox Gymnasium n. a. Seraphim of Sarov.
Russia, Dzerzhinsk. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Abstract. The article examines the question of the addressee of P. Ya. Chaadaev's "Philosophical Letters". At the end of the XIX century, the idea that the "Philosophical Letters" were addressed to E. D. Panova was established in science. Based on the analysis of sources and historical facts, it is concluded that the addressee of the "Philosophical Letters" could not be Panova. Our article suggests that the addressee of the "Letters" is a fictional figure, and Chaadaev simply used the epistolary genre for his work. The study provides a hermeneutical analysis of the text of the first "Philosophical Letter". It is assumed that Chaadaev took as a model for the preamble of his work the Second Conciliar Epistle of John the Theologian. The addressee of the apostolic epistle is the Lady, as well as the author of the "Philosophical Letters". The analysis of the text of the Epistle shows that the figure of the Lady, according to the established word usage in early Christian writing, hides the Church. Thus, it is concluded that behind the figure of the Lady to whom the "Philosophical Letters" are addressed, the Christian Church is hidden. This assumption is consistent with the views and beliefs of the philosopher.

Keywords: P. Ya. Chaadaev, E. D. Panova, "Philosophical letters", Westernism, Slavophiles, "Telescope".

References

1. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta v russkom perevode s parallel'nymi mestami – The Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and New Testament in Russian translation with parallel places. M. Russian Bible Society, 2010.
2. Bogdanov A. Russkaya ideya v filosofskih vozzreniyah P. Ya. Chaadaeva [The Russian idea in the philosophical views of P. Ya. Chaadaev] // *Vlast' – Power*. 2011. No. 10. Pp. 61–65.
3. Vilde N. Korrespondentka Chaadaeva [Correspondent of Chaadaev] // *Golos Moskvy – Voice of Moscow*. 1913. No. 94. 24 Apr.
4. Herzen A. I. *Byloye i dumy. Sbranie sochinenij : v 30 t. T. IX* [Past and thoughts. Collected works : in 30 vols. Vol. IX]. M. USSR Academy of Sciences. 1956. P. 139.
5. Gershenson M. P. Ya. Chaadaev. *Zhizn' i myshlenie* [P. Ya. Chaadaev. Life and thinking] / Gershenson Mikhail Osipovich. SPb. Typ. of M. M. Stasyulevich. 1908. IV. 321 p.
6. Girenok F. *Zapad i Vostok Petra Chaadaeva* [West and East by Peter Chaadaev]. Available at: <https://rg.ru/2015/04/10/rodina-chaadaev2.html> (date accessed: 25.09.2020).
7. *Zen'kovskij V. Istoriya russkoj filosofii* [Russian Philosophy History]. M. Akademicheskij Proekt, Raritet (Academic Project, Rarity). 2001. 880 p. (Summa).

8. Kajdash-Lakshina S. Adresat "Filosoficheskikh pisem" [The addressee of "Philosophical letters"] // *Nauka i zhizn* – Science and life. 1979. No. 7.
9. Kajdash-Lakshina S. *Sila slabyyh: zhenshchiny v istorii Rossii (XI–XIX vv.)* [The strength of the weak: women in the history of Russia (XI–XIX centuries)]. M. Sovetskiy pisatel (Soviet writer). 1989.
10. Kiselev A. F. *Chaadaev i Chaadaevshchina* [Chaadaev and Chaadaevschina] // *Vysshee obrazovanie segodnya* – Higher education today. 2016. No. 6. Pp. 38–41.
11. Longinov M. N. [Review on: Oeuvres choisies de P. Tchaadaev / Publ. pour la 1ère fois par le père Gagarin de la CJ. P.; Lpz., 1862 // *Russkij arhiv* – Russian Archive. 1863. No. 3. Pp. 270–271.
12. Lossky N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. M. Sovetskiy pisatel' (Soviet writer). 1991.
13. Mandelstam O. P. Ya. *Chaadaev* [P. Ya. Chaadaev] // *Apollon* – Apollon. 1915. No. 6/7. Pp. 57–62.
14. Nizhnikov S. A. P. Ya. *Chaadaev: ot mifologicheskogo obraza k real'nomu licu* [P. Ya. Chaadaev: from a mythological image to a real person] // *Vestnik Rossijskogo RUDN. Seriya: Filosofiya* – Herald of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Philosophy. 2017. No. 4. Pp. 488–494.
15. *Novyj Zavet na grecheskom i russkom yazykah* – The new Testament in Greek and Russian languages. M. Russian Bible society. 2002.
16. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij, 1837–1937 : v 16 t.* [Complete works, 1837–1937 : in 16 vols.] / ed. committee: M. Gorky, D. D. Blagoi, S. M. Bondi, V. D. Bonch-Bruevich, G. O. Vinokur, A. M. Deborin, P. I. Lebedev-Polyansky, B. V. Tomashevsky, M. A. Zyablovsky, D. P. Yakubovich. M. ; L. Publ. of AS SSSR. 1937–1959.
17. *Tarasov B. N. Chaadaev. 2-e izd., dop.* [Chaadaev. 2nd publ., add.] M. Mol. Guardia. 1990. 575 [1] p., ill. (Life of remarkable people. Issue 670; Selected ser. In 10 vols., vol. 1).
18. *Tolkovaya Bibliya, ili kommentarij na vse knigi Vethogo i Novogo Zaveta* – The Explanatory Bible, or commentary on all the books of the Old and New Testaments / Under the editorship of A. P. Lopukhin. Vol. 10. Petersburg. 1910.
19. *Feofilakt Bolgarskij. Tolkovaniya na Deyaniya svyatyh apostolov i na Sobornye poslaniya svyatyh apostolov Iakova, Petra, Ioanna, Iudy* – Theophylact of Bulgaria. Interpretations on the Acts of the Holy Apostles and on the Conciliar Epistles of the Holy Apostles James, Peter, John, and Judas. M. Sibirskaya blagozvonitsa. 2009.
20. *Chaadaev P. Ya. Sochineniya* [Essays] / P. Ya. Chaadaev; [Comp., prep. of text, notes by V. Yu. Proskurina; Introd. Article by V. A. Milchina, A. L. Ospovat; Journal "Questions of Philosophy", etc.]. M. Pravda (Truth). 1989. 655 p.
21. Steinberg A. A. *Pushkin i E. D. Panova* [Pushkin and E. D. Panova] // *Vremennik Pushkinskoy komissii* – Annals of Pushkin committee. 1965 / AS SSSR. Department of lit. and lang. of Pushkin committee. L. Nauka. Leningr. Department. 1968. Pp. 45–55.
22. Pyotr Yakovlevich Chaadaev // *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Pyotr-Yakovlevich-Chaadaev> (date accessed: 29.09.2020).

Внутрипартийная борьба в Ленинграде в 1926–1928 гг.: эмоциональные характеристики апелляций оппозиционеров

К. В. Кузнецов

аспирант, Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. E-mail:
mr.tweektweak@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается практика апелляций оппозиционеров, исключенных из партии в 1926–1928 годах. Дается анализ как известных, так и недавно рассекреченных источников и их интерпретация в контексте внутрипартийной борьбы. Кроме того, в статье рассматриваются изменения в оценке оппозиции на партийных съездах со стороны партийного большинства. Цель данного исследования – проанализировать апелляции оппозиционеров в контексте эмоционального давления со стороны партии. Как показано в работе, за несколько лет политической борьбы в коммунистической партии, оппозиция становится официально неприемлемой группой и исключается из партии. Параллельно этому процессу формируется процедура апеллирования на восстановление в партию для исключенных членов, включая и оппозиционеров. Оппозиционеры, вынужденные обращаться в партию по вопросу восстановления, заполняют апелляции эмоциональным содержанием. Эти эмоции могут свидетельствовать о еще одном, малоизученном измерении политической борьбы, а именно существовании «эмоциональных режимов» и «сообществ». Оппозиционеры могли подчиниться эмоциональным требованиям партийных органов и открыто выразить сожаление в своих прежних действиях. Некоторые выбирали путь продолжения политической борьбы и пытались инициировать дискуссию в своих обращениях, прибегая подчас к явно выраженной эмоциональной аргументации. Связи, укрепившиеся между ленинградскими оппозиционерами за время внутрипартийной борьбы, могут говорить об эмоциональной общности этой группы. Статья может представлять интерес как для специалистов в области политической истории СССР, так и для всех заинтересованных в истории России XX века.

Ключевые слова: левая оппозиция, РКП(б) – ВКП(б), апелляции, эмоциональный режим, история эмоций.

В декабре 1927 года политическая оппозиция была официально признана несовместимой с членством в рядах коммунистической партии. В результате этого, на XV-м съезде партии, бывшие сторонники лидеров оппозиции оказались в сложной ситуации. Чтобы сохранить свою партийную работу, им пришлось отказаться от своих оппозиционных взглядов и выразить глубокое сожаление по этому поводу. Отказы от оппозиции создавались в письменной форме, затем передавались в партийные организации и иногда публиковались в газетах. Цель данной работы – изучить эмоциональные характеристики обращений оппозиционеров как средство внутрипартийной борьбы.

В своей книге «Навигация чувств» Уильям Рэдди указывает на несколько аналитических терминов, которые имеют решающее значение для его метода. Среди этих терминов я считаю наиболее актуальными для данного исследования «эмоциональный режим» и «эмоциональную навигацию». «Эмоциональный режим» можно считать навязыванием определенного рода чувств, контролируемых правящей группой и направленных на подчиняющиеся ей социальные группы. В этом случае «эмоциональная навигация» может быть определена как тактика адаптации к этим навязанным эмоциональным требованиям или ухода от них. Как упоминает Рэдди, он привносит свою концепцию для универсального применения, таким образом, мы можем изучать, как социальные и политические сдвиги соответствовали определенной «эмоциональной структуре» [21, с. 13].

Хотя эмоциональные слова считаются довольно расплывчатыми, их анализ привносит многое для понимания охватываемого исторического периода и соответствующего ему эмоционального режима [20, с. 330]. Особенно это заметно в политической борьбе, где эмоциональные ограничения могут быть отличительной частью продолжающихся изменений в отношениях между властью и оппозицией. [6, с. 122] Это может показать, как устанавливались иерархические позиции, когда крупная политическая группа импортировала определенный инструмент контроля над оппозиционной группой, например, – эмоционально наполненные апелляции.

В этой перспективе Советский Союз конца 1920-х имел очень ограниченное пространство для «эмоциональной навигации». Публичный энтузиазм и повсеместные оптимистические взгляды в будущее были частью повседневной пропаганды, выраженной в газетах, плакатах и на радио [3, с. 35]. Кроме того, было публично объявлено, что люди должны сохранять бдительность в связи с потенциальной внутренней угрозой советской власти [4, с. 2]. Оппозиция была осуждена как одна из таких угроз, а ее враждебный общественный образ был создан в ходе мобилизационных кампаний [5, с. 2]. Как мы полагаем, бывшая политическая оппозиция должна была пройти через специфическое эмоциональное навязывание, так как руководство партии постоянно в ней сомневалось.

Двигаясь дальше, мы можем предполагать, что властное давление по отношению к оппозиции могло бы выстроить неявные эмоциональные связи между оппозиционерами. Эта характеристика довольно точно вписывается в концепцию «эмоциональных сообществ», предложенную Барбарой Розенвейн. По ее словам, эмоциональные сообщества дают более глубокое понимание любой социальной группы, поскольку исследователь изучает внутренние эмоциональные связи. Это выводит восприятие и определение конкретных чувств в изучаемом сообществе. Сравнивая два понятия, Розенвейн даже упоминает, что «режимы» и «сообщества» имеют очень много общего, поэтому лучше говорить о нескольких «режимах», а не о каком-то конкретном. Таким образом, эти понятия можно было бы использовать как сходные определения одного явления [22, с. 11].

Игал Халфин посвятил несколько книг теме советской субъективности и ее отражению в текстах членов коммунистической партии. Кроме того, он разработал свой подход к инквизиционной практике большевистской партии – партийным чисткам, исследуя способы, с помощью которых контрольные комиссии допрашивали потенциальных оппозиционеров. Благодаря такому подходу, мы можем изучать, как в официальном советском дискурсе от каждого конкретного оппозиционера требовалось отказаться от своих взглядов в конкретной форме сожаления или покаяния. Кроме того, эта форма эмоций предписывалась постоянной, поскольку последующие чистки партий каждый раз при их организации требовали новых сожалений. Это стало возможным в 1930-е годы, когда идеологическое и структурное единство партии было утверждено и реализовано при сталинской диктатуре.

Историю большевистской оппозиции можно проследить с конца 1910-х – начала 1920-х годов. В годы Гражданской войны и постоянных крестьянских восстаний по всей стране РКП(б) оказалась единственной политической силой, имевшей достаточно сил для того, чтобы претендовать на контроль над государством. В этих условиях особенно важно было не допустить распада партийной структуры на фракции и группы.

Как отмечает Игал Халфин, первые съезды большевистской партии в 1920-х годах должны были быть открыты для каждого голоса любого члена партии. В результате, дискуссии и споры не мешали публично декларируемому товариществу, но практически каждое решение застревало в бесконечной бюрократической рутине. По мере того как оппозиция начала организовываться, Сталин и его последователи склонны были связывать оппозицию с контрреволюцией. Таким образом, лидеры оппозиции, Троцкий и Зиновьев, в конце концов, стали главными врагами жесткой партийной линии в глазах остальных [18, с. 178]. Необходимо проследить этот процесс генерации политической оппозиции с первых попыток дискуссий до полного провала оппозиции.

Вадим Роговин отмечает, что внутривнутрипартийная демократия была важна даже в годы отчаянной войны за монополию власти. Большинство лидеров большевиков, в том числе Ленин и Троцкий, считали, что право на выражение собственного мнения имеет решающее значение для каждого члена партии до тех пор, пока оно не выходит за рамки коммунистической идеологии. Свобода слова во время партийных дискуссий обеспечила бы путь для выработки общей стратегии. Партия должна была думать свободно, но действовать уверенно и прямолинейно. Так, в первые годы советской власти были организованы коллективные органы ЦК – Политбюро и Оргбюро, а также специальный орган, отвечающий за моральное и идеологическое единство партии – Центральная Контрольная Комиссия с ее отделениями в регионах [9, с. 11].

Однако новые события существенно изменили атмосферу внутри партии. Обсуждение вопросов, связанных с профсоюзами и партийным строительством, привело к принятию резолюции, считающейся обновленной партийной демократией. Предполагалось распространить активное участие среди всех членов партии, предоставив им избирательное право на все

партийные должности. [9, с. 14] Эта инициатива не была реализована, так как была подписана еще одна резолюция, сильно противоречащая развитию партийной демократии.

На X съезде РКП(б), организованном в марте 1921 года, было подписано специальное постановление о прекращении фракционного распада партии. Постановление «О партийном единстве», подготовленное в основном Лениным, требовало сплочения партии. В ней признавались нынешние и недавние политические угрозы большевистской власти, такие как Белое движение, Кронштадтское восстание и русская эмиграция [11, л. 1]. В этом контексте любая политическая фракция внутри партии определенно могла бы поставить под угрозу весь партийный аппарат и его монополию на государственную власть.

Хотя в постановлении и признавалась необходимость внутрипартийной критики, но с этого момента она никогда не должна быть поводом для формирования фракции или отдельной группы. Поскольку эти внутренние фракции были запрещены, самым строгим наказанием за участие или организацию такой деятельности было изгнание из партии. Последний – 7-й – пункт резолюции предполагал, что партийный съезд дает право ЦК исключать из партии фракционистов. По причине возможного недовольства внутри партии 7-й пункт не был опубликован.

Относительно партийных обсуждений того времени также необходимо отметить, что враждебное отношение к несогласным членам партии уже начало зарождаться. Хотя коммунистическая партия должна была состоять из членов с общими идеями, в сознании большевистских лидеров все чаще стали появляться опасения по поводу скрытой антипартийной принадлежности. Одним из средств унижения оппозиции в то время был смех на партийных собраниях. Он мог неявно воздействовать на оппозиционеров, поскольку им было публично стыдно, и при этом формировал специфическое отношение к оппозиции в массах членов партии низшего ранга [17, с. 253].

Следующий этап антиопозиционного дискурса состоялся в декабре 1925 года, когда был собран XIV-й съезд РКП(б). В ходе обсуждения текущей политики большинство съезда подверглось резкой критике со стороны Зиновьева в связи с новой экономической политикой и компромиссным отношением к богатому крестьянству (кулакам). Тогда ленинградская организация во главе с Зиновьевым была вынуждена отказаться от своего оппозиционного сопротивления большинству в ЦК. В специальном «Обращении к Ленинградской организации» делегаты призывали соблюдать партийные правила и прекратить провоцировать ненужную напряженность [1, с. 710].

В тексте данного обращения Ленинградская организация обвиняется съездом в недоверии к партии и намеренном голосовании против партийного большинства. Организация также обвиняется в том, что она чрезмерно настаивает на проблеме кулаков, а партия уже имеет эту проблему в виду. Региональный печатный орган Ленинградской организации – «Ленинградская правда» – подвергался резкой критике за свою кампанию против съезда, поскольку та считалась «нарушением партийного единства». В обращении замечания, предложенные оппозицией, были названы «ультиматумом» и, таким образом, эти замечания не могли быть приняты [Там же].

Заключительный официальный этап противостояния оппозиции и большинства состоялся на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года. Еще до этого, в ноябре 1927 года, решением ЦК Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Остальные лидеры оппозиции во время мероприятия подверглись резкой критике со стороны большинства на съезде. [10, с. 17] Результат этих нападений был выражен в резолюции «Об оппозиции», в которой было принято решение об изгнании из партии высокопоставленных оппозиционеров.

В этом документе оппозиция была обвинена в пересмотре ленинской идеологии, отходе от нее в сторону меньшевизма. Съезд обвинил их в отказе от идей социалистических основ советской экономики и в непризнании пролетарской диктатуры в СССР. Также было отмечено, что оппозиция нарушала советское законодательство, организовала незаконную типографию и распространяла запрещенную фракционную литературу. По мнению съезда, все это привело к «антисоветской демонстрации» 7 ноября 1927 года, которая была расценена как явная попытка противостояния советской власти. Прежде всего, оппозиционерам инкриминировалась незаконная связь с потенциально враждебными организациями за рубежом. Последним обвинением стало предположительное намерение оппозиционеров создать свою партию отдельно от большевистской. Съезд счел все это достаточным для того, чтобы исключить из партии 98 членов [2, с. 1317].

Кроме того, что важно для будущего оппозиции, съезд решил принимать обращения от исключенных оппозиционеров, но предложил Центральному Комитету предоставлять шестимесячный испытательный срок для каждого обращения. Также было предложено, чтобы в этих обращениях оппозиционеры отказывались от своих политических платформ в соответствии с решениями XV-го съезда [2, с. 1319].

В качестве предварительного вывода мы можем вкратце сформулировать так: политическая борьба в партии большевиков закончилась официальным запрещением оппозиционных взглядов. Постепенный процесс накопления власти в руках нескольких лидеров большевиков привел к контролю над съездом партии, который решал все важнейшие вопросы на пути к социализму. В конце концов оппозиция была отстранена от этого процесса принятия решений, так как она была объявлена «оружием мелкобуржуазной демократии» [2, с. 1317]. Более того, с этого момента единственным способом признания оппозиционеров партией в качестве ее законных членов стало искреннее раскаяние. Таким образом, мы можем утверждать, что единственным законным средством повторно быть принятым в партию стало строгое эмоциональное подчинение.

По мере того как шли годы еще существовавшей внутривнутрипартийной демократии, практика обращения к партии уже была включена в ее деятельность. [8, с. 191] Обычно бывшие оппозиционеры жалели о своем доверии к лидерам оппозиции и отвергали недавние оппозиционные действия, затем присоединялись и утверждали все решения, принятые большинством ЦК, а также антиоппозиционные пункты опубликованных материалов съезда.

Апелляции, написанные оппозиционерами, были недоступны для исследователей при советской власти. Они являются основными источниками, использованными в данном исследовании. Совсем недавно исследователи получили доступ к этим документам, включив их в новые работы о советском периоде. Как правило, большинство из них являются копиями оригиналов писем, направленных в партийные организации. Всего для данного исследования было изучено 79 апелляций, поданных в бюро партийных коллективов предприятий Ленинграда, в губком (с 1927 – обком) ВКПб Ленинграда и ЦК ВКПб. Среди других возможных источников можно указать советскую периодику, в которой были опубликованы заявления многих оппозиционеров.

Можно считать, что тип апелляций, которые появляются в документах чаще всего, в большинстве случаев близок к канону обращений. Даже если официально это и не требовалось, апелляции имели специфическую структуру, как и любой советский документ. Обычно они направлялись в региональные партийные организации или в ЦК. В начале апелляции автор указал свое имя и номер партийного билета. Затем следует вводная часть, в которой человек обосновывает, по каким причинам и при каких обстоятельствах он вступил в оппозицию. Как правило, в этой части содержатся осудительные утверждения об оппозиции и обобщаются оппозиционные взгляды на внутреннюю политику, международные дела и идеологию [15, л. 1]. После этого заявитель отвергает свои взгляды и выражает глубокое сожаление по поводу неудовлетворительного поведения в партии. Иногда он также может сослаться на других оппозиционеров, призывая их признаться в своей вине перед партией [16, л. 1]. Кроме этого, он может заявить, что разработал все недавние партийные решения и полностью соответствует партийной дисциплине. Большинство рассмотренных нами обращений имели очень простую структуру, не превышали несколько предложений и обычно повторяли одни и те же выражения сожаления и раскаяния. Для этого исследования мы выбрали те апелляции, которые были написаны более подробно, значительно расширяя послание автора [14, л. 1].

В рамках анализа такого рода источников есть еще один полезный термин, предоставленный Игалом Халфином, связан с практическим аспектом коммунистического дискурса. «Коммунистическая герменевтика души» – это особый набор ритуалов и определений, которые были предписаны членам коммунистической партии для того, чтобы оставаться достойными представителями «братства избранных». Эти средства отбора были заложены в ряд большевистских практик, таких как партийные чистки, товарищеские суды, кампании самокритики и так далее. Апелляции, написанные оппозиционерами, содержали эти фразеологические структуры, что подразумевало осознание авторами апелляций большевистского языка, который они должны были использовать [19, с. 7].

Одним из наиболее наглядных примеров такого текста может служить обращение в Президиум партсобраний коллектива в Смольном, написанное рядовым членом партии В. Пантелеевым. В самом начале Пантелеев отметил, что недавняя речь Зиновьева заставила

его написать это обращение. Он остался недоволен этой речью и решил выйти из оппозиции. Похоже, что Пантелеев упоминает речь Зиновьева, произнесенную на пленуме ЦК и ЦК КП в октябре 1927 года. Во время этой речи Зиновьев утверждал, что сталинское партийное руководство совершило десятки ошибок и увело партию в сторону от ленинского курса [7, с. 3].

Затем Пантелеев вполне конкретно указал на свои сомнения и скрытую тревогу, которую он испытывал несколько месяцев назад в отношении своих политических взглядов: «Я посчитал свои прежние взгляды ошибочными и спросил товарища Болеславского (рядовой член того же коллектива. – *Авт.*), стоит ли мне об этом говорить или нет. Так как товарищ Болеславский сказал мне: “Делай то, что считаешь более правильным”, то я решил не делать письменное заявление, а как-то в ходе работы коллектива сделать устное заявление» [12, л. 36]. В конце концов, Пантелеев решил, что с оппозицией все кончено и не сделал вообще никаких заявлений [Там же].

Пантелеев признал, что доверял взглядам оппозиции на возможное примирение с остальной партией. Он открыто выразил свое разочарование оппозицией, как будто выступление Зиновьева было несправедливым нападением на партийное большинство: «Я был убежден, что заявление оппозиции о мире с партией искреннее. Поэтому, когда я узнал о последнем выступлении товарища Зиновьева, оно произвело на меня самое болезненное впечатление» [Там же].

Сразу после этого Пантелеев отверг все свои разногласия с партией и воссоединился с ее политическими и экономическими решениями. Таким образом, зная о своих ошибках, Пантелеев попросил публично объявить о своем обращении и пообещал придерживаться партийной линии с этого момента: «Я прошу вас зачитать это заявление на общем собрании коллектива и не относить меня к оппозиции, от которой я категорически отмежевываюсь. Надеюсь, что в дальнейшей работе мне удастся исправить тот вред, который я вместе с другими причинил партии своими прежними ошибками» [Там же].

Хотя это повествование можно считать типичным, но в период между XIV-м и XV-м съездами ВКП(б) был ряд частично или совершенно противоположных обращений. Некоторые оппозиционеры или люди, симпатизирующие оппозиции, писали крайне эмоциональные тексты против большинства партии и осуждали ее непрекращающееся запугивание оппозиционеров. Довольно длинное (что не было принято) обращение, написанное 14 октября 1927 года, за два месяца до XV-го съезда, обнажило яростную критику оппозиции со стороны большинства. Написанное А. И. Попковым, предположительно «рядовым членом партии» (так он себя называет), оно было отправлено не куда-нибудь, а прямо в ЦК. Такую важность своего послания автор письма объяснял в самом начале, поскольку происходящие события не могли оставить его в покое: «Я считаю себя в праве настаивать на более скорейшем получении от Вас ответа по существу моей просьбы. Вместе с тем, я должен заявить, что в результате проработки различных материалов и критического анализа спорных вопросов из области внутривнутрипартийных разногласий, я пришел к выводу, что в жизни партии наблюдается ряд крайне ненормальных и болезненных явлений...» [12, л. 53]. Попков утверждал, что его мотивы абсолютно чисты и касаются блага партии, так как эти явления «в интересах нормального развития живой самодетельности партийных масс, проведения в жизнь внутривнутрипартийной демократии и достижения монолитного единства в нашей партии, должны быть совершенно устранены в кратчайший срок» [Там же].

Как мы можем заметить, его вежливая манера обращения едва ли скрывала его нетерпение, так как в течение последних четырех месяцев он не мог получить ответ от ЦК. Можно сказать, что Попков был не только разочарован, но и искренне пытался скрыть это. Думается, что он намеренно подчеркивал это невнимание или даже пренебрежение к себе со стороны партии, так как пытался сохранять спокойствие против яростного анти-оппозиционного запугивания. Чтобы доказать это, продемонстрируем его точечную критику политики большинства и отношения к оппозиции. В рамках этого анализа мы определенно видим его абсолютное недоумение по поводу текущих политических дискуссий и даже гнев, интенсивно выраженный в тексте.

Например, по поводу обвинений лидеров оппозиции в различных антисоветских преступлениях он задал риторический вопрос с ярко выраженным чувством недоумения: «Неужели действительно можно предъявить такие позорные обвинения виднейшим представителям нашей партии, лишь на основании того, что они расходятся с большинством или же имеют теоретические ошибки в оценке некоторых вопросов» [12, л. 55]. И опять же Попков

недоумевают, можно ли доверять этим обвинениям: «Неужели можно поверить, что старейшие члены партии, боровшиеся с классовыми врагами десятки лет, под руководством ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА в рядах большевистской партии, теперь мгновенно скатились в грязное болото оппортунизма, меньшевизма и ликвидаторства, в ряды предателей и изменников рабочего класса» [Там же].

Разумеется, спорно утверждать, раскрывает ли он подлинное беспокойство по поводу политической борьбы внутри партии или нет. Однако, говоря о концепции «коммунистической герменевтики», можно утверждать, что, поскольку Попков упомянул об этом в обращении, он считал это важным настолько, чтобы дать знать о своих чувствах членам партии. Его текст идет дальше критики нынешних мер, направленных против лидеров оппозиции: «Куда это годится, товарищи, когда члена партии за критическую мысль или разногласие по тому или иному вопросу снимают с работы, отправляют в провинцию, в Сибирь, за границу и т. п.» [12, л. 56] Попков выразил беспокойство по поводу других членов партии, которых, к несчастью, уволили или преследовали: «Можно ли допустить чтобы ответственные члены партии разбрасывались во все стороны, за инакомыслие. Ведь если и дальше продолжать такую политику отсечения и репрессий, то можно откровенно сказать, что это приведет лишь к тому, что наша партия останется без испытанных руководителей и разбросает живой Ленинский капитал. <...> Зачем преследовать, как врагов инакомыслящих товарищей, которые являются такими же борцами за революционное дело, как и другие представители большинства» [Там же]. Самое большое беспокойство, однако, у Попкова вызывали оскорбления оппозиции, так как они не имели ничего конкретного с теми пунктами, которые оппозиция пыталась отстаивать: «Теперь относятся к инакомыслящим с таким презрением, что как будто бы они являются классовыми врагами партии. Стоит сказать, что ты не согласен, хотя бы по какому-нибудь одному вопросу с большинством, как тебе наклеят ярлык оппозиционера и начнут обливать грязью» [Там же].

Он также поддержал оппозиционеров, которые все еще сопротивлялись мерам, направленным против них. Сказав об этом, Попков предугадал будущие аресты и репрессии оппозиции, так как они будут очевидными последствиями регулярных нападений на оппозиционеров: «Но, что же Вы думаете, что оппозиционер, будучи исключенным из партии сложит руки по карманам. Пустяки. Он с такой же страстью и энергией будет продолжать идейную борьбу за свои взгляды, как это делал и в рядах партии. Что же тогда Вы будете делать» [12, л. 60].

Попков явно возмутился, когда перешел к обсуждению запрета любых легальных публикаций для оппозиции. С его точки зрения, реальная дискуссия в партии будет возможна только тогда, когда все стороны будут иметь в виду точку зрения оппонента. В случае с большевистской партией это было не так. Поскольку оппозиция не могла официально опубликовать свою литературу, она использовала нелегальные печатные средства или пишущие машинки. Это, в свою очередь, вызвало проблемы со службами госбезопасности, в том числе с ОГПУ [13, л. 79]. Поэтому Попков довольно остро утверждал, что у оппозиции, кроме нелегальных изданий, нет другого выхода: «Конечно, ничего бы не было плохого, если бы и пришлось открыть дискуссию о внутрипартийных разногласиях, но ведь дело то не в этом, а в том, что большинство боится правды, боится опубликовать то, что докажет его неправоту» [12, л. 60]. Попков определил, что причиной преследований стал страх перед тем, что большинство будет разоблачено. Он заявил, что боязнь открытой дискуссии заставила партию запретить оппозицию: «Почему ж большинство может высказывать свои точку зрения, а меньшинство нет. Почему большинство критикует в печати документы меньшинства, неизвестные для партийной массы. Как может судить партмасса о правильности или неправильности неизвестных ей документов. Почему действительные взгляды меньшинства скрываются от партии» [Там же].

В конце концов, Попков потребовал прекратить любые преследования оппозиции и позволить ей свободно выражать свои взгляды. Таким образом, как мы видим, представленные примеры были достаточно разными. Первый, написанный Пантелеевым, можно считать типичным обращением оппозиционера, готового вернуться на партийный путь. Общая идея такого текста заключается в том, чтобы успешно представить подлинное сожаление об оппозиционной деятельности. Автор такого обращения мог бы надеяться на то, что заслужит второй шанс для возвращения в партию. Второй – это нетипичный текст с высоким уровнем партийной критики, который будет все реже появляться в будущих обращениях 1930-х годов. Здесь автор мог сосредоточиться на том, чем именно он недоволен в партийной жизни. Такие

обращения часто были посланиями партийным коллективам, где они обсуждались. Их авторы пытались инициировать дискуссию, по крайней мере, на уровне партийного коллектива.

В одном из обращений, поданных в этот период, В. А. Томсон, работник государственной фабрики им. Володарского, отметил свой опыт участия в оппозиционной дискуссии. По его словам, он пытался попасть на чтения стенографических отчетов пленума ЦК, организованного в его коллективе. После того как его присутствие было отклонено, он начал искать оппозиционеров, с которыми можно было бы поговорить: «Я стал искать случая встретиться оппозиционеров, чтобы с ними поговорить. Вскоре после этого я встретил Коршунова (б. члена Райкома Центрального городского р-на) который информировал меня по спорным вопросам в ЦК» [12, л. 49]. Человек, с которым Томсон встретился, дал ему три экземпляра Заявления 83-х, политической платформы Объединенной оппозиции. Томсон, в свою очередь, передал два из них другим заинтересованным лицам. Таким образом, они выстроили цепочку между людьми, которые читали и подписывали платформу, передавая ее следующим. Зачастую копии не возвращались, что могло означать, что они передавались многим людям, которые теряли след этих копий. Как продолжал Томсон, иногда совершенно случайные люди приходили к нему с просьбой сделать копию: «Второе [заявление] я отдал здесь же на фабрике, но кому именно не помню, т. к. ко мне обратились очень многие и просили дать что-нибудь почитать <...> Много раз ко мне приходили совершенно незнакомые лица, поэтому мне нечего было им дать» [Там же]. Среди его контактов были люди, которые знали Троцкого, и даже делились его адресом в Ленинграде во время сессии ЦИКа: «Она [Раскина] говорила, что можно желающим пойти встречать Троцкого, я, думав, решил пригласить с собой т. Кулбанова и члена бюро коллектива т. Аграновского, с кем и пошли, другие были мне незнакомые и до сих пор я не знаю кто они были» [Там же]. Говоря о реальной работе, в которую он мог бы быть вовлечен, Томсон не заявил ничего с полной уверенностью и просто намекнул на то, что он мог бы делать: «Работы я никакой не вел, вернее не имел таких возможностей ввиду перегруженности своими прямыми обязанностями. Если бы имел побольше времени, то не ручаюсь, что могло бы быть, что вел бы кое-какую работу» [Там же].

Таким образом, в этой статье нами рассмотрено, как в 1920-х годах во время политической борьбы оформилась оппозиция, которая вскоре была официально запрещена. Стенограммы съездов партии наглядно демонстрируют интенсивность борьбы, где оппозиция получала все более жесткие обвинения. Первоначально, как мера контроля над внутривнутрипартийными группами, запрет фракций постепенно становился основной предпосылкой для изгнания несогласных членов партии.

Обсуждалось также, как развивались различные типы апелляций оппозиционеров. Те, кто надеялся на повторное принятие, пытались искренне выразить свое разочарование в оппозиции. Остальные могли проявить гнев по отношению к большинству членов партии из-за несправедливого изгнания или умышленных оскорблений оппозиции.

Наконец, можно также утверждать, что люди, входящие в оппозиционные группы, могли иметь общие эмоциональные связи, так как они поддерживали неформальные отношения с другими членами этих групп. Данная практика может свидетельствовать о существовании особого «эмоционального сообщества» среди ленинградских оппозиционеров, обособляющего себя от большинства партии.

Список литературы

1. 14-й Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. : ГИЗ, 1926.
2. 15-й Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. : ГИЗ, 1928.
3. *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956. СПб. : Академический проект, 2009.
4. Ленинградская правда. 1927. № 201.
5. Ленинградская правда. 1927. № 272.
6. *Плампер Я.* История эмоций. М. : НЛО, 2018.
7. Правда. 1927. № 251.
8. *Резник А. В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924. СПб. : Издательство Европейского университета, 2018.
9. *Роговин В. З.* Была ли альтернатива? (Троцкизм взгляд через годы). М. : Терра, 1992.
10. *Роговин В. З.* Власть и оппозиции. М. : Iskra-Research, 1993.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 23.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 4978, 36.

13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 16. Ед. хр. 59, 74.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-16. Оп. 1-1. Ед. хр. 637.
15. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-1862. Оп. 1. Ед. хр. 33.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-1862. Оп. 1. Ед. хр. 56.
17. Halfin, Igal. "The Bolsheviks Gallow's Laughter." *Journal of Political Ideologies* 11. 2006. Pp. 247-268.
18. Halfin, Igal. *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918-1928*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
19. Halfin, Igal. *Terror in My Soul*. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
20. Reddy, William. "Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture: Comment." *Slavic Review* 68. 2009. Pp. 329-334.
21. Reddy, William. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
22. Rosenwein, Barbara H. "Problems and Methods in the History of Emotions." *Passions In Context* 1. 2010. Pp. 1-32.

Internal party struggle in Leningrad in 1926-1928: emotional characteristics of opposition appeals

K. V. Kuznetsov

postgraduate student, Perm State Institute of Culture, Russia, Perm. E-mail: mr.tweektweak@gmail.com

Abstract. The article examines the practice of appeals of oppositionists who were expelled from the party in 1926-1928. The analysis of both well-known and recently declassified sources and their interpretation in the context of internal party struggle is given. In addition, the article discusses changes in the assessment of the opposition at party congresses by the party majority. The purpose of this study is to analyze the appeals of the opposition in the context of emotional pressure from the party. As shown in the work, after several years of political struggle in the Communist Party, the opposition becomes an officially unacceptable group and is excluded from the party. In parallel to this process, a procedure for appealing for reinstatement to the party is being formed for excluded members, including opposition members. The oppositionists, who are forced to appeal to the party on the issue of restoration, fill the appeals with emotional content. These emotions may indicate another, poorly understood dimension of political struggle, namely the existence of "emotional regimes" and "communities". The oppositionists could submit to the emotional demands of the party organs and openly express regret for their previous actions. Some chose the path of continuing the political struggle and tried to initiate a discussion in their appeals, sometimes resorting to clearly expressed emotional arguments. The ties that have strengthened between the Leningrad oppositionists during the internal party struggle can speak of the emotional community of this group. The article may be of interest both for specialists in the field of political history of the USSR, and for all those interested in the history of Russia of the XX century.

Keywords: left opposition, RCP(b) – CPSU(b), appeals, emotional regime, history of emotions.

References

1. 14 th Congress of the CPSU(b). Transcript. M. GIZ. 1926.
2. 15 th Congress of the CPSU(b). Transcript. M. GIZ. 1928.
3. Brandenberger D. *Nacional-bol'shevizm: Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samoznaniya, 1931-1956* [National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity, 1931-1956]. SPb. Academicheskii project. 2009.
4. *Leningradskaya pravda* – Leningrad truth. 1927. No. 201.
5. *Leningradskaya Pravda* – Leningrad truth. 1927. No. 272.
6. Plumper Ya. *Istoriya emocij* [History of emotions]. M. UFO. 2018.
7. *Pravda* – Truth. 1927. No. 251.
8. Reznik A. V. *Trockij i tovarishchi: levaya oppozitsiya i politicheskaya kul'tura RKP(b), 1923-1924* [Trotsky and the Comrades: the left opposition and the political culture of the RCP (b), 1923-1924]. SPb. European University Press. 2018.
9. Rogovin V. Z. *Byla li al'ternativa? (Trockizm vzglyad cherez gody)* [Was there an alternative? (Trotskyism look through the years)]. M. Terra. 1992.
10. Rogovin V. Z. *Vlast' i oppozitsii* [Government and the opposition]. M. Iskra-Research. 1993.

11. Russian state archive of socio-political history. F. 45. Inv. 1. St. unit 23.
12. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 7. Inv. 4. St. unit 4978, 36.
13. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 24. Inv. 16. St. unit 59, 74.
14. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. P-16. Inv. 1-1. St. unit 637.
15. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. P-1862. Inv. 1. St. unit 33.
16. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. P-1862. Inv. 1. St. unit 56.
17. Halfin, Igal. "The Bolsheviks Gallow's Laughter". *Journal of Political Ideologies* 11. 2006. Pp. 247–268.
18. Halfin, Igal. *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
19. Halfin, Igal. *Terror in My Soul*. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
20. Reddy, William. "Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture: Comment". *Slavic Review* 68. 2009. Pp. 329–334.
21. Reddy, William. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
22. Rosenwein, Barbara H. "Problems and Methods in the History of Emotions". *Passions In Context* 1. 2010. Pp. 1–32.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 327.8

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.008

«Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в арабских странах

Э. А. Салимова

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва. E-mail: el.noora@mail.ru

Аннотация. В связи с ростом интереса и внимания со стороны Российской Федерации к ближневосточному региону, а также учитывая события последних лет, автор обращает внимание на использование «мягких» инструментов во внешнеполитическом курсе России. Актуальность выбранной темы подтверждает тенденция к применению инструментов «мягкой силы» в международных отношениях. Целью исследования является выяснение эффективности применения методов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации, а способы их применения в отношении арабских государств Ближнего Востока выступают предметом исследования. В процессе подготовки статьи были изучены формы реализации «мягкой» политики, а также сочетание «мягкой» и «жесткой» силы в современных условиях. Исследование проведено с опорой на материалы американского политолога Джозефа Нае, который ввел понятия «жесткой» и «мягкой» силы в 90-х годах XX в. Помимо российских, в этой работе автор также обращается к иностранным источникам, с целью демонстрации западного видения реализации инструментов «мягкой силы» России на Ближнем Востоке. Автор пришел к выводу, что применяемые инструменты «мягкой силы» способствуют налаживанию двустороннего сотрудничества с Арабским миром.

Ключевые слова: мягкая сила, внешняя политика Российской Федерации, арабские страны, международные отношения, международный имидж.

С развалом биполярной системы международных отношений существенно изменились многие устоявшиеся международные процессы. Свойственная концу XX – началу XXI века глобализация, переход от национальных экономик к мировой, создание ряда интеграционных объединений, постепенный переход к цифровизации жизни, развитие науки и ряд других факторов оказали влияние на методы ведения мировой политики. Значительно возрастает роль гибких инструментов воздействия на систему международных отношений.

Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в течение двух последних десятилетий существенно интенсифицировалось, и эти усилия приносят свои плоды, в том числе и на ближневосточном направлении. Актуальность выбранной темы обусловлена ростом значимости инструментов «мягкой силы» во внешней политике России в арабских странах. Цель работы заключается в том, чтобы определить масштабы использования «мягкой силы» в российской политике на арабском Ближнем Востоке, а задача – раскрыть способы и формы реализации данной политики в этом регионе.

Понятие «мягкой силы» было введено в оборот американским политологом Джозефом Наем. Этот концепт был обоснован и детализирован в его работе «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике» [10]. Разграничение Джозефом Наем внешнеполитических инструментов на «жесткие» и «мягкие» становится общепринятым отчасти из-за того, что сам автор активно выступал за максимально интенсивное использование «мягкой силы» в американской внешней политике. Данное понятие он трактует как способность государства добиться желаемого путем добровольного участия, вкладывая в него три составляющие:

политическую дипломатию, идеологию и культуру. Оппозиционной здесь выступает «жесткая сила», которую Най не отвергает, а подчеркивает, что в сочетании с «мягкой силой» оба инструмента способствуют достижению цели. Под «жесткой силой» он подразумевает военные и экономические средства принуждения, благодаря применению которых государство добивается собственных целей.

По ряду причин государства нередко в своем внешнеполитическом курсе отходят от жестких методов. Чаще всего это происходит из-за потенциальной угрозы применения реальным или предполагаемым противником ядерного оружия или иных средств массового поражения, а также из-за гигантских затрат на производство современных видов оружия (или, в случае их закупки, высоких рыночных цен на наиболее современные его образцы). Кроме того, на дискредитацию силовых методов в международных отношениях нацелена антивоенная идеология и деятельность сложившихся в мире после создания ООН многосторонних международных институтов, ставящих своей целью борьбу за мир, укрепление международной безопасности и поддержку миротворческих движений и гуманитарных программ.

Ряд государств реализует свою внешнюю политику путем применения инструментов «жесткой силы» лишь в случае исчерпания «мягких» методов. И Российская Федерация не является исключением. В частности, в пункте 9 Концепции внешней политики России говорится: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [1]. Развитие публичной дипломатии, трансляция и распространение российской культуры, русского языка, деятельность уполномоченных органов, сотрудничество с рядом стран в сфере образования, науки, туризма и в целом работа над образом России – вся эта деятельность ведется весьма активно. В связи с событиями последних лет на Арабском Востоке применение Россией инструментов «мягкой силы» в этом регионе представляется совершенно обоснованным.

В упомянутой ранее Концепции определен ряд приоритетных направлений внешнеполитического курса Российской Федерации. Ближний Восток и Северная Африка занимают далеко не последние позиции в этом списке. Перед Россией стоят важные задачи – укрепить свои позиции в регионе и установить полицентрический порядок.

Во время сирийской компании 2015 г. в действиях России присутствовали элементы «жесткой силы», они также были присущи борьбе с терроризмом, которая ведется в арабских государствах. В то же время необходимо подчеркнуть, что наша страна зарекомендовала себя в регионе важным партнером по нефтегазовой отрасли. Закрепление имиджа России на арабском пространстве связано с образом «спасителя Сирии и борца с угрозой распространения терроризма», посредничеством в решении ливийского вопроса, а также с ее ролью одного из ключевых игроков на мировом рынке нефти и газа. Конечно, сказать, что политика России в регионе вытеснила США, присутствие которых в арабских странах остается очень значительным, нельзя. Однако принципиально важно учитывать, что имеющиеся влияние и авторитет в регионе были созданы и преумножаются не только за счет демонстрации военной и энергетической мощи.

Средства массовой информации являются одним из основополагающих элементов «мягкой силы», и запуск в 2007 г. первого российского канала с круглосуточным вещанием на арабском языке, – Russia Today Arabic, – оказал положительное влияние на имидж нашей страны в регионе. По охватам просмотров Russia Today Arabic опережает локальные новостные каналы арабских стран. В век информационных войн СМИ являются мощным рычагом воздействия на общество, позволяют решать многие внешнеполитические задачи, создавать единые представления в коллективном сознании. После событий Арабской весны образ Российского государства был дискредитирован рядом местных телеканалов, принадлежащих представителям восточной элиты. При помощи инструментов «мягкой силы», а также предпринятых дипломатических шагов, его все-таки удалось в значительной степени восстановить.

На сегодняшний момент основным органом, работающим на популяризацию российской культуры, является «Россотрудничество». Следуя принципам народной дипломатии, он ориентирован на применение инструментов «мягкой силы» с целью «обеспечения благоприятного окружения, создание модернизационных альянсов, усиление евразийской интеграции» [7] и, имея представительства по всему миру, представлен также в арабских странах.

В первую очередь, следует отметить сотрудничество в сфере образования и науки, чему активно кроме «Россотрудничеств» способствуют также МИД и Минобрнауки России. Например, Российские центры науки и культуры действуют в Аммане, Бейруте, Вифлееме, Дамаске, Рабате, Тунисе и сразу в двух египетских городах – Александрии и Каире. Интерес к российской культуре на Востоке значительно возрос. В одном только Ливане за последние годы увеличилось количество филиалов российских культурных центров – сейчас их девять.

Согласно последним статистическим данным [8], русский язык является весьма популярным среди арабского населения. На Ближнем Востоке и в Северной Африке на нем говорят свыше 1,3 миллиона человек. В ряде арабских государств поддерживается деятельность русских школ, а культурные центры предоставляют возможность пройти языковые курсы. В рамках продвижения русского языка представительство «Россотрудничества» ежегодно проводит олимпиаду по русскому языку среди студентов египетских университетов, а также среди слушателей курсов при центрах науки и культуры, по итогам которых можно выиграть туристическую поездку в Россию. В нашей стране также проводятся конкурсы на знание арабского языка. Одним из наиболее известных является запущенный в 2018 г. конкурс Doha Prize, предоставляющий победителям возможность пройти стажировку в Государстве Катар. Происходит интеграция арабской и русской культур, а это способствует подготовке и повышению квалификации кадров, поддержке международных отношений, выстраиванию политики культурной дипломатии. На сегодняшний день в России на разных специальностях обучается свыше 50 тысяч студентов из арабских стран. Аналогичные процессы наблюдаются и в области науки.

Арабская культура, равно как и русская, имеет богатейшее культурное наследие. Произведения великих арабских авторов, таких как Тауфик аль-Хаким, Низар Каббани, Таха Хусейн и ряда других уже были переведены на русский язык, и сейчас ведется работа по ознакомлению русского читателя с произведениями этих арабских поэтов и прозаиков. В конце 2019 г. в Москве состоялась встреча представителей Института востоковедения РАН и Книжной премии имени шейха Заида. Основной темой обсуждения стало литературное наследие России и государств Арабского Востока, а также возможности использования литературы в качестве основы для выстраивания российско-арабского культурного диалога. Целью организации конкурса на присуждение Книжной премии Объединенных Арабских Эмиратов было названо «создание единого информационного поля и развитие культурной дипломатии между Россией и арабскими странами» [6].

Русскую литературу любят во всем мире, и на Арабском Востоке Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой пользуются особым почтением. Яркие произведения российских авторов XXI века переводятся на арабский язык, а на 2020 год было запланировано проведение Международной книжной ярмарки в Абу-Даби (ОАЭ). Ввиду пандемии коронавирусной инфекции, она была перенесена на 2021 год, однако Россия остается почетным гостем этого мероприятия с возможностью презентации произведений современных авторов.

Другим важным инструментом реализации политики «мягкой силы» выступает проведение международных выставок. При поддержке Российско-Арабского Делового Совета и лично по инициативе политика, экономиста и востоковеда Евгения Максимовича Примакова, регулярно в Москве, начиная с 2008 г., проводится одна из крупнейших международных выставок с «арабским уклоном» – «Арабия – ЭКСПО». Объединяя бизнес-сообщества, она способствует установлению контактов между деловыми кругами ряда арабских стран и России, выстраиванию диалога между РФ и государствами региона. Учитывая идеологическую общность между Арабским исламским миром и рядом регионов России с преимущественно мусульманским населением (республики Северного Кавказа, Башкортостан, Татарстан), на выставке представлены региональные бизнес-структуры, ориентированные на производство исламской продукции. Например, компании, занимающиеся разработкой халяльной продукции или сертификацией халяль, что, безусловно, положительно сказывается на имидже нашего государства на Ближнем Востоке.

Отдельно стоит выделить деятельность Российско-Арабского Делового Совета, который регулярно организует бизнес-встречи, форумы и конференции, расширяя контакты между российскими и арабскими бизнес-компаниями и структурами. Эффективность Совета, который действует с 2003 г., была подчеркнута президентом Путиным, а это лишний раз подтверждает важность использования элементов «мягкой силы» в ведении внешней политики.

Активно развивающаяся отрасль туризма также способствует повышению интереса к нашей стране. Популярными ближневосточными направлениями – ОАЭ, Египет, Тунис, Марокко – ежегодно принимают тысячи российских граждан. В рамках реализации внешнеполитических «мягких» инструментов стоит отметить религиозный туризм, который характерен для российско-арабских отношений. Ислам и правила шариата не просто формируют образ жизни арабов, они являются источником права в ряде арабских государств. В саудовской стратегии «Видение – 2030» [6] отмечается, что Королевство Саудовская Аравия – это «сердце арабского и исламского мира», а сам Король государства носит титул «Хранителя двух святынь». Как показывает практика, идеология на Ближнем Востоке первостепенна, так как она может как сплотить государства, так их и разъединить. Распространенность ислама в России, а также связи, установленные между нашими республиками и рядом арабских государств, обуславливают повышенный интерес к религиозному туризму с обеих сторон и способствуют взаимовыгодному сотрудничеству. По последним данным, в 2019 г. больше 20 тысяч паломников из России посетили Мекку в соответствии с квотой, выделенной для России министерством по делам хаджа Королевства Саудовская Аравия [5].

В выстраивании дипломатических отношений с арабскими странами, руководство нашей страны делает ставку на российское мусульманское сообщество. Отлично это продемонстрировал визит Владимира Путина на Ближний Восток в 2019 г., когда в составе делегации был глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, и этот факт положительно сказался на результатах встреч с главами арабских государств. Сам Кадыров регулярно посещает арабские страны, чем способствует укреплению публичной дипломатии между странами.

Использование «мягких» инструментов практически невозможно без их сочетания с «жесткими». Показательно, что в чеченском Гудермесе находится Российский университет спецназа, в котором прошли подготовку спецназовцы из Бахрейна. С одной стороны, это сотрудничество, основанное на обмене опытом в сфере образования, но с другой – передача российского опыта по борьбе с международным терроризмом.

В этой связи необходимо осознавать, как западные политологи и исследователи оценивают использование Россией внешнеполитических инструментов «мягкой силы». Сам Джозеф Най высказывается на эту тему в статье «Что Китай и Россия не поняли о мягкой силе», опубликованной в 2013 г. [5]. Он пишет о том, что Россия, наряду с КНР, ошибается, думая, что главный инструмент «мягкой силы» – это правительство. Политик приводит в пример США, в которых двигателем процесса выступает гражданское общество, и советует России поступить точно так же и «быть более самокритичными», при этом подчеркивая, что Россия еще не скоро осознает успешность такого подхода.

В докладе «Российское влияние на Ближнем Востоке. Экономика, Энергетика и Мягкая сила», подготовленном для организации American Security Project [9], обосновывается вывод о смене методов, которые русские используют на Ближнем Востоке. Автор считает события арабской весны «катализатором сдвига в российской политике на ближневосточном направлении», говоря о том, что они способствовали распространению инструментов «мягкой силы». Отдельно в докладе отмечается падение репутации США, а также готовность России заполнить «возникающий вакуум власти». Более того, предсказывается усиление позиций Российской Федерации в регионе и предлагается подготовиться к тому, чтобы достойно встретить этот вызов. Позиция западных авторов, подкреплена рядом весомых фактов. Опыт последних лет наглядно демонстрирует, что после «сирийского кризиса» Российская Федерация предпринимает шаги в направлении выстраивания публичной дипломатии, укрепления имиджа страны как государства с глубокой историей, самобытной культурой, огромными возможностями и талантливыми людьми.

Применение инструментов «мягкой силы» Россией в арабских странах дает свои плоды и является эффективным. Но, как отмечает основоположник данного подхода Джозеф Най, без применения «жестких» инструментов во внешней политике обойтись невозможно. Во многих странах, в том числе и на Востоке, Россия часто воспринимается как держава с мощным военным потенциалом и нефтегазовыми ресурсами. Выстраивание привлекательного международного имиджа – это кропотливый процесс, результаты которого зависят не только от Российской Федерации, но и от других стран. Нас не могут одинаково воспринимать и на Западе, где вводятся антироссийские санкции, и на Востоке, где Россия ведет кампанию по борьбе с международным терроризмом. Выбирая для себя желаемые направления для выгодного сотрудничества, реализации своей политики и интересов, Российская Федерация идет по пути поиска оптимального сочетания элементов «мягкой» и «жесткой» силы.

При высокой (в целом) эффективности «мягких» методов, избранных для осуществления своей политики в арабских странах, многие субъекты международных отношений все еще не воспринимают Россию как государство, которое добивается целей преимущественно на основе симпатии и добровольного участия. В мировом сообществе к Российской Федерации по-прежнему относятся, прежде всего, как к военной и энергетической державе, которая предпочитает действовать силовыми методами и в которой «мягкую силу» не считают действенным средством решения внешнеполитических задач. Отчасти подобный международный имидж можно объяснить защитой российских национальных интересов и поддержанием статуса важного политического игрока на мировой арене. И, конечно же, это не отменяет того факта, что Россия способна распространять свое влияние и создавать положительный образ за счет богатого культурного наследия, политической идеологии и отлаженной системы ведения публичной дипломатии.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016.
2. Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–9.
3. Звягельская И. Д., Сурков Н. Ю. Инструменты российской политики // Российская политика на Ближнем Востоке: дивиденды и издержки большой игры : рабочая тетрадь РСМД. М. : НП РСМД, 2019. № 51. С. 10–18.
4. Кашина А. А. Концепт «мягкой силы» в арабских странах // Восточный альманах. М. : Восточный альманах, 2019. № 3. С. 29–43.
5. В 2019 году хадж совершат 20,5 тыс. российских мусульман // Информационное агентство ТАСС. 2019. 16 янв. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6007479> (дата обращения: 09.10.20).
6. Литература как основа российско-арабского культурного диалога // Мир женской политики. 2019. 10 дек. URL: <http://www.wpolitics.ru/literatura-kak-osnova-rossijsko-arabskogo-kulturnogo-dialoga> (дата обращения: 12.11.20).
7. Общественная дипломатия // Официальный сайт Россотрудничества. URL: <https://rs.gov.ru/ru/activities/4> (дата обращения: 11.11.20).
8. Укрепление позиций русского языка // Официальный сайт Россотрудничества. URL: <https://www.rs.gov.ru/ru/activities/9> (дата обращения: 11.11.20).
9. Cerulli R. Russian Influence in the Middle East: Economics, Energy, and Soft Power. American Security Project, 2019.
10. Nye Jr., Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y. : Public Affairs, 2004.
11. Nye Jr., Joseph S. What China and Russia Don't Get About Soft Power. N. Y. : Foreign Policy, 2013.
12. Vision – 2030. URL: https://vision2030.gov.sa/sites/default/files/report/Saudi_Vision2030_EN_2017.pdf (дата обращения: 11.11.20).

"Soft power" in the foreign policy of the Russian Federation in the Arab countries

E. A. Salimova

master's student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Russia, Moscow. E-mail: el.noora@mail.ru

Annotation. Due to the growing interest and attention on the part of the Russian Federation to the Middle East region, as well as taking into account the events of recent years, the author draws attention to the use of "soft" tools in Russia's foreign policy. The relevance of the chosen topic is confirmed by the trend towards the use of "soft power" tools in international relations. The purpose of the study is to find out the effectiveness of the use of "soft power" methods in the foreign policy of the Russian Federation, and the ways of their application in relation to the Arab states of the Middle East are the subject of the study. In the process of preparing the article, we studied the forms of implementation of "soft" policy, as well as the combination of "soft" and "hard" force in modern conditions. The study is based on the materials of the American political scientist Joseph Nye, who introduced the concepts of "hard" and "soft" power in the 90s of the twentieth century. In addition to Russian sources, the author also refers to foreign sources in order to demonstrate the Western vision of the implementation of Russia's "soft power" tools in the Middle East. The author came to the conclusion that the "soft power" tools used contribute to the establishment of bilateral cooperation with the Arab world.

Keywords: soft power, foreign policy of the Russian Federation, Arab countries, international relations, international image.

References

1. *Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016* – The concept of foreign policy of the Russian Federation of 30.11.2016.
2. *Baranovskij V. G., Naumkin V. V. Blizhnij Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya* [The Middle East in a changing global context: key trends of centennial development] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World economy and international relations. 2018. Vol. 62. No. 3. Pp. 5–9.
3. *Zvyagel'skaya I. D., Surkov N. Yu. Instrumenty rossijskoj politiki* [Tools of Russian politics] // *Rossijskaya politika na Blizhnem Vostoke: dividendy i izderzhki bol'shoj igry : rabochaya tetrad' RSMD* – Russian policy in the middle East: dividends and costs of the big game : workbook Russian Council for International Affairs. M. Russian Council for International Affairs. 2019. No. 51. Pp. 10–18.
4. *Kashina A. A. Konzept "myagkoj sily" v arabskih stranah* [Concept of "soft power" in the Arab world] // *Vostochnyj al'manah* – Eastern almanac. M. Eastern almanac. 2019. No. 3. Pp. 29–43.
5. *V 2019 godu hadzh sovershat 20,5 tys. rossijskih musul'man* – In 2019, 20.5 thousand Russian Muslims will make the Hajj // *Informacionnoe agentstvo TASS* – News agency TASS. 2019. 16 Jan. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6007479> (date accessed: 09.10.20).
6. *Literatura kak osnova rossijsko-arabskogo kul'turnogo dialoga* – Literature as the basis of the Russian-Arab cultural dialogue // *Mir zhenskoj politiki* – The world of women's politics. 2019. 10 Dec. Available at: <http://www.wpolitics.ru/literatura-kak-osnova-rossijsko-arabskogo-kulturnogo-dialoga> (date accessed: 12.11.20).
7. *Obshchestvennaya diplomatiya* – Public diplomacy // *Oficial'nyj sayt Rossotrudnichestva* – Official website of Rossotrudnichestvo. Available at: <https://rs.gov.ru/ru/activities/4> (date accessed: 11.11.20).
8. *Ukreplenie pozicij russkogo yazyka* – Strengthening the positions of the Russian language // *Oficial'nyj sayt Rossotrudnichestva* – Official website of Rossotrudnichestvo. Available at: <https://www.rs.gov.ru/ru/activities/9> (date accessed: 11.11.20).
9. *Cerulli R. Russian Influence in the Middle East: Economics, Energy, and Soft Power*. American Security Project, 2019.
10. *Nye Jr., Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y. : Public Affairs, 2004.
11. *Nye Jr., Joseph S. What China and Russia Don't Get About Soft Power*. N. Y. : Foreign Policy, 2013.
12. *Vision – 2030*. Available at: https://vision2030.gov.sa/sites/default/files/report/Saudi_Vision_2030_EN_2017.pdf (date accessed: 11.11.20).

Память о жертвах немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти в современной Польше

С. С. Ходячих

кандидат исторических наук. Россия, г. Химки.
ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: khodyachikh@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются коммеморативные практики в современной Польше на примере национального Дня памяти жертв немецких нацистских концентрационных лагерей и лагерей смерти, который ежегодно отмечается 14 июня. Коммеморация этого памятного события приурочена к годовщине первой массовой транспортировки польских политических заключенных из города Тарнув в концлагерь Аушвиц, которая состоялась 14 июня 1940 г. Цель исследования – на примере Дня памяти жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти определить основные черты исторической политики современной Польши. Автор статьи рассматривает историю установления данной памятной даты и механизм ее встраивания в «национальную ДНК» поляков, анализирует политику польских центральных и региональных властей в отношении празднования дня 14 июня, показывает акции государственных и общественных организаций страны по сохранению памяти о первой массовой транспортировке польских политических заключенных в Аушвиц. Подробно изучаются коммеморативные мероприятия Государственного музея Аушвиц-Биркенау, на территории которого 14 июня проводятся торжественные церемонии. Автор пришел к выводу, что празднование Дня памяти жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти органично вписывается в проводимую польскими властями историческую политику, направленную на формирование в обществе желательного образа прошлого. Дни, подобные 14 июня, не только способствуют единству нации, но и вызывают у поляков сильное национальное чувство, что достигается за счет обращения к трагическому прошлому.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, история Польши, концлагерь Аушвиц, Государственный музей Аушвиц-Биркенау.

В конце XX – начале XXI вв. в странах Восточной Европы, еще недавно входивших в состав восточного блока, произошли серьезные политические и социальные изменения, имевшие следствием повышение интереса к проблемам коллективной памяти и национальной идентичности. Общественный запрос дал толчок проведению исторической политики, о чем первыми в 2004 г. заявили представители польской политической элиты [4, с. 7]. Именно в Польше, первой среди стран региона, получил распространение такой амбивалентный феномен, как чрезмерная политизация истории, который, с одной стороны, подчинил национальную историю политическим целям, а, с другой стороны, вызвал серьезный научный спрос на изучение политики памяти.

В современных социальных и гуманитарных науках термин «историческая политика» не имеет точного определения. По мнению О. Ю. Малиновой, он «обозначает определенный тип политики, использующей прошлое».

Историческая политика является частным случаем политики памяти, а в более широком смысле – проявлением символической политики, то есть «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [3, с. 33]. А. И. Миллер дает предметную дефиницию: историческая политика – набор группы методов, направленных на «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей партии» [4, с. 19]. На наш взгляд, это определение наиболее точно и полно отражает процессы, происходящие в современном политическом дискурсе стран Восточной Европы, включая Польшу.

Неотъемлемым элементом исторической политики является коммеморация исторических событий, с помощью которых политическая элита пытается консолидировать общество и сплотить нацию. Важное условие коммеморации – регулярный характер празднования памятных дат, а также наличие с ними эмоциональной связи у той части общества, для которой эти события важны [5, с. 83]. Если рассмотреть коммеморацию как самостоятельный социокультурный феномен, то можно отметить, что некоторые страны Восточной Европы проводят активную коммеморативную политику, ориентированную на возбуждение в определенных сегментах социума чувства национальной памяти. Одной из таких стран является Польша.

По словам польского историка Роберта Трабы, «в сегодняшней Польше годовщины массово не отмечают», при этом общество «достаточно скромно участвует в их праздновании, возможно потому, что отмечают их, как правило, формально» [5, с. 83–84]. У поляков есть ряд памятных дат, которые объединяют всю нацию, например, день освобождения концлагеря Аушвиц – день памяти жертв Холокоста (27 января), день памяти жертв Катыни (13 апреля), национальный день памяти Варшавского восстания (1 августа). Как видно, все они связаны с Второй мировой войной, самым травматичным событием национальной истории для нескольких поколений поляков.

Одним из примеров коммеморации в современной Польше является национальный День памяти жертв немецких нацистских концентрационных лагерей и лагерей смерти (*Narodowy Dzień Pamięci Ofiar Niemieckich Nazistowskich Obozów Koncentracyjnych i Obozów Zagłady*), отмечаемый ежегодно 14 июня. Он был учрежден резолюцией Сейма Республики Польша от 8 июня 2006 г. [25] в память о первой массовой транспортировке польских политических заключенных, которые прибыли в концлагерь Аушвиц из тюрьмы города Тарнува 14 июня 1940 г. Первоначально он назывался национальным днем памяти жертв нацистских концентрационных лагерей, но по инициативе сенатора и общественной активистки Лидии Старон изменил свое название в июне 2015 г. [24]. Смена названия была обусловлена интересами «исторической правды», а добавление этнического маркера и акцентирование внимания на том, что концлагеря были именно *немецкими*, придают данному постановлению характер документа, в котором четко обозначены все стороны: и те, кто преступления совершал, и те, кто за них несет ответственность сегодня.

День памяти жертв немецких нацистских концентрационных лагерей и лагерей смерти еще не становился предметом самостоятельного изучения в отечественной историографии, да и в польской исторической науке специально не рассматривался. Имеются работы, посвященные другим памятным датам польской истории [1], а также общие труды, анализирующие историческую политику в Восточной Европе в целом [4] и Польши в частности [2; 5], тогда как день 14 июня по-прежнему выпадает из исследовательского дискурса полонистов. Эти обстоятельства повышают значимость данной статьи и актуализируют изучаемую проблему.

Источниковую базу исследования составляют официальные документы польского Сейма [24; 25], выступления представителей польской власти – как центральной, так и региональной [15; 18; 19; 20; 26], а также интерактивные материалы (онлайн-лекции, выставки, образовательные проекты, аудио и видеоконтент), представленные сотрудниками Государственного музея Аушвиц-Биркенау [7; 9; 11; 14; 21; 22; 23; 28].

Запрос на установление этой памятной даты возник в польском обществе не случайно, причем изначально инициатива пошла не сверху, а снизу. Катализатором создания Дня памяти жертв немецких нацистских концентрационных лагерей и лагерей смерти стало выступление канцлера ФРГ Герхарда Шредера на международной конференции в Стокгольме в январе 2000 г., в котором он, говоря о жертвах концлагеря Аушвиц, забыл упомянуть поляков, хотя они составили вторую по численности группу погибших узников. На конференции присутствовали представители верховной власти Польши и сотрудники Государственного музея Аушвиц-Биркенау.

Решительную позицию заняла Христианская Ассоциация семей Освенцима¹, основанная в Польше в 1998 г. по инициативе бывших польских узников Аушвица. Члены Ассоциации написали канцлеру ФРГ письмо, в котором напомнили, что именно поляки стали первыми

¹ Польская общественная организация со штаб-квартирой в Освенциме. Ее главная задача – сохранение памяти о польских узниках концлагеря Аушвиц посредством организации ежегодного празднования годовщины первой транспортировки польских заключенных в Аушвиц 14 июня 1940 г. Также занимается издательской и просветительской деятельностью.

узниками Аушвица и «играли особую роль в лагерном сопротивлении» [10]. Это письмо получило отклик в польских и немецких СМИ. Официальные представители Германии заявили, что канцлер, безусловно, знает о судьбе заключенных поляков и испытывает к ним большое уважение, о чем он позднее сказал во время официального визита.

Именно в это время Христианская Ассоциация семей Освенцима представила проект документа, который предусматривал установление 14 июня Днем памяти польских жертв нацистских концлагерей, а 27 января, то есть даты освобождения Аушвица советскими войсками, днем памяти жертв Холокоста в Польше. Более ста чиновников Малопольского воеводства, на территории которого расположен Освенцим, подписали эту инициативу. В июне 2000 г., в 60-ю годовщину депортации в Аушвиц первых польских заключенных, сеймик Малопольского воеводства принял резолюцию № 3/2000, которая призывала установить 14 июня днем памяти польских жертв концлагеря Аушвиц и других нацистских концентрационных лагерей.

Эта резолюция не нашла у официальной власти отклика, поэтому Христианская Ассоциация семей Освенцима решила напрямую обратиться к президенту Польши Александру Квасьневскому с просьбой принять соответствующую законодательную инициативу. Накануне очередной годовщины, 13 июня 2002 г., бывшие узники концлагеря попросили Квасьневского сделать 14 июня днем памяти польских жертв нацистских концлагерей, а 27 января – днем памяти жертв Холокоста в Польше. От имени польского президента выступил глава Бюро национальной безопасности Марек Сивец, заявивший, что «оба вопроса – Холокост и мученичество поляков – в Польше широко известны и нет необходимости в установлении специальных дней памяти» [10]. Спустя год члены освенцимской Ассоциации вновь обратились к президенту страны, но также не дождались ответа.

С мертвой точки ситуация сдвинулась лишь в 2005 г., когда власть в стране перешла к политической партии «Право и справедливость». В конце февраля 2006 г. маршал польского Сейма Марек Юрек принял делегацию Христианской Ассоциации семей Освенцима и выразил предварительную поддержку намерению установить день памяти поляков – жертв нацистских концлагерей на территории Польши. Его поддержали президент Института национальной памяти (ИНП)² Януш Куртыка, назвавший данную инициативу «самой необходимой и уместной», и омбудсмен Польши Анджей Золл. Благодаря содействию маршала Юрека резолюция ушла в комитет по вопросам культуры и СМИ, после чего ее проект был вынесен на утверждение Сейма. В конечном итоге резолюция была принята в 2006 г., а Христианская Ассоциация семей Освенцима в качестве награды получила премию общественного Фонда Pro Bono Publico за лучшую гражданскую инициативу.

С этого времени День памяти жертв немецких нацистских концентрационных лагерей и лагерей смерти стал неотъемлемой частью коллективной памяти поляков. В отношении этой даты руководством страны проводится особая историческая политика, направленная на увековечивание памяти всех жертв нацистских концлагерей. В этот день поляки в первую очередь вспоминают имена 728 соотечественников, которые прибыли из тарнувской тюрьмы в Аушвиц 14 июня 1940 г., а также всех тех, кто прошел через жернова нацистской репрессивной системы.

В последние годы этой памятной дате в Польше придается особое значение, причем на высшем правительственном уровне. Ежегодно 14 июня представители государственной власти Польши, члены общественных организаций, бывшие узники Аушвица и все сочувствующие чтят память жертв немецких концлагерей. Торжественные мероприятия проходят на территории бывшего концлагеря Аушвиц-Биркенау. За организацию отвечает Христианская Ассоциация семей Освенцима – главный инициатор интеграции этой даты в историческую память поляков. Как правило, первая половина дня посвящена богослужению в память о погибших в Аушвице узниках, после чего у «стены смерти», расположенной между блоками № 10 и 11, люди возлагают венки, зажигают свечи и кладут цветы, то есть совершают символические акты при помощи ключевых символов памяти.

В наиболее торжественной обстановке празднование Дня памяти жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти проходит в так называемые «круглые даты», которые являются «важными поводами для коммеморации» [3, с. 45]. Первой такой «круглой

² Польское государственное историко-архивное учреждение, основанное 18 декабря 1998 г. в Варшаве. Занимается исследованием преступлений нацистского и коммунистического режимов против польской нации в 1944–1990 гг., а с 2006 г. – еще и люстрационными процессами.

датой» стало 14 июня 2010 г., то есть 70-я годовщина депортации поляков в Аушвиц [12]. В этот день официальные лица, бывшие заключенные и члены общественных организаций посетили богослужение, возложили венки и цветы к мемориальным комплексам Тарнувского повята и приняли участие в пресс-конференции в Тарнуве, после чего отправились на электричке в Освенцим. Главные мероприятия прошли в музейном комплексе Аушвиц-Биркенау около «стены смерти», где играл военный оркестр, с речью выступили представители польской католической церкви, бывшие узники и государственные деятели Польши. В завершение в Освенциме был открыт памятник, посвященный жертвам нацистских концлагерей, который освятил настоятель одной из местных церквей. Для бывших узников была организована экскурсия по музею Аушвиц-Биркенау, где они получили возможность посмотреть сохранившиеся артефакты и «оживить» свою память.

Важным символическим моментом празднования является возложение венков и цветов к мемориальной доске, посвященной памяти первых поляков, прибывших в Аушвиц 14 июня 1940 г. Доска расположена в здании Государственной Высшей Профессиональной Школы Освенцима. Периодически участники торжеств посещают постоянную выставку «Клише памяти. Лабиринты» известного польского сценографа и художника, бывшего узника Аушвица Мариана Колодзая, которая находится во францисканском монастыре в местечке Харменже, недалеко от Освенцима.

Следующей круглой датой стала 75-я годовщина депортации поляков в Аушвиц, которую торжественно отметили 14 июня 2015 г. [13]. Празднование прошло по традиционному сценарию с богослужением, памятными речами, возложением цветов и венков к «стене смерти» и мемориальной доске, а также посещением музея Аушвиц-Биркенау и выставки в Харменжах.

С развитием информационных технологий выросли и запросы общества на использование интеллектуальных ресурсов библиотек, архивов и музеев, в связи с чем к 80-й годовщине первой массовой транспортировки поляков в Аушвиц, то есть к 14 июня 2020 г., Государственным музеем Аушвиц-Биркенау и другими образовательными и общественными организациями Польши был разработан комплекс интерактивных мероприятий, включающий множество коммеморативных событий. К сожалению, из-за пандемии новой коронавирусной инфекции и введенных в связи с ней ограничений часть программы пришлось изменить и даже отменить некоторые запланированные действия [21, р. 9], однако главное осталось неизменным – весомую роль в коммеморации по-прежнему играет политическая элита польского государства. Торжества прошли под патронажем президента Республики Польша Анджея Дуды и вице-преьера и министра культуры и национального наследия Петра Глинского.

Накануне 80-й годовщины Дня памяти жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти сотрудники Государственного музея Аушвиц-Биркенау опубликовали на официальном сайте обновленный список всех заключенных, депортированных из Тарнува в Аушвиц 14 июня 1940 г. [7], а Христианская Ассоциация семей Освенцима внесла наиболее актуальные изменения в свою базу данных [17]. Согласно последним данным, из 728 польских политических заключенных первыми прибывших в Аушвиц (не считая тридцати немецких уголовников, перевезенных из Заксенхаузена тремя неделями ранее), 325 человек дожили до конца войны, 292 погибли, судьба 111 узников по-прежнему неизвестна.

Из-за невозможности проведения массовых мероприятий многие выставки, организованные Государственным музеем Аушвиц-Биркенау в 2020 г., прошли в режиме онлайн. В частности, торжественная месса в Центре святого Максимилиана в Харменжах транслировалась в прямом эфире по региональному каналу TVP3 Kraków, а все другие события были доступны на официальном сайте музея www.auschwitz.org. Ровно в полдень 14 июня начались главные мероприятия на территории бывшего лагерного комплекса, которые включили в себя посещение Аушвица официальной делегации во главе с президентом Польши Анджеем Дудой, бывших узников концлагеря и представителей польских общественных организаций [8]. При этом все желающие, начиная с 15:00, имели возможность лично прийти в музей, возложить венки и цветы, а также поставить свечи у «стены смерти», но только при условии строгого соблюдения санитарных норм.

Специально к 80-й годовщине краковское телевидение и Государственный музей Аушвиц-Биркенау сделали совместный проект – 23-минутный документальный фильм «Первая транспортировка в Аушвиц. Постскрипtum», посвященный истории массовой депортации поляков в Аушвиц 14 июня 1940 г. и созданию этого нацистского концлагеря. Его премьера состоялась на канале TVP3 Kraków 14 июня 2020 г. С английскими субтитрами фильм доступен на официальном канале музея Аушвиц-Биркенау в YouTube [23].

К упомянутым выше интерактивным мероприятиям, подготовленным сотрудниками Государственного музея Аушвиц-Биркенау, относится серия онлайн образовательных материалов, в которые входят онлайн-лекции «Первые поляки в Аушвице» [22] и «Выселение польского и еврейского населения из Освенцима и его окрестностей в 1940–1942 гг.» [9], онлайн-выставки «Первая транспортировка поляков в Аушвиц – 14 июня 1940 г.» [28] и «Я был в концлагере Аушвиц, начиная с 14 июня...» Лагерные письма Тадеуша Корчовского» [6], образовательный проект «Польские граждане в концлагере Аушвиц» [14], ряд монографий, учебных пособий, аудио и видеоконтент. Центр святого Максимилиана в Харменжах представил сайт, посвященный выставке бывшего узника Аушвица Мариана Колодзая «Клише памяти. Лабиринты» [11] и саму выставку в формате онлайн [27]. Еврейский Центр Освенцима сделал онлайн-выставку «История еврейского Освенцима» [15] и разработал мобильное приложение – гид по истории города и его еврейским жителям в XX в. Многие общественные организации и образовательные учреждения Польши заранее подготовили статьи, фильмы, лекции, постеры и даже концерты, посвященные памяти погибших в Аушвице поляков, а Ассоциация по охране Аушвица стала инициатором акции по высадке деревьев «Дуб памяти 80-летней годовщины первой транспортировки», которая была проведена в Тарнуве 30 апреля 2020 г. Тремя неделями ранее там же была открыта автобусная остановка в память о первой транспортировке по адресу: г. Тарнув, ул. Львовская, дом 6, на которой представлены фотографии и информация о событиях 80-летней давности.

14 июня 2020 г. с обращением к нации выступил вице-премьер и министр культуры и национального наследия Польши Петр Глинский, который отдал дань памяти своим соотечественникам, погибшим в немецких концлагерях, подчеркнул важность этой даты, а также объявил об открытии новой выставки в блоке № 15 Государственного музея Аушвиц-Биркенау, финансируемой за счет министерства. По его словам, в данный момент ведутся активные работы, чтобы экспозиция была готова в течение ближайших трех лет: «Это будет многоплановая современная презентация, очень важная для распространения знания и сохранения памяти, для семей польских жертв, которые до сих пор испытывают на себе травму своих предков» [16]. В свою очередь, президент Польши Анджей Дуда посетил Освенцим, где принял участие в возложении цветов и венков у «стены смерти» Аушвица-Биркенау и оставил отзыв в Книге памяти музея, а позднее проделал те же символические действия на территории Малопольского государственного университета. Также Дуда возложил цветы на рельсы, по которым 80 лет назад ехал первый состав с заключенными поляками из Тарнува в Аушвиц.

Президент Польши отметил, что освенцимская земля «пропитана кровью и усыпана пеплом от сожженных человеческих тел». «Земля, которая взывает к памяти; земля, которая также призывает нас, чтобы мы никогда об этом не забывали, чтобы такое никогда не случилось. Чтобы ни один человек, если вообще можно по отношению к тем мучителям применять такой термин, не посмел нигде во всем мире вызвать у другого человека такое невообразимое количество зла, страданий, жестокости», – заявил Анджей Дуда [20]. Вспомнил он и о героях польского сопротивления, а в качестве примера назвал имена Витольда Пилецкого и Максимилиана Кольбе, наиболее почитаемых в Польше узников Аушвица. Выступление национального лидера транслировалось на многих телевизионных каналах Польши и было показано в новостных выпусках.

Память жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти почтили и в других польских городах. В Познани семьи бывших заключенных и представители региональных властей собрались на территории Форты VII, первого концлагеря, созданного нацистами в Польше через месяц после ее оккупации в 1939 г. Собравшиеся зажгли свечи и возложили цветы у местной «стены смерти», после чего с речью выступили заместитель воеводы Великопольского воеводства Анета Нестравская, вице-маршал Войцех Янковяк и директор Великопольского музея независимости Пшемислав Терлецкий, призвавшие к сохранению исторической памяти. Воевода Великопольского воеводства Лукаш Миколайчик, который не смог присутствовать на церемонии, написал письмо, где подчеркнул, что торжества в День памяти жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти – это «громкий голос против дискриминации и ненависти, которые ведут к презрению человеческого достоинства» [26]. В Варшаве мемориальные мероприятия прошли на территории музея тюрьмы Павяк, выполнявшей в 1939–1944 гг. функцию главного тюремного центра Генерал-губернаторства.

Память узников, погибших в немецких нацистских концлагерях, почтили и многие сотрудники государственных учреждений Польши. Большую активность проявили члены Института национальной памяти, который выступил одним из организаторов и инициаторов

проведения дня 14 июня. Президент ИНП Ярослав Шарек и его коллега из краковского филиала ИНП Филип Муцал возложили цветы у обелиска в честь первой транспортировки в Аушвиц на железнодорожном вокзале Тарнува, после чего Шарек отправился в Освенцим, где присоединился к официальной делегации во главе с Анджеем Дудой [18]. В Освенциме Шарек по примеру президента Польши возложил цветы у мемориальной доски, размещенной на стене здания Малопольского государственного университета, и пообщался со СМИ. В своем интервью президент ИНП сделал особый акцент на символизме этого дня памяти. По его словам, Аушвиц стал выражением немецкой нацистской жестокости не только в Польше, но и во всем мире. Еще одно символическое проявление данной коммеморации Шарек увидел в месте отправки первого транспортного состава: «Символично, что транспорт отправился из города, который в 1918 г. первым освободился от захватнических властей» [19].

Масштаб проведения Дня памяти жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти, географический охват и большое число участников, особенно среди представителей польской политической элиты, свидетельствуют о том, что этому дню особое значение придает не только польская общественность, но и государственная власть. Празднование 14 июня органично вписывается в проводимую польским правительством историческую политику, направленную на «формирование в обществе желательного (и отнюдь не всегда объективного) образа прошлого» [2, с. 172], что достигается за счет эмоционально насыщенных символических мероприятий. Несмотря на отсутствие в стране политического единства и постоянные споры о будущем, даты, подобные дню 14 июня, способны объединить нацию, поскольку во главе угла стоит общее прошлое, к тому же такое трагическое. Более того, польской элите – причем не только политической – свойственно сильное национальное чувство, которое как раз проявляется в дни памяти скорбных событий. В этом плане День памяти жертв немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти является идеальным примером политической коммеморации, в которую вовлечены не только политическая и интеллектуальная элиты Польши, но и самые разные представители польского общества.

Подведем итоги. Коммеморация Дня памяти жертв немецких нацистских концентрационных лагерей и лагерей смерти играет важную роль в проводимой сегодняшней польской властью исторической политике. Ежегодное напоминание польскому населению о соотечественниках, погибших в концлагере Аушвиц, возбуждает у польских граждан чувство национальной солидарности и сопричастности к трагедии, случившейся с их страной в годы Второй мировой войны. Участие в торжествах представителей государственной и региональной политической элиты, наряду с бывшими узниками Аушвица и членами общественных организаций, подчеркивает особую важность и статусность события: оно должно не только показать единство общества и государства, но также подчеркнуть ответственность нынешнего поколения за сохранение памяти о жертвах нацистских концлагерей и недопустимость повторения ошибок прошлого. Именно поэтому коммеморация данного исторического события позиционируется как моральный долг каждого поляка, поскольку, отдавая долг памяти жертвам нацизма, граждане современной Польши вносят личный вклад в сохранение коллективной памяти и национальной идентичности.

Список литературы

1. Лагно А. Р. День памяти «проклятых солдат»: коммеморативные практики в современной Польше // Центральноевропейские исследования. 2018. № 1(10). С. 269–288.
2. Лыкошина Л. С. «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 170–179.
3. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. М.-СПб. : Нестор-История, 2018. С. 27–53.
4. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в 21 веке / Под ред. А. И. Миллера, М. А. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
5. Траба Р. А. Польские споры об истории в XXI в. // Историческая политика в 21 веке / Под ред. А. И. Миллера, М. А. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 65–102.
6. “Od 14 VI znajduję się w obozie koncentracyjnym Auschwitz...” Obozowe listy Tadeusza Korczowskiego // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <https://artsandculture.google.com/exhibit/BAISKLlkME-w2Lg?hl=pl>.
7. 80. rocznica pierwszego transportu Polaków do KL Auschwitz – 14 czerwca 1940 r. // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <http://auschwitz.org/muzeum/aktualnosci/80-rocznica-pierwszego-transportu-polakow-do-kl-auschwitz-14-czerwca-1940-r-,2132.html>.

8. 80th Anniversary of the First Transport of Poles to KL Auschwitz / 80. rocznica pierwszego transport // Miejsce Pamięci i Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qLgkW5hxEZM>.
9. *Chowaniec E., Lachendro J.* Wyszczędlenia ludności polskiej i żydowskiej z Oświęcimia i okolicznych miejscowości w latach 1940–42 // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/2019_wyszczędlenia_pl.
10. *Geneza* // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. URL: <http://www.chsro.pl/narodowy-dzien-pamieci/geneza.html>.
11. *Marian Kołodziej.* "Klisze pamięci. Labirynty" // Centrum św. Maksymiliana w Harmężach. URL: <https://www.labyrinths.pl>.
12. Narodowy Dzień Pamięci 2010 r. // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. URL: <http://www.chsro.pl/narodowy-dzien-pamieci/galeria/galeria2010.html>.
13. Narodowy Dzień Pamięci 2015 r. // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. URL: <http://www.chsro.pl/narodowy-dzien-pamieci/narodowy-dzien-pamieci-2015.html>.
14. *Odrzywołek K.* Obywatele polscy w KL Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <https://prezi.com/view/gIRsFUXD4t7nVxP5X15U>.
15. *Oszpicin.* Historia żydowskiego Oświęcimia. Wystawa online // Centrum Żydowskie w Oświęcimiu. URL: <https://artsandculture.google.com/partner/the-auschwitz-jewish-center>.
16. *P. Gliński:* Polacy stanowią drugą co do wielkości liczbę ofiar Auschwitz // *Dzieje.pl*. URL: <https://dzieje.pl/wiadomosci/p-gliniski-polacy-stanowia-druga-co-do-wielkosci-liczbe-ofiar-auschwitz>.
17. Pierwszy Transport do KL Auschwitz // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. URL: <http://www.chsro.pl/pierwszy-transport/lista.html>.
18. Prezes IPN upamiętnił w Tarnowie I transport Polaków do KL Auschwitz // *Dzieje.pl*. URL: <https://dzieje.pl/wiadomosci/prezes-ipn-upamietnil-w-tarnowie-i-transport-polakow-do-kl-auschwitz>.
19. Prezes IPN: Auschwitz to miejsce, gdzie zło ostatecznie nie zwyciężyło // *Dzieje.pl*. URL: <https://dzieje.pl/wiadomosci/prezes-ipn-auschwitz-miejsce-gdzie-zlo-ostatecznie-nie-zwyciezyl>.
20. Prezydent o I transporcie Polaków do KL Auschwitz: przyjechali tu jako więźniowie polityczni // *Dzieje.pl*. URL: <https://dzieje.pl/wiadomosci/prezydent-o-i-transporcie-polakow-do-kl-auschwitz-przyjechali-tu-jako-wiezniowie>.
21. *Sawicki P.* 80th Anniversary of the First Deportation of Poles to Auschwitz // *Memoria: Memory. History. Education. No. 33 (06/2020)* / Ed. P. Sawicki. *Oświęcim : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2020. Pp. 8–10.*
22. *Strzelecka I.* Pierwsi Polacy w Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: http://lekcja.auschwitz.org/pl_14_transporty.
23. The first transport to Auschwitz / Pierwszy transport do Auschwitz. Post Scriptum [ENG subtitles] // Miejsce Pamięci i Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pLIE7Kvzg64>.
24. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 12 czerwca 2015 r. w sprawie ustanowienia dnia 14 czerwca Narodowym Dniem Pamięci Ofiar Niemieckich Nazistowskich Obozów Koncentracyjnych i Obozów Zagłady // *Monitor Polski. Dziennik Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, dnia 12 czerwca 2015 r. Poz. 535.*
25. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 8 czerwca 2006 r. w 66. rocznicę przybycia pierwszego transportu więźniów do KL Auschwitz // *Monitor Polski. Dziennik Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. Nr. 40. Warszawa, dnia 19 czerwca 2006 r. Poz. 435. S. 1333–1334.*
26. W Poznaniu upamiętniono ofiary niemieckich obozów koncentracyjnych // *Dzieje.pl*. URL: <https://dzieje.pl/wiadomosci/w-poznaniu-upamietniono-ofiary-niemieckich-obozow-koncentracyjnych>.
27. Wirtualna wersja wystawy "Klisze pamięci. Labirynty" Mariana Kołodzieja // Centrum św. Maksymiliana w Harmężach. URL: <https://wystawa.powiat.oswiecim.pl>.
28. *Zbrzeska T., Obstarczyk M.* Pierwszy transport Polaków do Auschwitz – 14 czerwca 1940 r. // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. URL: <https://artsandculture.google.com/exhibit/14-czerwca-1940-roku-auschwitz-birkenau-state-museum/rwKylRks2DKmKA?hl=pl>.

Memory of the victims of the German Nazi concentration camps and death camps in modern Poland

S. S. Khodyachikh

PhD in Historical Sciences. Russia, Khimki. ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: khodyachikh@gmail.com

Abstract. The article deals with commemorative practices in modern Poland on the example of the national Day of Remembrance of the victims of the German Nazi concentration camps and death camps, which is celebrated annually on June 14. The commemoration of this memorable event is timed to the anniversary of the first mass transportation of Polish political prisoners from the city of Tarnow to the Auschwitz concentration camp, which took place on June 14, 1940. The purpose of the study is to use the example of the

Day of Remembrance of the Victims of the German Nazi concentration camps and death camps to determine the main features of the historical policy of modern Poland. The author of the article examines the history of the establishment of this memorable date and the mechanism of its integration into the "national DNA" of Poles, analyzes the policy of the Polish central and regional authorities regarding the celebration of the day of June 14, shows the actions of state and public organizations of the country to preserve the memory of the first mass transportation of Polish political prisoners to Auschwitz. The commemorative events of the Auschwitz-Birkenau State Museum, where the ceremonies are held on June 14, are studied in detail. The author came to the conclusion that the celebration of the Day of Remembrance of the Victims of the German Nazi concentration camps and death camps organically fits into the historical policy pursued by the Polish authorities, aimed at forming a desirable image of the past in society. Days like June 14 not only contribute to the unity of the nation, but also evoke a strong national feeling among Poles, which is achieved by turning to the tragic past.

Keywords: historical memory, historical politics, history of Poland, Auschwitz concentration camp, Auschwitz-Birkenau State Museum.

References

1. Lagno A. R. *Den' pamyati "próklyatykh soldat": kommemorativnye praktiki v sovremennoj Pol'she* [Memorial Day of the "cursed soldiers": commemorative practices in modern Poland] // Central European Studies. 2018. No. 1 (10). Pp. 269–288.
2. Lykoshina L. S. "Istoricheskaya politika" sovremennoj Pol'shi v kontekste rossijsko-pol'skih otnoshenij ["Historical policy" of modern Poland in the context of Russian-Polish relations]. 2015. No. 1-2. Pp. 170–179.
3. Malinova O. Yu. *Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki* [The politics of memory as a field of symbolic politics] // *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati – Methodological issues of studying memory policy* / ed. by A. I. Miller, D. V. Efremenko. M.-St. Petersburg : Nestor-Istoriya. 2018. Pp. 27–53.
4. Miller A. I. *Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI vv.* [Historical politics in Eastern Europe in the beginning of 21st century] // *Istoricheskaya politika v 21 veke – Historical politics in the 21st century* / ed. by A. I. Miller, M. A. Lipman. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2012. Pp. 7–32.
5. Traba R. A. *Polskie spory ob istorii v XXI vv.* [Polish disputes about history in the XXI century] // *Istoricheskaya politika v 21 veke – Historical politics in the 21st century* / ed. by A. I. Miller, M. A. Lipman. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2012. Pp. 65–102.
6. "Od 14 VI znajduję się w obozie koncentracyjnym Auschwitz...". Obozowe listy Tadeusza Korczowskiego // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <https://artsandculture.google.com/exhibit/BAISKllkMEw2Lg?hl=pl>.
7. 80. rocznica pierwszego transportu Polaków do KL Auschwitz – 14 czerwca 1940 r. // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <http://auschwitz.org/muzeum/aktualnosci/80-rocznica-pierwszego-transportu-polakow-do-kl-auschwitz-14-czerwca-1940-r-,2132.html>.
8. 80th Anniversary of the First Transport of Poles to KL Auschwitz / 80. rocznica pierwszego transport // Miejsce Pamięci i Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=qLgkW5hxEZM>.
9. *Chowaniec E., Lachendro J.* Wyszędlenia ludności polskiej i żydowskiej z Oświęcimia i okolicznych miejscowości w latach 1940–42 // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/2019-wyszędlenia_pl.
10. Geneza // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. Available at: <http://www.chsro.pl/narodowy-dzien-pamieci/geneza.html>.
11. *Marian Kołodziej.* "Klisze pamięci. Labirynty" // Centrum św. Maksymiliana w Harmęczach. Available at: <https://www.labyrinths.pl>.
12. Narodowy Dzień Pamięci 2010 r. // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. Available at: <http://www.chsro.pl/narodowy-dzien-pamieci/galeria/galeria2010.html>.
13. Narodowy Dzień Pamięci 2015 r. // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. Available at: <http://www.chsro.pl/narodowy-dzien-pamieci/narodowy-dzien-pamieci-2015.html>.
14. *Odrzywołek K.* Obywatele polscy w KL Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <https://prezi.com/view/gIRsFUXD4t7nVxP5XI5U>.
15. Oszpicin. Historia żydowskiego Oświęcimia. Wystawa online // Centrum Żydowskie w Oświęcimiu. Available at: <https://artsandculture.google.com/partner/the-auschwitz-jewish-center>.
16. P. Gliński: Polacy stanowią drugą co do wielkości liczbę ofiar Auschwitz // Dzieje.pl. Available at: <https://dzieje.pl/wiadomosci/p-gliniski-polacy-stanowia-druga-co-do-wielkosci-liczbe-ofiar-auschwitz>.
17. Pierwszy Transport do KL Auschwitz // Chrześcijańskie Stowarzyszenie Rodzin Oświęcimskich. Available at: <http://www.chsro.pl/pierwszy-transport/lista.html>.
18. Prezes IPN upamiętnił w Tarnowie I transport Polaków do KL Auschwitz // Dzieje.pl. Available at: <https://dzieje.pl/wiadomosci/prezes-ipn-upamietnil-w-tarnowie-i-transport-polakow-do-kl-auschwitz>.
19. Prezes IPN: Auschwitz to miejsce, gdzie zło ostatecznie nie zwyciężyło // Dzieje.pl. Available at: <https://dzieje.pl/wiadomosci/prezes-ipn-auschwitz-miejsce-gdzie-zlo-ostatecznie-nie-zwyciezyl>.
20. Prezydent o I transporcie Polaków do KL Auschwitz: przyjechali tu jako więźniowie polityczni // Dzieje.pl. Available at: <https://dzieje.pl/wiadomosci/prezydent-o-i-transporcie-polakow-do-kl-auschwitz-przyjechali-tu-jako-wiezniowie>.

21. *Sawicki P.* 80th Anniversary of the First Deportation of Poles to Auschwitz // Memoria: Memory. History. Education. No. 33 (06/2020) / Ed. P. Sawicki. Oświęcim : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2020. Pp. 8–10.

22. *Strzelecka I.* Pierwsi Polacy w Auschwitz // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: http://lekcja.auschwitz.org/pl_14_transporty.

23. The first transport to Auschwitz / Pierwszy transport do Auschwitz. Post Scriptum [ENG subtitles] // Miejsce Pamięci i Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=pLIE7Kvzg64>.

24. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 12 czerwca 2015 r. w sprawie ustanowienia dnia 14 czerwca Narodowym Dniem Pamięci Ofiar Niemieckich Nazistowskich Obozów Koncentracyjnych i Obozów Zagłady // Monitor Polski. Dziennik Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, dnia 12 czerwca 2015 r. Poz. 535.

25. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 8 czerwca 2006 r. w 66. rocznicę przybycia pierwszego transportu więniów do KL Auschwitz // Monitor Polski. Dziennik Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. Nr. 40. Warszawa, dnia 19 czerwca 2006 r. Poz. 435. Pp. 1333–1334.

26. W Poznaniu upamiętniono ofiary niemieckich obozów koncentracyjnych // Dzieje.pl. Available at: <https://dzieje.pl/wiadomosci/w-poznaniu-upamietniono-ofiary-niemieckich-obozow-koncentracyjnych>.

27. Wirtualna wersja wystawy "Klisze pamięci. Labirynty" Mariana Kołodzieja // Centrum św. Maksymiliana w Harmężach. Available at: <https://wystawa.powiat.oswiecim.pl>.

28. *Zbrzeska T., Obstarczyk M.* Pierwszy transport Polaków do Auschwitz – 14 czerwca 1940 r. // Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Available at: <https://artsandculture.google.com/exhibit/14-czerwca-1940-roku-auschwitz-birkenau-state-museum/rwKylRks2DKmKA?hl=pl>. Warszawa, dnia 19 czerwca 2006 r. Poz. 435. Pp. 1333–1334.

Мечь за Майданек: о воинах из Удмуртии, выживших в концлагере

Д. В. Перовщикова

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела исторических исследований,
Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского
центра Уральского отделения Российской академии наук.
Россия, г. Ижевск. E-mail: dmitryzh76@mail.ru

Аннотация. На основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, затрагивается вопрос о советских воинах из Удмуртской АССР, которые после попадания в плен содержались в фашистском концентрационном лагере Майданек, но выжили, вновь вступили в ряды Красной Армии и с оружием в руках сумели отплатить гитлеровцам за свои страдания за колючей проволокой. Некоторые из этих солдат были похоронены дважды – сначала их считали погибшими в бою, затем в плену. Однако, несмотря на все невзгоды, они остались в живых и встретили Победу в Великой Отечественной войне. В исследовании на основе материалов Нюрнбергского процесса и воспоминаний очевидцев охарактеризован режим в концентрационном лагере, который был специально организован руководством фашистской Германии для истребления различными методами военнопленных и других категорий заключенных, признанных противниками гитлеровского режима. В статье перечислены фамилии уроженцев Удмуртии из числа солдат Красной Армии, погибших в Майданеке. В исследовании представлены основные вехи биографий военнопленных из республики, которые смогли перенести все тяготы концлагеря и выжить. При анализе воспоминаний бывших узников вскрыты некоторые причины и факторы, позволившие военнопленным уцелеть в одном из крупнейших фашистских концентрационных лагерей, а также выявлен эффективный психологический стимул для их успешной армейской службы и боевой работы после освобождения. Многие факты, встречающиеся в статье, впервые представлены в научной литературе. Исследование проливает свет на одно из «белых пятен» истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Удмуртия, Великая Отечественная война, советские военнопленные, концлагерь Майданек.

В число крупнейших гитлеровских концлагерей входил Майданек. Этот пункт заключения лиц, неугодных нацистскому режиму, появился уже после начала Великой Отечественной войны. 21 июля 1941 г. глава войск СС («рейхсфюрер») и статс-секретарь германской полиции Г. Гиммлер во время пребывания в Люблине, располагавшемся на востоке Польши, приказал создать на юго-восточной окраине города, в районе Майданек, концентрационный лагерь, который мог бы вместить 50 тысяч заключенных. В немецких официальных документах он часто именовался «Концентрационный лагерь Люблин» (Konzentrationslager Lublin). Имел несколько «филиалов» на территории Юго-Восточной Польши. Два из них находились непосредственно в г. Люблин (на аэродроме и на ул. Липовой). Лагерь Будзынь размещался в районе г. Красник, Плашув – под г. Краковом, Травники – близ г. Вепш.

В научной литературе вопрос о функционировании печально знаменитого фашистского концлагеря достаточно широко освещен, поскольку богатейший материал для исследований дают опубликованные документы Нюрнбергского процесса, воспоминания бывших узников, а также советских воинов, принимавших участие в освобождении Майданека [1; 2; 4; 7; 8; 21]. Однако при этом недостаточно изучена тема о советских военнопленных, содержащихся в этом лагере, но, несмотря на все невзгоды, выживших и вернувшихся на родину.

Осенью 1941 г. из фронтового лагеря в районе г. Хелм в Майданек были привезены 5 тысяч советских военнопленных. Это были первые узники концлагеря, отличавшегося высочайшей смертностью среди заключенных. В ноябре-декабре 1941 г. гитлеровцы организовали массовый расстрел узников, пытки и истязания. Из партии советских военнопленных, насчитывавшей более 2 тысячи человек, уцелело лишь 80. Поляк Я. Недзялек, работавший по найму в Майданеке грузовым возчиком, свидетельствовал: «около 5 тысяч русских военнопленных немцы зимой 1942 года уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из барачных помещений к ямам на бывшую каменоломню и в этих ямах их расстреливали». Летом 1943 г. в Майданек гитлеровцы привезли 300 пленных советских офицеров, включая 2 полковников, 4 майоров. Их всех расстреляли [5, с. 114–115].

Уцелеть в Майданеке было непросто. В 1942 г. там появились газовая камера и крематорий [8, с. 120]. Концлагерь окружала колючая проволока, через которую пропускался ток высокого напряжения. На специально оборудованных столбах были подвешены прожекторы. Вдоль ограждения через каждые 150 м находились сторожевые вышки с пулеметами.

В Майданеке эсэсовцы уничтожали узников в такой последовательности: голод – истощение – газовая камера – крематорий. Особенно страдали от постоянного недоедания советские граждане, в том числе военнопленные. Они не получали никакой помощи даже от представителей Международного комитета Красного Креста [9, с. 175]. Постоянный голод заключенных, антисанитарное состояние помещений и холод благоприятствовали возникновению различных инфекционных заболеваний. В концлагере не было воды для мытья, бараки кишели вшами и блохами. В начале 1944 г. вспыхнула повальная эпидемия сыпного тифа. Гитлеровцы пытались ликвидировать ее не лечением, а уничтожением больных заключенных в газовой камере. Людей для этого отбирали два раза в неделю. Но камера не была рассчитана на такое огромное количество жертв. Поэтому нацисты вывозили больных на подводах и автомашинах в близлежащий Кремпецкий лес и там расстреливали. Только в первой половине июля 1943 г. туда были отправлены около 1500 больных заключенных.

В Майданеке находился лазарет (так называемый «ревир»). Однако гитлеровцы создали его не для лечения узников, а для облегчения отбора в газовую камеру. В течение 1943–1944 гг. в этот лазарет доставляли заключенных из других концлагерей. Первая большая партия, включавшая больных малярией, прибыла из Освенцима в мае–июне 1943 г. Впоследствии сюда привозили узников из концлагерей Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Дора и других. В декабре 1943 г. из минской тюрьмы были этапированы пленные белорусские партизаны.

Из концлагеря Гросс-Розен в Майданек доставляли заключенных, которые после тяжелейших работ в каменоломнях превращались в инвалидов. В начале 1944 г. из южнобаварского концлагеря Флоссенбург прибыла партия тяжелобольных военнопленных, фактически обреченных на смерть. Среди них находился генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, впоследствии Герой Советского Союза.

Суточная норма питания узника Майданека включала лишь черпак брюквенной баланды и 250 г хлеба. Рабочий день длился по 10–12 часов. Тяжелейший физический труд отнимал у истощенных людей последние силы. Во время работы нельзя было даже минуту передохнуть, за это эсэсовцы избивали, и часто – до смерти. Если узник, решивший перевести дух, не замечал надзирателя позади себя, то на голову заключенного обрушивался удар лопатой [9, с. 170, 171, 176, 193, 196].

В конце 1942 г. из этого концентрационного лагеря был совершен массовый побег. Осуществили его советские военнопленные во главе с капитаном, фамилию которого долго не удавалось установить. Осуществляя бегство, узники проявили дисциплину, организованность и смекалку, продумав и подготовив все заранее. Действовать они начали ночью. Сначала забросали камнями эсэсовца, находившегося на караульной вышке, затем накинули одеяла на колючую проволоку. Воспользовавшись замешательством конвойных, военнопленные бежали в лесные массивы, окружавшие г. Люблин. Но, к сожалению, среди беглецов оказался предатель, выдавший товарищей гитлеровцам. Многие из них были расстреляны [9, с. 166].

Кроме советских военнопленных в этом концлагере содержались коммунисты из Польской рабочей партии, подпольщики, партизаны, заложники (граждане, задержанные в близлежащих городах во время облав) и многие другие лица, неугодные гитлеровской диктатуре. В Майданеке не гасло сопротивление установленному бесчеловечному режиму, а также велась антифашистская борьба: проводился саботаж лагерных работ, распространялись листовки, предпринимались попытки восстаний, организовывались успешные побеги, в результате осуществления которых бывшие узники пополняли ряды партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории восточной Польши. Люди не делили друг друга по национальностям, а старались спланиваться против нацистского произвола на основе антифашистских принципов. Активную роль во всем этом играли советские военнопленные.

24 июля 1944 г. воины Красной Армии из 2-й танковой армии 1-го Белорусского фронта освободили г. Люблин и всех уцелевших узников концлагеря. На Нюрнбергском процессе была оглашена информация об общих жертвах Майданека. Сообщалось, что за время его существования: «...гитлеровские палачи, по прямому приказу своего преступного правительства, истребили путем массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек...» [6, с. 178]. Позднее предпринимались многочисленные попытки значи-

тельно приуменьшить количество погибших в концлагере. В частности, говорилось о 360 тысячах человек [2, с. 150]. Однако эти утверждения оказались во многом бездоказательными, в отличие от данных Нюрнбергского процесса, где цифра в 1,5 миллиона жертв обосновывалась. В частности, на одном из заседаний сообщалось о результатах работы Польско-Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по Майданеку, которая установила, что «только в печах крематория было сожжено свыше 600 тысяч трупов; на гигантских кострах в Кремпецком лесу было сожжено более 300 тысяч трупов; в двух старых печах было сожжено свыше 80 тысяч трупов; на кострах в старом лагере возле крематория было сожжено не менее 400 тысяч трупов» [6, с. 179].

Среди находившихся в этом концентрационном лагере советских военнопленных оказались и уроженцы Удмуртии: П. Ф. Кузнецов, П. Д. Тронин, И. В. Паушев, М. И. Фомичев, И. А. Хохряков, А. Ф. Перевошиков, Е. С. Ключкин, Г. А. Макшаков, С. Е. Сабуров, Е. Н. Мерзляков, Ф. Т. Соломенников, А. А. Шулятьев и другие. Многие из них кроме Майданека находились также в других гитлеровских пунктах заключения. Например, П. Ф. Кузнецов содержался также в шталаге¹ № 353, который находился в районе белорусского г. Орша. Все вышеупомянутые военнопленные, призванные на фронты Великой Отечественной войны в Удмуртии, не выдержали испытаний и погибли за колючей проволокой.

Но некоторым другим все же удалось перенести все невзгоды и дожидаться освобождения. В воспоминаниях бывшего узника Майданека Е. В. Хорошунова упоминается заключенный Савчук, находившийся долгое время в концлагере и сформулировавший для себя основные условия выживания в фашистском аду. По словам Савчука, уцелеть можно было при соблюдении некоторых обязательных принципов поведения: «...не попасть в лапы кому-нибудь из палачей², избежать непосильной работы и, самое главное, помогать друг другу во всем [9, с. 169]». Возможно, этих несложных правил в какой-то мере придерживались уроженцы Удмуртии из числа советских военнопленных Л. В. Главатских, П. А. Азиатцев, В. С. Караваев, С. П. Трубицын, А. С. Останин. В результате им удалось выжить. После освобождения из концлагеря они были зачислены в ряды Красной Армии и с оружием в руках имели возможность отомстить гитлеровцам за все ужасы, пережитые в Майданеке. Судьбы пяти вышеперечисленных солдат не являются заурядными даже для периода Великой Отечественной войны, насыщенного различными неординарными событиями.

Леонид Владимирович Главатских родился в 1921 г. в Кезском районе Удмуртии. 31 декабря 1941 г. был призван на передовую. 10 августа 1942 г. сержант Главатских попал в плен под Сталинградом, в районе г. Суровикино. Гитлеровцы отправили его в Майданек. Л. В. Главатских удалось вынести все невзгоды и остаться в живых [10]. В июле 1944 г. он был освобожден из концлагеря войсками 1-го Белорусского фронта.

35-летний уроженец д. Яромаска Сарапульского района Удмуртской АССР Павел Александрович Азиатцев в звании старшего сержанта служил в 81-й стрелковой дивизии. В феврале 1943 г. он принял участие в бою, который разгорелся в районе д. Очки, находившейся у пос. Поньры Курской области. Долго считалось, что он погиб в этом сражении [11]. В «Книге памяти» Удмуртской Республики даже имеется запись о захоронении тела Азиатцева в вышеупомянутом населенном пункте [3, с. 316]. На самом деле боец не погиб. По всей видимости, он был тяжело ранен и оказался в плену. Гитлеровцы отправили его в Майданек [12]. После освобождения концлагеря Азиатцев был зачислен в ряды 519-го стрелкового полка 135-й бригады 1-го Белорусского фронта [13]. Таким образом, считавшийся погибшим в бою солдат прошел также через все тернии Майданека. Он вернулся в строй и в рядах Красной Армии продолжил вооруженную борьбу против гитлеровского вермахта. Дважды его хоронили, но он выжил.

Очень похожей оказалась военная судьба Вениамина Семеновича Караваева. Он родился в Глазовском районе Удмуртии в сентябре 1924 г. На фронте служил в 22-й гвардейской дивизии. После боя в Локнянском районе Калининской области его также посчитали погибшим [14], но впоследствии оказалось, что рядовой Караваев попал в плен и под лагерным номером 2901 находился в Майданеке [15]. Ему удалось дожить до прихода советских войск и вернуться на родину. В апреле 1985 г. он получил орден Отечественной войны I степени.

Боевая награда была вручена и другому бывшему узнику этого концлагеря – Сергею Петровичу Трубицыну. 29-летний уроженец Игринского района в августе 1941 г. был призван

¹ Шталаг (Stalag) – нацистский концлагерь для военнопленных рядового и сержантского состава.

² Имеются в виду эсэсовцы и помогавшие им лица, осужденные за уголовные преступления.

в ряды Действующей армии. Служил в 82-й стрелковой дивизии. В июле 1942 г. в районе д. Оленино Калининской области попал в плен. Кроме Майданека [16] содержался в шталаге № 319 [17], который также находился на территории современной Польши. После освобождения из плена Трубицын был зачислен в состав 797-го стрелкового полка 40-й армии, действовавшей в составе 2-го Украинского фронта. В 1945 г. по итогам одного из боев на территории Чехословакии он получил медаль «За боевые заслуги». В приказе о награждении говорится о том, что этот солдат: «...в бою за село Горны Немч 25 апреля 1945 года в составе отделения бойцов выдвинулся вперед и гранатами забросал пулемет противника, в результате чего был выведен из строя расчет вражеского пулемета, что способствовало продвижению вперед пехоты» [18]. В ноябре 1945 г. С. П. Трубицын был демобилизован.

Схожим образом сумел отплатить гитлеровцам за невзгоды, пережитые в Майданеке, и другой уроженец Удмуртии – Александр Семенович Останин. Он родился в 1909 г. в Селтинском районе. Переехал на Дальний Восток. Оттуда и был призван на передовую. В декабре 1942 г. в районе г. Белый Калининской области попал в плен. Содержался в вышеупомянутом шталаге № 353 и под номером 492 в Майданеке [19]. А.С. Останин выдержал все невзгоды и дождался освобождения. После плена воевал в рядах 1081-го стрелкового полка 312-й стрелковой дивизии. В 1945 г. ему была вручена медаль «За отвагу». В приказе о награждении упоминается о том, что ефрейтор Останин: «...24.04.45 г. в бою в р-не леса западнее г. Гнаденрейх (Германия) из своего автомата уничтожил 3-х немецких солдат и одного взял в плен» [20].

Несмотря на тяжелейшие условия, созданные гитлеровцами в Майданеке, многие советские военнопленные, содержащиеся там, не были сломлены, не пали духом. Они продолжали надеяться на лучшее, по-товарищески поддерживали друг друга, принимали посильное участие в сопротивлении установленному в концлагере режиму, борьбе с фашизмом. Сотни узников, благодаря мужеству, несокрушимо оптимизму, силе духа, сумели одолеть все испытания и дожить до дня освобождения концлагеря советскими войсками. Некоторые из них, вновь вступив в ряды Красной Армии, положительно проявили себя на полях сражений и получили боевые награды. Среди бойцов с такой неординарной судьбой встречались и уроженцы Удмуртии.

Таким образом, не подлежит сомнению тот факт, что в ряде случаев чувство справедливой мести являлось хорошим стимулом для успешных действий солдат во время сражений.

Список литературы

1. Авхадеева А. И., Камалова Р. Ш. Концлагеря в годы Великой Отечественной войны // В мире научных открытий : материалы IV Международной студенческой научной конференции. Ульяновск, 2020. С. 88–90.
2. Котик А. В. Освобождение советскими войсками концлагеря Майданек (по воспоминаниям участников) // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2019 : материалы международной студенческой научно-практической конференции. Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. 2019. С. 148–156.
3. Книга памяти. Т. 6. Ижевск : Удмуртия, 1994. 509 с.
4. Мальшева Е. М., Аристов С. В. Концентрационные лагеря Третьего рейха: центры хранения документов и источниковая база исследования проблемы // Военно-исторический журнал. 2017. № 9. С. 80–88.
5. Нюрнбергский процесс : сборник материалов в 8 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1990. 672 с.
6. Нюрнбергский процесс : сборник материалов в 8 т. Т. 5. М. : Юрид. лит., 1991. 672 с.
7. Путрамент Е. Фабрика смерти в Майданеке: впечатления современника // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 2 (15). С. 47–55.
8. Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М. : Юридическая литература, 1991. 384 с.
9. Хорошунев Е. В. Майданек // Люди, победившие смерть. Воспоминания бывших узников фашистских лагерей. Ленинград : Лениздат, 1968. 416 с.
10. Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1094. Л. 86.
11. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 115. Л. 51.
12. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1313. Л. 35.
13. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1094. Л. 7.
14. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1388. Л. 31об.
15. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1313. Л. 32об.
16. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1313. Л. 64об.
17. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1319. Л. 8.
18. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1779. Л. 478.
19. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1313. Л. 28об.
20. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 686196. Д. 4610. Л. 187об.
21. Якеменко Б. Г. «Концентрационный мир» нацистской Германии: проблема генезиса и особенности системы // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 32–42.

Revenge for Maydanek: about the soldiers from Udmurtia who survived in a concentration camp

D. V. Perevoshchikov

PhD in Historical Sciences, junior researcher of the Department of Historical Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Izhevsk. E-mail: dmitryizh76@mail.ru

Abstract. On the basis of archival materials, first introduced into scientific circulation, the question is raised about Soviet soldiers from the Udmurt ASSR, who after being captured were held in the fascist concentration camp Maydanek, but survived, re-joined the Red Army and with weapons in their hands managed to repay the Nazis for their suffering behind barbed wire. Some of these soldiers were buried twice – first they were considered dead in battle, then in captivity. However, despite all the hardships, they survived and met the Victory in the Great Patriotic War. The study, based on the materials of the Nuremberg trial and the recollections of eyewitnesses, describes the regime in the concentration camp, which was specially organized by the leadership of Nazi Germany for the extermination of prisoners of war and other categories of prisoners recognized as opponents of the Hitler regime by various methods. The article lists the names of the natives of Udmurtia from among the Red Army soldiers who died in Maydanek. The study presents the main milestones of biographies of servicemen from the republic who were able to endure all the hardships of the concentration camp and survive. The analysis of the memories of former prisoners reveals some of the reasons and factors that allowed prisoners of war to survive in one of the largest Nazi concentration camps, and also reveals an effective psychological incentive for their successful army service and combat work after liberation. Many of the facts found in the article are presented for the first time in the scientific literature. The study sheds light on one of the "white spots" in the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Udmurtia, the Great Patriotic War, Soviet prisoners of war, Maydanek concentration camp.

References

1. Avhadeeva A. I., Kamalova R. Sh. *Konclagerya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Concentration camps during the Great Patriotic War] // *V mire nauchnyh otkrytij : materialy IV Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii* – In the world of scientific discoveries : materials of the IV International Student Scientific Conference. Ulyanovsk. 2020. Pp. 88–90.
2. Kotik A. V. *Osvobozhdenie sovetskimi vojskami konclagerya Majdanek (po vospominaniyam uchastnikov)* [The liberation of the Maydanek concentration camp by Soviet troops (according to the memoirs of participants)] // *Student i nauka (gumanitarnyj cikl) – 2019 : materialy mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* – Student and science (humanitarian cycle) – 2019 : materials of the international student scientific and practical conference. Magnitogorsk State Technical University n. a. G. I. Nosov. 2019. Pp. 148–156.
3. *Kniga pamyati* – Book of Memory. Vol. 6. Izhevsk. Udmurtia. 1994. 509 p.
4. Malysheva E. M., Aristov S. V. *Koncentracionnye lagerya Tret'ego rejha: centry hraneniya dokumentov i istochnikovaya baza issledovaniya problemy* [Concentration camps of the Third Reich: document storage centers and source base of problem research] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* – Military-historical Journal. 2017. No. 9. Pp. 80–88.
5. *Nyurnbergsnij process : sbornik materialov v 8 t. T. 4* – The Nuremberg trial : collection of materials in 8 vols. Vol. 4. M. Yurid. lit. 1990. 672 p.
6. *Nyurnbergsnij process : sbornik materialov v 8 t. T. 5* – The Nuremberg trial : collection of materials in 8 vols. Vol. 5. M. Yurid. lit. 1991. 672 p.
7. Putrament E. *Fabrika smerti v Maydaneke: vpechatleniya sovremennika* [The factory of death in Maydanek: impressions of a contemporary] // *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana* – New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific Ocean. 2019. No. 2 (15). Pp. 47–55.
8. Semiryaga M. I. *Tyuremnaya imperiya nacizma i ee krah* [Prison empire of Nazism and its collapse]. M. Yuridicheskaya literature. 1991. 384 p.
9. Horoshunov E. V. *Maydanek* [Maydanek] // *Lyudi, pobedivshie smert'. Vospominaniya byvshih uznikov fashistskih lagerej* – People who won death. Memoirs of former prisoners of nazi camps. Leningrad. Lenizdat. 1968. 416 p.
10. Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation (CAMD RF). F. 58. Inv. 18002. File 1094. Sh. 86.
11. CAMD RF. F. 58. Inv. 18001. File 115. Sh. 51.
12. CAMD RF. F. 58. Inv. 18002. File 1313. Sh. 35.
13. CAMD RF. F. 58. Inv. 18002. File 1094. Sh. 7.
14. CAMD RF. F. 58. Inv. 18001. File 1388. Sh. 31 turn.
15. CAMD RF. F. 58. Inv. 18002. File 1313. Sh. 32 turn.
16. CAMD RF. F. 58. Inv. 18002. File 1313. Sh. 64 turn.

17. CAMD RF. F. 58. Inv. 18002. File 1319. Sh. 8.
18. CAMD RF. F. 33. Inv. 690306. File 1779. Sh. 478.
19. CAMD RF. F. 58. Inv. 18002. File 1313. Sh. 28 turn.
20. CAMD RF. F. 58. Inv. 686196. File 4610. Sh. 187 turn.
21. Yakemenko B. G. *"Koncentracionnyj mir" nacistskoj Germanii: problema genezisa i osobennosti sistemy* ["The concentration world" of Nazi Germany: the problem of genesis and features of the system]. 2020. No. 6. Pp. 32-42.

Американская стратегия «расширения демократии» после окончания холодной войны

И. В. Михайлов

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.
Россия, г. Тамбов. E-mail: m.i.v.2000@mail.ru

Аннотация. Окончание холодной войны потребовало изменения внешнеполитического курса Соединенных Штатов. С распадом Советского Союза – доктрина сдерживания, постулаты которой служили основой американской внешней политики на протяжении предыдущих сорока пяти лет биполярного противостояния, как в геополитическом, так и в идеологическом плане перестала соответствовать требованиям наступившей эпохи. На смену «стратегии сдерживания коммунизма» пришла «стратегия расширения демократии». Актуальность данного исследования обусловлена тем обстоятельством, что концепция «расширения демократии», идейные основы которой были разработаны администрацией Уильяма Клинтона, стала по многим параметрам определять американскую внешнюю политику в последующий исторический период. В ее основе лежало следующее утверждение: порядкоформирующий мегатренд наступающего столетия – движение в сторону победы либеральной демократии и рыночной экономики во всем мире. Американская администрация должна не просто учитывать этот тренд при планировании внешнеполитической стратегии, но всеми своими ресурсами способствовать его усилению. Такой подход вполне соответствовал как продвижению американских национальных интересов, так и в целом стабилизации системы международных отношений после окончания холодной войны. В статье проанализированы взгляды представителей американского внешнеполитического сообщества на различные аспекты реализации стратегии «расширения демократии». После первоначальной эйфории по поводу «третьей демократической волны» появились вопросы к «качеству» новых демократий. В теоретическом плане это, в основном, было связано с пониманием западной системы ценностей, лежащих в основе демократического устройства общества и государства, как универсальной и отвечающей целям национального развития стран, принадлежащим к различным цивилизационным типам. Альтернативой было признание возможности равного существования в современном мире разнообразных и равнозначных ценностных и, соответственно, политических и социально-экономических систем. Каждый из этих вариантов предполагал различный вектор направленности американского внешнеполитического курса и роли США в мировой политике. От глобального доминирования до позиционирования Соединенных Штатов лидером евроатлантического сообщества развитых демократий.

Ключевые слова: администрация президента Клинтона, стратегия «расширения демократии», внешнеполитический курс США, «третья волна демократии».

Окончание холодной войны и распад Советского Союза принципиальным образом изменили структуру международных отношений в конце XX века. «Новый мировой порядок», пришедший на смену биполярной системе международных отношений, стал объектом пристального внимания американских ученых [21, р. 22]. Серьезные дебаты вызвала проблема глобальных трендов, которые не только создавали новые вызовы и угрозы Соединенным Штатам, но и открывали новые возможности.

Энтони Лейк, помощник по национальной безопасности 42-го президента США Уильяма Клинтона (1993–2000), администрации которого выпала достаточно сложная задача определить цели американской внешней политики в новой системе международных отношений, в своем программном выступлении в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Хопкинса выделил ряд факторов, охарактеризовав их как наиболее отличительные черты наступившей эпохи [24]. Наиболее важным трендом современного мира, по мнению помощника президента по национальной безопасности, стало значительное увеличение числа стран, стремящихся к демократии и рыночной экономике. В современном мире, подчеркнул Лейк, осталось всего три крупных страны с административно-командными экономическими системами и, соответственно, с авторитарным правительством. Этот факт позволял сделать вывод, что к концу XX столетия демократия как форма государственного устройства и рынок как форма организации экономики являются необходимыми средствами для достижений целей национального развития.

Фактором, сыгравшим решающую роль в появлении «Стратегии расширения демократии», стал распад Советского Союза. После ухода СССР с геополитической арены Америка осталась единственной сверхдержавой [22]. На смену биполярной системе международных отношений, главным содержанием которой было противостояние Соединенных Штатов и Советского Союза, пришел однополярный мировой порядок, во главе с США и их западными союзниками. «Однополярный момент» наступил не только в сфере военно-политического противоборства, но и в идеологической сфере. «Международная идеологическая система» из многополярной, каковой она была долгое время, трансформировалась в однополярную [23, р. 3]. Идеологическое противостояние было в центре мировой политики почти все XX столетие. Фашизм и коммунизм, бывшие соперниками западной либерально-демократической модели, потерпели поражение. Запад во главе с Америкой выиграл великую идеологическую битву. Следствием этого стало «беспрецедентное движение к демократии» во всем мире [18, р. 25]. Делался вывод, что победившая либерально-демократическая модель лишена каких-либо системных внутренних противоречий. Следовательно, глобальный характер демократизации имеет особое значение. Он свидетельствует о том, что исторический процесс движется в одном строго определенном направлении. Иными словами, «существует некая универсальная история, ведущая в сторону либеральной демократии» [8, с. 95].

Американский политолог с мировым именем Самюэль Хантингтон, точкой отсчета глобальной экспансии демократии в конце XX века назвал апрель 1974 года, когда рухнул авторитарный режим в Португалии. После его падения в мире началась, как сформулировал Хантингтон, «третья демократическая волна». Этот процесс не был однозначным и двигался по извилистой траектории. Сменам авторитарных политических режимов во многом препятствовали властные политические элиты. Тем не менее, движение к демократии, по мнению профессора Хантингтона, «приобрело характер неукротимой глобальной приливной волны, катящейся от одной победы к другой» [11, с. 32].

XX век богат на исторические события. Распад европейских колониальных империй, доминировавших в мировой политике в XIX веке. Две мировые войны, унесшие миллионы жизней и кардинальным образом перекроившие карту мира. Радикальные преобразования в Китае. Становление Японии как великой экономической державы и смещение, в целом, экономического баланса в Восточную и Юго-Восточную Азию. Тем не менее именно «подъем демократии» многие американские ученые и политики посчитали важнейшим трендом, определявшим ход истории на протяжении двадцатого столетия.

Демократия и рынок всегда были коренными американскими ценностями. Еще А. де Токвиль в своем классическом труде, написанном в начале XIX века, считал демократию основной чертой американской нации [7]. Известный российский американист В. В. Согрин выделял демократический мессианизм как один из цивилизационных факторов внешнеполитического развития США. По мнению профессора Согрина, в основе американского мессианского архетипа лежат взгляды первых переселенцев протестантов о построении на неосвоенном континенте «Града на холме», на который будут смотреть все народы [6, с. 32]. В следующем столетии в американской политической мысли появляется концепция «новой империи». Американская империя отличается от всех своих предшественниц уникальным, присущим только Соединенным Штатам, демократизмом. Очевидно, что эти идеи во многом сформировали американскую внешнеполитическую идентичность.

Тезис о том, что увеличение в мире количества демократических стран напрямую и положительно влияет на национальную безопасность, стал в Соединенных Штатах общепринятым. Связь проста и очевидна – чем больше в мире демократий, тем международная система более стабильна и бесконфликтна. Увеличение рыночных экономик, как следствие демократизации, расширяет мировую торговлю, помогает Соединенным Штатам находить сбыт своей продукции, тем самым создавая новые рабочие места и увеличивая благосостояние американских граждан. Одним из первых американских политиков, кто ввел эту тему в публичный дискурс, был 28-й президент Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсон [5]. В XX веке в Америке сложился двухпартийный консенсус по поводу необходимости содействия развитию в мире демократии и рыночной экономики. Победное для США окончание холодной войны упрочило это мнение в американской внешнеполитической элите [4]. Белый дом исходил из того, что внешняя политика, в основе которой лежит «прагматичный неовильсонизм», с одной стороны, соответствует американским национальным интересам, а с другой, способствует укреплению глобальной стабильности. Все американские стратегические цели, включая

обеспечение национальной безопасности на различных уровнях, так или иначе, были сконцентрированы именно на политике продвижения демократии. Иными словами, суть американской внешней политики после окончания холодной войны заключается в укреплении демократии в тех странах, где она есть, и содействии в ее установлении в тех странах, где она отсутствует [13, р. 22]. Концентрация усилий в этом направлении должна привести к достижению долгосрочной цели – «мир, в котором все ведущие державы должны принадлежать к демократическому сообществу с дальнейшим присоединением других государств, идущих по пути демократии и рыночной экономики» [14, р. 24]. Распространение демократии было признано интегрирующим элементом внешнеполитической стратегии администрации Клинтона.

Сам президент Клинтон в своих выступлениях неоднократно обращался к теме продвижения демократии. Выступая с трибуны ООН, практически сразу после вступления в должность, он особо обратил внимание мирового сообщества на появление в постбиполярном мире новых демократических государств [17, р. 808]. В Пекинском университете в июне 1998 года Клинтон говорил, что права человека, закрепленные в Декларации Организации Объединенных Наций, в своей идеологической основе не американские и не европейские. «Права универсальны», – констатировал президент [25]. Развивая данный тезис, он подчеркнул, что именно демократизация привела к таким положительным изменениям в мировой политике как окончание холодной войны. Противостояние, требующее огромных материальных и людских ресурсов, закончилось после распада советской империи, и спусковым крючком к этому послужили демократические реформы, начатые в Советском Союзе. Демократические перемены привели к прекращению череды военных переворотов и гражданских войн в Латинской Америке. Народы Африки организуют демократические выборы и берут рычаги управления государством в свои руки. Таким образом, делал вывод президент, от Филиппин до Монголии свобода завоевывает мир. Отличительная черта этого «завоевания» – повышение производительности труда и более высокооплачиваемая работа в странах, идущих по пути демократических преобразований. Но демократизация – это не только повышение уровня жизни. Свобода и демократия, по мнению Клинтона, – это права человека, которые распространяются ее на все более широкие слои населения.

Политика по защите прав человека в глобальном масштабе становится важной составляющей частью «Стратегии расширения демократии». Очевидно, что мир, после окончания холодной войны, открывал новые возможности для более широкого привлечения к помощи, в достижении целей внешней политики Вашингтона, частных и неправительственных организаций. Их значение в качестве союзников американской администрации в деле мониторинга прав человека и установлению связей с гражданским обществом увеличивалось. Именно неправительственным организациям отводилась главная роль в сотрудничестве с правозащитными сообществами, торговыми палатами, профсоюзами, защитниками окружающей среды, наблюдателями за ходом выборов.

В Белом доме полагали, что практическое наполнение «Стратегии расширения демократии» должно различаться в каждом конкретном случае. Но существовали и общие критерии:

1. Соединенные Штаты не должны действовать в одиночку. Америке следует возглавить мобилизацию международных ресурсов на заявленные цели.

2. США должны быть готовы действовать быстро и эффективно, в случае возникновения угроз демократическим преобразованиям.

3. Странам, идущим по пути демократизации, следует предоставить различные возможности от интеграции в сферу рыночной экономики.

4. Соединенные Штаты должны помочь этим государствам в «укреплении основ гражданского общества, совершенствования рыночных механизмов и структур, борьбы с коррупцией, преодоления политической нестабильности и выстраивания эффективной работы правительства» [15, р. 23].

Существенное значение в «Стратегии расширения демократии» уделялось вопросам гуманитарной помощи [16, р. 24]. Демократические преобразования и реформы связаны с одновременными изменениями и в экономической системе государства. Поэтому страны, ставшие на этот путь, столкнулись не только с трудностями построения эффективно функционирующих демократических институтов, но и с необходимостью проведения фундаментальных структурных преобразований в экономике. В реальной жизни это требовало жесткой регламентации расходной части бюджета при проведении экономических реформ, с одной стороны, и с недопущения социального взрыва в результате значительного снижения жизненного

уровня – с другой. Из Вашингтона советовали как можно быстрее проводить дерегулирование и приватизацию экономики. Но зачастую это вело к экономическому хаосу, росту бедности и усилению влияния олигархических группировок на политическую ситуацию. В результате провал экономических реформ во многих странах мира стал ассоциироваться с переходом к демократии. В этих случаях гуманитарная помощь должна была играть роль своеобразной «подушки безопасности».

Экономические трудности в транзитных странах были не единственной проблемой в процессе реализации «Стратегии расширения демократии». После успеха конца 1980-х и начала 1990-х годов «третья волна демократии» пошла на убыль. Появилось мнение о так называемом откате «третьей волны». Американское экспертное сообщество поставило перед собой и политической элитой страны далеко не праздные вопросы: какая модель демократии реализуется в незападных обществах? и какая демократия нам нужна? В частности, один из авторитетных американских исследователей мировых демократических процессов Ларри Даймонд выдвинул тезис о делении стран, вовлеченных в демократические преобразования, на три категории: страны либеральной демократии, электоральной демократии и псевдodemократические режимы [1]. Эти режимы нельзя назвать авторитарными, так как они регулярно проводят выборы и, что важно, в таких политических системах существуют легальные оппозиционные партии, которые могут бороться за власть и завоевывать места в парламенте. Но реальным политическим влиянием эти партии не обладают. Обращалось внимание на то, что демократизация идет необязательно в сторону либеральной демократии, она, как это ни странно, может вести к усилению автократических тенденций.

Такое развитие событий противоречило американскому видению демократических процессов. Идеологи «расширения демократии» полагали, что Соединенные Штаты не должны отождествлять демократию только с процедурой выборов. Демократия, по их мнению, имеет сложные требования, которые, безусловно, включают голосование и уважение к результатам выборов, но не только это [26, р. 9]. Для либерально-демократической модели важно гарантирование свободной политической дискуссии, бесцензурное распространение новостей и комментариев. Даже выборы могут быть недемократичными, если они проходят без предоставления разным сторонам процесса равной возможности представить свою точку зрения на существующее положение вещей.

В американском политическом лексиконе появилось понятие, так называемых, «нелиберальных демократий», в которых к власти путем демократических выборов пришли сильные авторитарные лидеры. Как подчеркивал Фарид Закария, нелиберальные демократии Центральной Азии и Латинской Америки трансформируются в диктатуры, проводящие выборы только с целью легитимизации власти. А переход к демократии в ряде стран Африки подорвал авторитет государства и способствовал возникновению региональных и этнических конфликтов [2, с. 99]. Перспективы демократизации наиболее влиятельных незападных государств – Китая, Индонезии, Ирана и ряда арабских стран – к концу второго президентского срока Уильяма Клинтона становились маловероятными. При этом в Соединенных Штатах признавали, что авторитарным и полуавторитарным режимам, во многих случаях, удавалось более эффективно, чем либеральным демократиям, решать текущие экономические проблемы. Особенно, если эти страны обладали значительными природными ресурсами. Высказывалось предположение, что советскую экономическую и политическую модель победила вовсе не либеральная демократия, а глобальный капитализм. По той простой причине, что политический и социальный либерализм, в отличие от направленного на экономические преобразования капитализма, не является притягательной моделью развития для всего мира [12, с. 369].

В этой связи, частью американского экспертного сообщества был поставлен под сомнение тезис, который, по сути, и был заложен в фундамент «Стратегии расширения демократии». А именно под сомнение было поставлено универсальность западных ценностей и либеральной демократии, рожденной в лоне Западной цивилизации, как основы политического и социального устройства обществ с разной культурной традицией. Является ли Запад цивилизацией, идеи и практики которой фундаментально отличаются от идей и практик прочих цивилизаций и, следовательно, не смогут быть ими приняты в полной мере? В этой связи, не ждет ли западный либерализм судьба советского марксизма, который после триумфального шествия по всему миру после Второй мировой войны, сошел с подмостков истории? Или, наоборот, всемирная экспансия Запада, прежде всего в виде распространения западной культуры, ценностей

и институтов, что и означает «распространение демократии», окончательно прервет возможность дальнейшего развития незападных цивилизаций?

Западная цивилизация уникальна, – полагал С. Хантингтон, – и именно в уникальности ее ценность. Индивидуальная свобода, господство закона, права человека и, собственно, политическая демократия и есть основы этой цивилизации. Поэтому на Соединенных Штатах Америки, как самой мощной стране Запада, и лежит ответственность по сохранению и защите уникальной западной цивилизации [9, с. 513–514]. Исходя из этого Хантингтон, в целом критикуя внешнеполитический курс клинтоновской администрации, предлагал взять за ориентир американской внешней политики после окончания холодной войны, национальные интересы США, в основе которых лежит позиционирование Америки, как наиболее могущественной страны уникальной западной цивилизации. Разница со «Стратегией расширения демократии» Э. Лейка заключалась, прежде всего, в том, что Соединенным Штатам, несмотря на победу в холодной войне и обретение статуса «одиокой сверхдержавы», нужно поставить предел своему влиянию и ограничить геополитическую и идеологическую экспансию. США должны консолидировать под эгидой НАТО новые демократии Центральной и Восточной Европы, выстраивая при этом, союзнические отношения со странами Латинской Америки. В то же время Америке следует сдерживать растущую военную мощь Китая и исламского мира, а не пытаться превратить их в подобие западных демократий. В возникающем сложном мире «этнических конфликтов и столкновения цивилизаций, – подчеркивал Хантингтон, – западная вера в универсальность западной культуры страдает от трех недостатков: она неверна; она аморальна, и она опасна» [10, с. 511].

Дальнейший ход истории показал, что Хантингтон во многом оказался прав. По сути это признал и его главный идейный оппонент Ф. Фукуяма, определив политику идентичности как главную ось мировой политики в начале XXI века [19]. Очевидно и другое – «третья волна демократии» сменилась, в терминологии Ларри Даймонда, «демократической рецессией». Китай и Россия отказываются следовать в идеологическом и геополитическом фарватере Запада. Ведущий российский внешнеполитический эксперт, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике С. А. Караганов прямо заявляет, что большую часть своей истории человечество развивалось в условиях авторитарных политических режимов и это помогало многим странам и цивилизациям достигать пика своего развития. По мнению Караганова, в современном мире народы должны развиваться в соответствии со своими историческими корнями и культурой. «Навязанная демократия никогда не была успешной формой правления и несет за собой бедствия, кровь и несвободу» [3]. Таким образом, выстраивается логика противников концепции «расширения демократии» – «неверна, аморальна и опасна» для Америки и чревата войнами и неокOLONИализмом для остального мира.

Либеральный миропорядок подвергается коррозии и внутри самой системы. Происходит рост национализма и становление нелиберальных демократий даже в тех регионах и странах, где, как казалось прежде, западная либеральная модель прочно пустила корни. Например, в Польше и Венгрии, по мнению авторов авторитетного издания «Journal of Democracy», была воспринята только демократическая, а не либеральная, то есть важная с ценностной точки зрения часть либерально-демократической модели [20]. Вместе с этим, нельзя отрицать, что «Стратегия расширения демократии», разработанная администрацией У. Клинтона, стала основой внешнеполитического курса Соединенных Штатов в конце XX и в начале XXI столетия. Это во многом определило облик современного мира и, вполне очевидно, будет серьезным образом и в дальнейшем влиять на мировую политику.

Список литературы

1. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1. С. 10–25.
2. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М. : Ладомир, 2004. 383 с.
3. Караганов С. А. Военный фактор как основа геополитики // Россия в глобальной политике. 15.12.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/voennyj-faktor-osnova-geopolitiki> (дата обращения: 20.12.20).
4. Михайлов И. В. «Прагматичный неовильсонизм»: идейные основы доктрины У. Клинтона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. № 3 (3). С. 25–34.
5. Романов В. В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. 515 с.
6. Согрин В. В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение США // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 25–43.

7. Токвиль А. де Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 554 с.
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2004. 588 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2005. 603 с.
10. Там же.
11. Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М. : РОССПЭН, 2003. 367 с.
12. Хелд Д. Модели демократии. М., 2014. 544 с.
13. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House Washington, D.C., February 1995. 33 p.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Clinton Address to the United Nations. September 27, 1993 // Historic Documents of 1993. Washington, D. C. : Congressional Quarterly Inc., 1994. Pp. 805-817.
18. Diamond L. Promoting Democracy // Foreign Policy. 1992. № 87. Summer. Pp. 25-46.
19. Fukuyama F. 30 Years of World Politics: What Has Changed? // Journal of Democracy. January, 2020. Pp. 11-21.
20. Holmes S., Krastev I. Explaining Eastern Europe: Imitation and Its Discontents // Journal of Democracy. July, 2018. Pp. 117-128.
21. Ikenberry J. G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 2001. 293 p.
22. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990 / 1991. Vol. 69. № 5. Winter. Pp. 23-45.
23. Kurth J. War, Peace, and the Ideologies of the Twentieth Century // Current History. 1999. Vol. 98. № 624. January. Pp. 3-16.
24. Lake A. From Containment to Enlargement. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University. Washington, D. C., September 21, 1993 // U. S. Department of State Dispatch. Vol. 4. № 39. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lakedoc.html> (дата обращения: 07.12.20).
25. President Clinton Remarks at Beijing University, 29 June 1998. URL: <https://china.usc.edu/president-clintons-beijing-university-speech-1998> (дата обращения: 07.12.20).
26. Sen A. K. Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. July, 1999. Pp. 3-17.

The American strategy for "expanding democracy" after the end of the Cold War

I. V. Mikhailov

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of International Relations and Political Science, Tambov State University n. a. G. R. Derzhavin. Russia, Tambov. E-mail: m.i.v.2000@mail.ru

Abstract. The end of the Cold War required a change in the foreign policy of the United States. With the collapse of the Soviet Union, the doctrine of deterrence, the tenets of which had served as the basis of American foreign policy during the previous forty – five years of bipolar confrontation, both in geopolitical and ideological terms, ceased to meet the requirements of the new era. The "strategy of containing communism" was replaced by the "strategy of expanding democracy". The relevance of this study is due to the fact that the concept of "expanding democracy", the ideological foundations of which were developed by the administration of William Clinton, began to determine American foreign policy in many ways in the subsequent historical period. It was based on the following statement: the order-forming megatrend of the coming century-the movement towards the victory of liberal democracy and market economy around the world. The US administration should not only take this trend into account when planning its foreign policy strategy, but also contribute to its strengthening with all its resources. This approach was quite consistent with both the promotion of American national interests and, in general, the stabilization of the system of international relations after the end of the Cold War. The article analyzes the views of representatives of the American foreign policy community on various aspects of the implementation of the strategy of "expanding democracy". After the initial euphoria about the "third democratic wave", questions arose about the "quality" of the new democracies. In theoretical terms, this was mainly due to the understanding of the Western system of values that underlie the democratic structure of society and the state, as universal and consistent with the goals of national development of countries belonging to different civilizational types. The alternative was to recognize the possibility of equal existence in the modern world of diverse and equivalent value systems and, accordingly, political and socio-economic systems. Each of these options assumed a different direction of the American foreign policy course and the role of the United States in world politics. From global dominance to the positioning of the United States as the leader of the Euro-Atlantic community of developed democracies.

Keywords: President Clinton's administration, the strategy of "expanding democracy", the US foreign policy course, "the third wave of democracy".

References

1. Dajmond L. *Proshla li "tret'ya volna" demokratizacii?* [Has the "third wave" of democratization passed?] // *Polis – Policy*. 1999. No. 1. Pp. 10–25.
2. Zakariya F. *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ih predelami* [The Future of freedom: Illiberal democracy in the United States and beyond]. M. Ladimir. 2004. 383 p.
3. Karaganov S. A. *Voennyj faktor kak osnova geopolitik* [The military factor as the basis of geopolitics] // *Rossiya v global'noj politike*. 15.12.2020 – Russia in Global Politics. 15.12.2020. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/voennyj-faktor-osnova-geopolitiki> (date accessed: 20.12.20).
4. Mihajlov I. V. *"Pragmaticchnyj neovil'sonizm": idejnye osnovy doktriny U. Klintona* ["Pragmatic Neovilsonism": ideological foundations of the doctrine of W. Clinton] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo* – Herald of the Tambov University. Series: Political Science and Law. 2015. No. 3 (3). Pp. 25–34.
5. Romanov V. V. *V poiskah novogo miroporyadka: vneshnepoliticheskaya mysl' SShA (1913–1921 gg.)* [In search of a new world order: foreign policy thought of the USA (1913–1921)]. Tambov. TSU n. a. G. R. Derzhavin. 2005. 515 p.
6. Sogrin V. V. *Civilizacionnoe i mezhdisciplinarnoe izuchenie SShA* [Civilizational and interdisciplinary study of the USA] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and newest history. 2015. No. 6. Pp. 25–43.
7. Tocqueville A. *de Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. M. Progress. 1992. 554 p.
8. Fukuyama F. *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. M. AST. 2004. 588 p.
9. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [The clash of civilizations]. M. AST. 2005. 603 p.
10. Ibid.
11. Huntington S. *Tret'ya volna: demokratizaciya v konce XX veka* [The third wave: democratization at the end of the XX century]. M. ROSSPAN. 2003. 367 p.
12. Held D. *Modeli demokratii* [Models of democracy]. M. 2014. 544 p.
13. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House Washington, D.C., February 1995. 33 p.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Clinton Address to the United Nations. September 27, 1993 // *Historic Documents of 1993*. Washington, D. C. : Congressional Quarterly Inc., 1994. Pp. 805–817.
18. Diamond L. *Promoting Democracy* // *Foreign Policy*. 1992. No. 87. Summer. Pp. 25–46.
19. Fukuyama F. *30 Years of World Politics: What Has Changed?* // *Journal of Democracy*. January, 2020. Pp. 11–21.
20. Holmes S., Krastev I. *Explaining Eastern Europe: Imitation and Its Discontents* // *Journal of Democracy*. July, 2018. Pp. 117–128.
21. Ikenberry J. G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 2001. 293 p.
22. Krauthammer Ch. *The Unipolar Moment* // *Foreign Affairs*. 1990 / 1991. Vol. 69. No. 5. Winter. Pp. 23–45.
23. Kurth J. *War, Peace, and the Ideologies of the Twentieth Century* // *Current History*. 1999. Vol. 98. No. 624. January. Pp. 3–16.
24. Lake A. *From Containment to Enlargement*. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University. Washington, D. C., September 21, 1993 // *U. S. Department of State Dispatch*. Vol. 4. No. 39. Available at: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lakedoc.html> (date accessed: 07.12.20).
25. President Clinton Remarks at Beijing University, 29 June 1998. Available at: <https://china.usc.edu/president-clintons-beijing-university-speech-1998> (date accessed: 07.12.20).
26. Sen A. K. *Democracy as a Universal Value* // *Journal of Democracy*. July, 1999. Pp. 3–17.

Стратиграфия и культурная идентификация городища Чукраклы и селища Кармасан в лесостепном Предуралье

Е. В. Русланов

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН.
Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0003-0387-3360. E-mail: butleger@mail.ru

Аннотация. За последнее время в Республике Башкортостан значительно увеличился интерес исследователей к изучению памятников эпохи средневековья, условный вакуум можно было наблюдать еще совсем недавно, когда археологические раскопки целенаправленно велись лишь на городище Уфа-2 в центре г. Уфы и спорадически в южных районах в основном усилиями экспедиции Башкирского государственного университета.

На сегодняшний день картина выглядит иначе, экспедициями академических центров республики проводятся ежегодные раскопки на раннесредневековом Бустанаевском комплексе памятников (могильник и городище), на селище эпохи Золотой орды – Подымалово-1, исследуются разновременные комплексы, в том числе и средневековые, на курганном могильнике Кусимово-3 в Башкирском Зауралье.

Также большое внимание уделяется разведкам, направленным на поиски памятников средневековья, как в Башкирском Предуралье, так и в Зауралье. За это время открыто несколько новых поселений – летонок чияликской культуры.

В предлагаемой публикации представлены результаты одной из таких разведок проведенной летом 2018 года в Чишминском и Кушнаренковском районах республики.

Одна из основных исследовательских задач, заключалась в выборе объекта для последующих полевых исследований, следуя ей, разведочной шурфовке подверглись многослойное селище Кармасан и Чукраклинское городище, памятники, содержащие культурные слои эпохи средневековья.

Статья вводит в научный оборот полученные данные, которые, на наш взгляд, увеличат репрезентативную базу источников по эпохе бронзы и средневековья рассматриваемой территории, с учетом ранее не изданных полевых материалов А. П. Шокурова.

Ключевые слова: эпоха средневековья, эпоха бронзы, абашевская культура, караякуповская культура, чияликская культура, Предуралье.

В середине I тысячелетия новой эры этническая ситуация в степях Евразии коренным образом меняется. На смену ираноязычным кочевникам раннего железного века приходят тюрко- и угроязычные кочевые и полукочевые племена гуннов, огузов, болгар, мадьяр и т. д. Эти изменения стали следствием глобального процесса, получившего название эпохи Великого переселения народов, в результате которого начала формироваться современная этническая карта значительной части Евразии. В эпоху средневековья степные и лесостепные пространства Южного Урала также пережили многочисленные волны миграций населения, двигавшегося из Центральной Азии на запад, в Европу и в обратном направлении. К ним относятся племена турбаслинской, кушнаренковской, караякуповской, культур. Позднее, уже в пред- и золотоордынское время, степь, по всей видимости, заселяют кипчакские кочевые орды, лесостепь и отчасти лес полукочевое население, оставившее памятники чияликской культуры. Археология сейчас, как и раньше, играет первостепенную роль в реконструкции этих этнических процессов, происходивших на Южном Урале в средневековье, скудный корпус нарративных источников влечет за собой пристальное внимание к публикуемым памятникам, комплексам и отдельным находкам, способствующим пополнению базы данных по тому или иному аспекту средневековой археологии.

Ввиду этого, на наш взгляд, уместной кажется группировка памятников, хронологически не связанных между собой, но важных в понимании расселения раннесредневекового

караякуповского и позднесредневекового чияликского населения в пределах Предуралья, в структуре одной статьи.

Вышедшее недавно сообщение [10] стало своеобразным дайджестом, предваряющим развернутую статью интерпретационного характера, суть которого отражена ниже.

Рассматриваемые памятники, территориально приурочены к Бельско-Уршакской водораздельной поверхности в пределах Прибельской увалисто-волнистой равнины, в переходной лесостепной зоне Предуралья. Это преимущественно холмистая местность занимает большую часть Западной Башкирии, где сообщества луговой степи чередуются с участками лиственных лесов [13, с. 10, 12, 15–17, рис. 1, 2].

Материалы и методы. Чукраклинское городище расположено в 1,6 км к востоку от восточной окраины с. Чукраклы Чишминского района Республики Башкортостан, в 2,2 км к востоку от правого берега р. Дема. Памятник находится на правом крутом краю глубокого оврага (глубина 8-10 м), образованного небольшим безымянным ручьем, выходящим к пойме правого берега р. Дема (рис. 1.1).

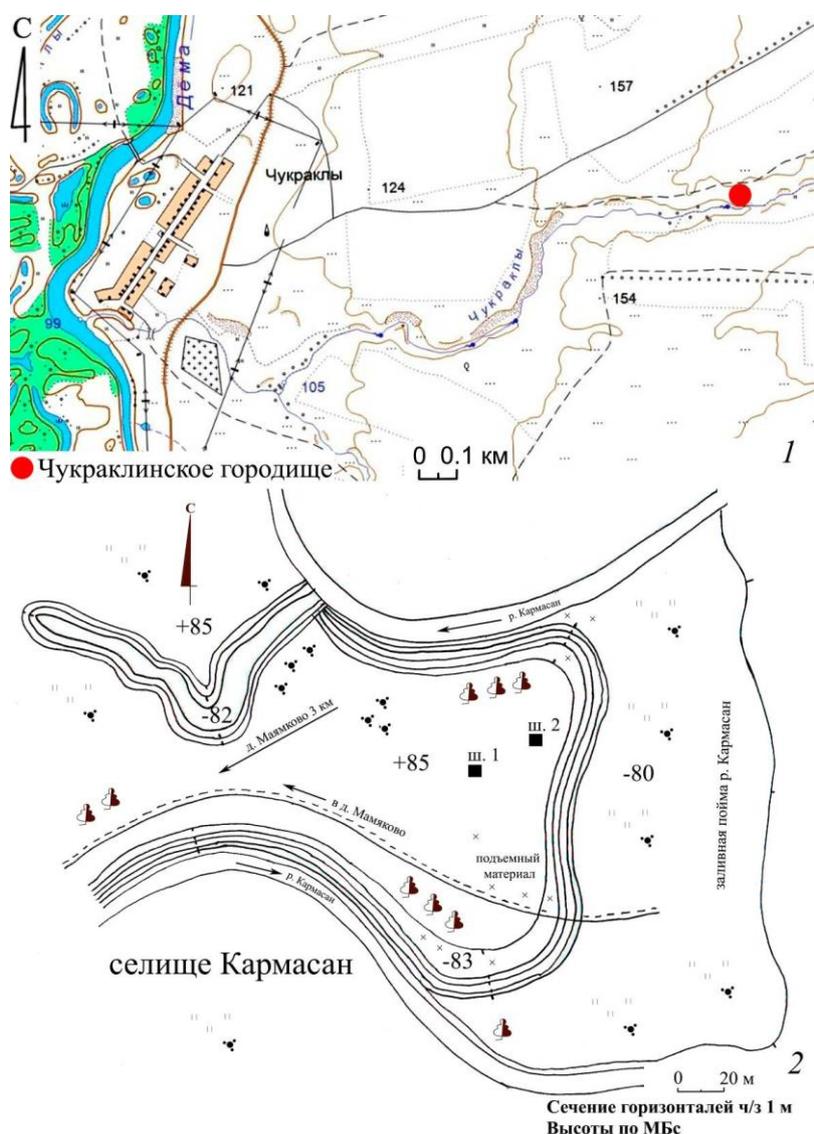

Рис. 1. 1 – месторасположение Чукраклинского городища; 2 – топографический план селища Кармасан

Памятник открыт и исследован в 1973 г. С. М. Васюткиным и В. С. Горбуновым. Ими было отмечено, что с напольной стороны городище защищено двумя валами. В заложенном шурфе найдены фрагменты керамики караякуповской культуры эпохи раннего средневековья [6].

В 1984 г. площадка памятника была осмотрена И. М. Акбулатовым, который зафиксировал практически полное разрушение внешнего второго вала установкой нефтедобывающей скважины, а также обустройством подъезда к ней [1].

В ходе инвентаризации памятников Чишминского района в 1989 г. В. Н. Васильевым установлено неверное местоположение и уничтожение городища – в отчете отмечено, что памятник полностью разрушен кустом нефтедобывающих качалок [5].

В 2017 г. точное местоположение памятника было установлено Е. В. Бубнелем, им же собран подъемный материал в виде фрагментов керамики [3].

Городище имеет два оборонительных вала, мощность культурного слоя незначительна. Этой информации, учитывая отсутствие базовых коллекций 1973 г. в фондах г. Уфы, было крайне мало для дальнейшего изучения памятника, ввиду чего было принято решение о закладке на его площадке разведочных шурфов с целью установления мощности культурного слоя на разных участках.

Результаты. Экспедицией 2018 года заложено 3 шурфа. Два (№ 2 и 3) 1×1 м, и один (№ 1) размером 1×2 м. Шурфом № 1 изучена восточная часть площадки, шурфом № 2 вскрыт культурный слой в центральной части памятника, шурф № 3 был заложен сразу за внутренним валом городища. Стоит отметить, что во всех заложенных шурфах стратиграфия практически идентична, с небольшими отклонениями по мощности и комковатости напластований. Мощность культурного слоя, как это отмечалось и первооткрывателями, действительно небольшая.

Приведем для примера описание литологических напластований в шурфе № 1. Стратиграфия следующая: дерн – 2-3 см, светло-коричневая рыхлая супесь – 3-15 см, светло-серый рыхлый гумус переход к материковому слою нечеткий – 15-30 см, материк – светло-коричневый рыхлый суглинок (глубже 30 см). Глубина шурфа – 80 см. Немногочисленный археологический материал во всех шурфах встречен в слое светло-серого рыхлого гумуса мощностью до 15-20 см (рис. 2.2).

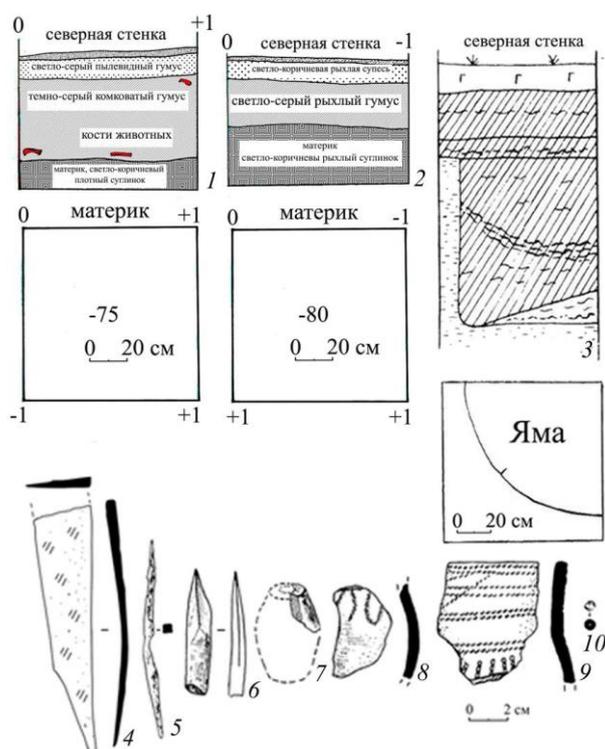

Рис. 2. 1 – селище Кармасан, шурф № 1; 2 – Чукраклинское городище, шурф № 1; 3-10 – селище Кармасан, шурф № 4 и находки из него (раскопки А. П. Шокурова, 1955 г.)

Полученный в ходе шурфовки материал представлен керамикой караякуповской культуры эпохи раннего средневековья. Все фрагменты тонкостенные от лепных сосудов, их внешняя поверхность тщательно заглажена мягким предметом, а внутренняя часто обработана

мелкозубчатым штампом. Орнамент состоит из наклонных отпечатков короткого гладкого или зубчатого штампа на венчиках, горизонтальных линий на шейке и плечике, поясков из ямок и выпуклин т. н. «жемчужин» (рис. 3.12-21). Также найдена небольшая глиняная льячка со следами ошлаковки (рис. 3.22).

Рис. 3. 1-11 – селище Кармасан. Шурф № 2 (8-11 – гор. 1; 1, 7-гор. 2; 2, 3, 6 – гор. 3; 4-5 – гор. 4);
12-22 – Чукраклинское городище (14, 16, 18, 20, 21 – шурф № 1; 12, 13, 17, 22 – шурф № 2;
15, 19 – шурф № 3). 1, 7 – межовская культура; 4, 5 – абашевская культура; 2, 3, 6 – срубная культура;
8-11 – чияликская культура; 12-22 – караякуповская культура

Находок, позволяющих сузить дату бытования городища, не обнаружено. Тем не менее, по аналогии с данными ближайших синхронных памятников караякуповской культуры (Караякуповское, Таптыковское городища), расположенных в 25-40 км к северу, Чукраклинское городище может быть датировано в рамках VII-IX вв. [8, с. 113-121; 9, с. 13-22; 2, с. 31-52].

По определению остеолога ИИЯЛ УФИЦ РАН А. А. Романова кости, полученные в ходе раскопок памятника 1973 и 2018 гг., принадлежат лошади, КРС, свинье, бобру, косуле и неопределенной до вида птице. Учитывая, что городище – однослойный памятник, содержащий исключительно материалы караякуповской культуры, то приведенный список животных отражает хозяйственную и охотничью сторону жизнедеятельности населения, оставившего его.

В настоящее время памятник находится в аварийном состоянии, южная оконечность городища ежегодно разрушается в ходе естественных процессов эрозии почвы, северная уничтожена установкой и обустройством нефтяных станков-качалок.

Селище Кармасан находится в 3 км к северо-востоку от восточной окраины д. Мамяково Кушнаренковского района Республики Башкортостан, на высоком (7-8 м) мысу левого берега р. Кармасан. Мыс, на котором расположен памятник, имеет размеры 270×190 м, река почти

замкнула его с северо-западного конца. В обрывах берега с юго-западной и северо-восточной сторон встречаются фрагменты керамики и кости животных. С северо-западной стороны селища образовался большой овраг, который практически перерезал въезд на мыс. С юго-восточной стороны к селищу примыкает широкая пойма 0,6 км, образованная изгибом р. Кармасан (рис. 1.2).

Памятник открыт А. П. Шокуровым в 1955 г. [14, с. 50], который заложил на селище 4 шурфа размером 1×1 м, в результате чего была получена коллекция керамики абашевской и срубной культур эпохи бронзы и чияликской культуры позднего средневековья, найдены изделия из железа, бронзовый серп, грузило, костяные изделия.

В шурфах № 1–3 обнаружен культурный слой мощностью около 0,8 м. Находки представлены костями животных, фрагментами лепной керамики, железными шлаками. В шурф № 4 частично попала интересная яма округлой формы (предположительный диаметр – 2,4 м), большая часть которой вышла за пределы раскопа (рис. 2.3). Глубина ямы 1,75 м от современной поверхности и 1,2 м в материк. В засыпи ямы, на глубине 0,8-1,0 м, расчищены остатки обгоревших плах, остатки липовой и березовой коры. Ниже, на глубине 1,1-1,2 м, фиксировалось зольное пятно. На дне ямы попадалось много золы, угля и костей рыб. В шурфе и в яме найдены: кости животных (корова, лошадь) и рыб (большой частью судак), обломок грузила от сетей, костяная проколка или заготовка наконечника стрелы, фрагменты и развалы сосудов, железное шило. На берегу реки найдена круглая бусина (диаметром 4 мм) синего стекла. Яма, судя по найденным в ней вещам (железное шило и глиняное грузило), может быть датирована эпохой позднего средневековья (рис. 2.4–10).

Керамика чияликской культуры, полученная А. П. Шокуровым, лепная, круглодонная, в качестве основных примесей к глиняному тесту использовались песок и мелкотолченая раковина. Сосуды украшены оттисками веревочки на венчике и плечиках, а также зубчатого штампа.

С момента открытия селище более не обследовалось, в 2018 г. зафиксировано его современное состояние, а также определена стратиграфия и мощность культурного слоя. Для этих целей было заложено 2 шурфа.

Шурф № 1 расположен в центральной части мыса, на ровной хорошо задернованной поверхности. Стратиграфически прослеживаются следующие напластования: дерн – 2-3 см, светло-серая рыхлая супесь, переход к нижележащему слою четкий – 3-15 см, темно-серый комковатый гумус, переход к матерiku не четкий – 15-60 см, материк – светло-коричневый плотный суглинок (глубже 60 см). Глубина шурфа – 85 см. Археологический материал встречен на всех горизонтах. Мощность культурного слоя составляет 70-75 см. В ходе работ встречены многочисленные фрагменты керамики эпохи бронзы, а также большое количество костей животных (см. рис. 4).

Шурф № 2 находится в 26 м к востоку от шурфа № 1, ближе к восточному краю мыса. Стратиграфия его следующая: дерн – 3-5 см, светло-серая рыхлая супесь, переход к нижележащему слою четкий – 3-17 см, темно-серый комковатый гумус, переход к матерiku четкий – 15-60 см, материк – светло-коричневый плотный суглинок (глубже 60 см). Глубина шурфа – 75 см. Мощность культурного слоя составляет 60-65 см.

Культурный слой содержал фрагменты керамики эпохи позднего средневековья и бронзы, а также большое количество костей животных (рис. 3.1-11). Материал эпохи позднего средневековья встречен в верхних слоях – он залегает в слое светло-серой рыхлой супеси мощностью 10-15 см, который четко отделяется от подстилающего слоя темно-серого среднекомковатого гумуса. Основная масса керамики эпохи бронзы встречена в слое темно-серого среднекомковатого гумуса мощностью 40-45 см.

По определению А. А. Романова, остеологический материал из шурфов 2018 г. представлен костями КРС, МРС, свиньи, лошади и птицы.

Керамику селища Кармасан можно разделить на две хронологические группы.

К **1 группе** относится керамика эпохи позднего средневековья (рис. 3.8–10), сконцентрированная в верхнем слое на восточной оконечности мыса в шурфе № 2, а также фрагмент железной дужки, от пряжки подквадратной формы (рис. 2.8, 9; 3.11), глиняное грузило, железное шило (рис. 2.5, 7). К этой группе относятся фрагменты лепной керамики, в качестве основных примесей к глиняному тесту использовались песок и мелкотолченая раковина. Сосуды украшены оттисками веревочки на венчике и плечиках, а также зубчатого штампа. Керамика относится к чияликской археологической культуре. По всей видимости, на этом месте протекала хозяйственная деятельность в эпоху Золотой Орды.

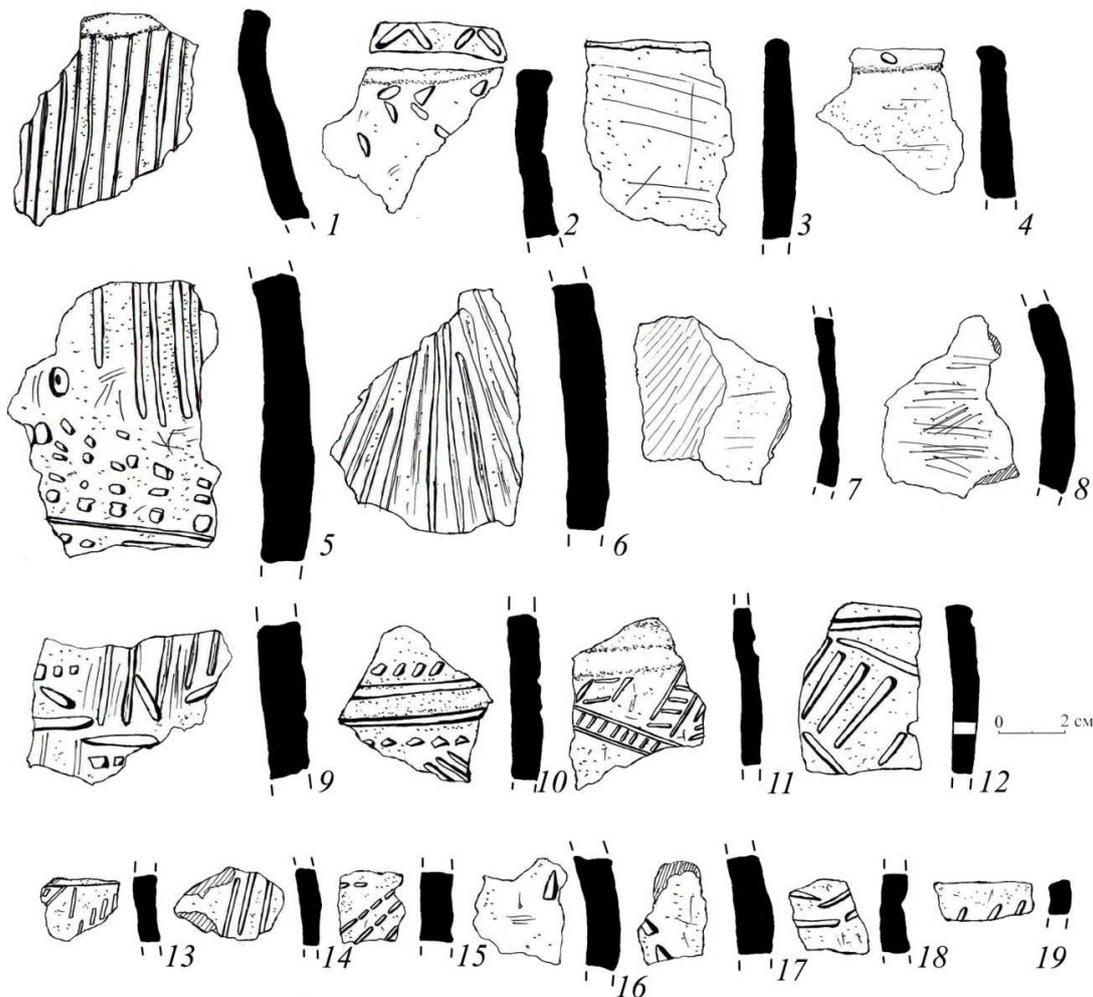

Рис. 4. Селище Кармасан. Шурф № 1. 2–4 – гор. 1; 7–10, 13–15 – гор. 2; 12, 16–19 – гор. 3; 1, 5, 6, 9, 11 – гор. 4.
1, 5, 6, 9 – покровская культура; 11 – абашевская культура; 2–4, 7, 8, 10, 12–19 – срубная культура

2 группа включает в себя керамику эпохи бронзы, которую, в свою очередь, можно разделить на абашевскую, покровскую (раннесрубную) (рис. 4.1, 5, 6, 9), классическую срубную (развитого этапа), а также межовскую.

Фрагменты сосудов абашевской культуры имеют в тесте примесь мелкотолченой раковины, орнамент представлен канелюрами, длинными лесенками. Венчики отогнуты наружу, образуя острое внутреннее ребро (рис. 3.4, 5; 4.11).

Срубная керамика орнаментирована расчесами по тулову и венчику, найдены фрагменты, украшенные гребенчатым штампом и семечковидными вдавлениями. Цвет посуды варьируется от темно-серого до коричневого. На некоторых фрагментах прослежены следы нагара. В качестве примеси в тесте присутствует шамот (рис. 3.2, 3, 6; 4.2–4, 7, 8, 10, 12–19). Также к срубной культуре можно отнести фрагмент серпа (рис. 2.4).

Межовская керамика имеет светло-коричневый цвет, в тесте примесь раковины. Венчик скошен вовнутрь. Орнаменту присущ выраженный геометризм: среди узоров преобладают ряды насечек, зигзагообразные линии. Орнамент выполнялся оттисками гребенки, гладкого штампа и прочерчиванием (рис. 3.1, 7).

Полученные данные дают основание говорить, как минимум, о трех этапах заселения площадки селища. Первый связан с появлением «абашевского» населения, второй – со срубной и, возможно, хронологически близкой ей по времени межовской культурой. К сожалению, стерильных прослоек в ходе шурфовки проследить не удалось.

Третий этап датируется эпохой позднего средневековья (XII–XIV вв.), к нему относятся фрагменты керамики чияликской культуры, найденные А. П. Шокуровым, а также бусина, глиняное грузило, железное шило и, по всей видимости, археологизированные остатки ямы округлой формы из шурфа № 4.

Заключение. Проведенные на памятниках работы показали, что с точки зрения стационарного изучения оба объекта являются перспективными для раскопок. Чукраклинское городище, являясь по сути однослойным, при полном изучении может существенно дополнить имеющиеся представления о хозяйственно-бытовом укладе караякуповского населения, хотя, надо признать, что по мощности и насыщенности культурный слой Чукраклинского городища значительно уступает синхронному с ним Караякуповскому городищу.

Позднесредневековое селище Кармасан представляло собой, по-видимому, небольшой сезонный летник, локализующийся на северо-западной оконечности памятника в районе шурфа № 2 (рис. 1), о чем говорит и небольшое количество находок, связанных с этим периодом. Основная же масса полученного материала относится к эпохе бронзы, мощность культурного слоя, его насыщенность, наличие керамики абашевской, раннесрубной и межовской культур ставят селище Кармасан в ряд нетривиальных поселений бронзового века.

Нужно отметить, что для нижнего течения р. Кармасан ситуация с наличием многослойных памятников типична. К примеру, на стоянках Мамяково, Шарипово II и других исследованных объектах, расположенных на высоких мысах, выявлены разновременные культурные слои, нижние горизонты которых чаще всего представлены эпохой бронзы, верхние, как правило, содержат материалы раннего и позднего средневековья.

Подводя итог, акцентируем внимание на расположении известных нам караякуповских городищ, дальнейшие работы по обследованию небольших правых притоков реки Дема в их приустьевой части могут привести к открытию новых памятников караякуповской культуры.

В то же время разведки в долине реки Кармасан увеличат корпус малоисследованной группы памятников чияликской культуры, в которой, судя по всему, преобладали кратковременные или сезонные поселения – летовки [7], поскольку культурные слои выявленных селищ слабо насыщены находками. Схожую по концентрации памятников чияликской культуры ситуацию можно наблюдать на участке среднего и верхнего течения р. Дема в центральной Башкирии, с той лишь разницей, что в ходе планомерных разведочных работ здесь выявлена представительная группа грунтовых могильников и, по всей видимости, несколько долговременных поселений – зимников, к числу которых можно отнести селища Горново и Нижнехозятово [4; 11; 12].

Список литературы

1. Акбулатов И. М. Научный отчет о разведках в Илишевском, Чишминском, Бишбулякском и Миякинском районах Башкирской АССР в 1984 г. // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.
2. Акбулатов И. М. Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А. Х. Халиков. Уфа : Башкирский научный центр Уральского отделение РАН, 1988. С. 31–52.
3. Бубнель Е. В. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований по правому берегу р. Дема в Уфимском и Чишминском районах Республики Башкортостан по Открытому листу № 1963 от 13.09.2017 г. // Архив Национального музея Республики Башкортостан.
4. Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 – многослойный памятник в лесостепном Приуралье / Д. В. Вальков, Е. В. Русланов, Д. В. Семин, А. И. Фахретдинов // Уфимский археологический вестник. 2020. Вып. 20. С. 120–133.
5. Васильев В. Н. Научный отчет об археологических разведках и раскопках в Благоварском, Благовещенском и Чишминском районах БАССР весной и летом 1989 года // Научный архив Института археологии РАН.
6. Горбунов В. С., Васюткин С. М. Отчет о работе археологической экспедиции Башкирского государственного университета в 1973 году // Научный архив Института археологии РАН. Фонд Р. 1, дело 5185.
7. Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
8. Матвеева Г. И. Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. 1968. Т. 3. С. 113–121.
9. Матвеева Г. И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. С. Г. Басин. Вып. 5. Куйбышев : Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, 1975. С. 13–22.
10. Русланов Е. В., Русланова Р. Р., Ляскович В. И. Исследования памятников эпохи бронзы и средневековья в центральной Башкирии // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М. : Институт археологии РАН, 2020. С. 393–395.
11. Русланов Е. В. Результаты исследования Новотроицкого грунтового могильника в контексте древностей золотоордынского времени Башкирии // Вестник гуманитарного образования. № 2 (18). 2020. С. 77–85.

12. Русланов Е. В. Несколько раннемусульманских погребений из грунтовых могильников лесостепного Предуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. 2020. С. 134–140.

13. Шакиров А. В. Эколого-географический анализ и районирование территории Республики Башкортостан : автореф. дис. ... докт. геогр. наук : 25.00.36. Уфа, 2005. 43 с.

14. Шокуров А. П. Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском районе БАССР // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 21.

Stratigraphy and cultural identification of the Chukrakly settlement and Karmasan settlement in the forest-steppe Urals

E. V. Ruslanov

PhD in Historical Sciences, researcher, Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Ufa. ORCID: 0000-0003-0387-3360. E-mail: butleger@mail.ru

Annotation. Recently, in the Republic of Bashkortostan, the interest of researchers in the study of monuments of the Middle Ages has increased significantly, a conditional vacuum could be observed more recently, when archaeological excavations were purposefully conducted only at the Ufa-2 settlement in the center of Ufa and sporadically in the southern regions, mainly by the efforts of the Bashkir State University expedition.

Today, the picture looks different, the expeditions of the academic centers of the republic conduct annual excavations at the early medieval Bustanayevsky complex of monuments (burial ground and settlement), at the village of the Golden Horde – Podymalovo-1, explore multi-time complexes, including medieval ones, at the Kusimovo-3 burial mound in the Bashkir Trans-Urals.

Also, much attention is paid to the exploration aimed at finding monuments of the Middle Ages, both in the Bashkir Pre-Urals and in the Trans-Urals. During this time, several new settlements were opened – letovki (buildings for temporary residence in summer) of the Chiyalik culture.

The proposed publication presents the results of one of these surveys conducted in the summer of 2018 in the Chishminsky and Kushnarenkovsky districts of the republic.

One of the main research tasks was to select an object for subsequent field research, following it, the multi-layered settlement of Karmasan and the Chukraklynsky settlement, monuments containing cultural layers of the Middle Ages, were subjected to exploration drilling.

The article introduces the obtained data into scientific circulation, which, in our opinion, will increase the representative base of sources on the Bronze Age and the Middle Ages of the territory under consideration, taking into account the previously unpublished field materials of A. P. Shokurov.

Keywords: Middle Ages, Bronze Age, Abashev culture, Karayakup culture, Chiyalik culture, Pre-Urals.

References

1. Akbulatov I. M. *Nauchnyj otchet o razvedkah v Ilishevskom, Chishminskom, Bishbulyakskom i Miyakinskom rajonah Bashkirskoj ASSR v 1984 g.* [Scientific report on exploration in Ilishevsky, Chishminsky, Bishbulyaksky and Miyakinsky districts of the Bashkir ASSR in 1984] // *Arhiv IYAL UFIC RAN* – Archive of Institute of Foreign Languages of Ufa Federal Research Center of RAS.

2. Akbulatov I. M. *Keramika Tapykovskogo gorodishcha epohi rannego srednevekov'ya* [Ceramics of Tapykovskiy gorodishche of epoch of the early Middle Ages] // *Problemy drevnih ugrov na Yuzhnom Urale* – Problems of ancient Ugric peoples in the Southern Urals / ed. by A. H. Halikov. Ufa. Bashkir Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 1988. Pp. 31–52.

3. Bubnel' E. V. *Nauchnyj otchet o provedenii razvedochnyh arheologicheskikh issledovaniy po pravomu beregu r. Dema v Ufimskom i Chishminskom rajonah Respubliki Bashkortostan po Otkrytomu listu № 1963 ot 13.09.2017 g.* [Scientific report on conducting exploratory archaeological research on the right bank of the Dema River in the Ufa and Chishminsky districts of the Republic of Bashkortostan according to Open Sheet No. 1963 of 13.09.2017] // *Arhiv Nacional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan* – Archive of the National Museum of the Republic of Bashkortostan.

4. *Stoyanka i gruntovyy mogil'nik Kalinovka-4 – mnogoslojnyj pamyatnik v lesostepnom Priural'e* – Camp and dirt burial ground Kalinovka-4 – multilayered monument in the forest-steppe Urals / D. V. Valkov, E. V. Ruslanov, D. V. Semin, A. I. Fahretdinov // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa Archaeological herald. 2020. Is. 20. Pp. 120–133.

5. Vasil'ev V. N. *Nauchnyj otchet ob arheologicheskikh razvedkah i raskopkah v Blagovarskom, Blagoveshchenskom i Chishminskom rajonah BASSR vesnoj i letom 1989 goda* [Scientific report on archaeological exploration and excavations in the Blagovarsky, Blagoveshchensk and Chishminsky districts of the BASSR in the spring and summer of 1989] // *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii RAN* – Scientific Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

6. Gorbunov V. S., Vasyutkin S. M. *Otchet o rabote arheologicheskoy ekspedicii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta v 1973 godu* [Report on the work of the archaeological expedition of the Bashkir State University in 1973] // *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii RAN – Scientific Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*. Fund R. 1, file 5185.

7. Garustovich G. N. *Chiyalikskaya arheologicheskaya kultura epochi srednevovya na Yuzhnom Ural* [Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik – Ufa archeologica herald*. 2015. Is. 15. Pp. 181–198.

8. Matveeva G. I. *Pamyatniki I tsysacheletiya novoj ery levoberezh'ya r. Beloj* [Monuments of the first millennium of the new era of the left bank of the Belaya River] // *Arheologiya i etnografiya Bashkirii – Archeology and ethnography of Bashkiria* / ed. by R. G. Kuzeev. 1968. Vol. 3. Pp. 113–121.

9. Matveeva G. I. *Pamyatniki kara-yakupovskogo tipa v Priural'e* [Monuments of the Kara-Yakupov type in the Urals] // *Iz istorii Srednego Povolzh'ya i Priural'ya – From the history of the Middle Volga Region and the Urals* / ed. by S. G. Basin. Is. 5. Kuibyshev. Kuibyshev State Pedagogical Institute n. a. V. V. Kuibyshev. 1975. Pp. 13–22.

10. Ruslanov E. V., Ruslanova R. R., Lyasovich V. I. *Issledovaniya pamyatnikov epohi bronzy i srednevekov'ya v central'noj Bashkirii* [Studies of monuments of the Bronze Age and the Middle Ages in Central Bashkiria] // *Arheologicheskie otkrytiya. 2018 god – Archeological discoveries. 2018* / resp. ed. N. V. Lopatin. M. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. 2020. Pp. 393–395.

11. Ruslanov E. V. *Rezultaty issledovaniya Novotroitskogo gruntovogo mogil'nika v kontekste drevnostej zolotoordynskogo vremeni Bashkirii* [Results of the research of the Novotroitsky ground burial ground in the context of the antiquities of the Golden Horde time of Bashkiria] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of humanitarian education*. No. 2 (18). 2020. Pp. 77–85.

12. Ruslanov E. V. *Neskol'ko rannemusul'manskih pogrebenij iz gruntovyh mogil'nikov lesostepnogo Predural'ya* [Several early Muslim burials from the ground burial grounds of the forest-steppe Urals] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik – Ufa Archaeological herald*. Is. 20. 2020. Pp. 134–140.

13. Shakirov A. V. *Ekologo-geograficheskij analiz i rajonirovanie territorii Respubliki Bashkortostan : avtoref. dis. ... dokt. geogr. nauk : 25.00.36* [Ecological and geographical analysis and zoning of the territory of the Republic of Bashkortostan : abstract ... Dr. of Geogr. Science : 25.00.36]. Ufa. 2005. 43 p.

14. Shokurov A. P. *Otchet Bel'skogo otryada ob arheologicheskoy rabote letom 1955 g. v Kushnarenkovskom rajone BASSR* [Report of the Belsky detachment on the archaeological work in the summer of 1955 in the Kushnarenkovsky district of the BASSR] // *Arhiv IYAL UFIC RAN – Archive of Institute of Foreign Languages of Ufa Federal Research Center of RAS*.

Композиционный параллелизм в романе М. Варгаса Льосы «Зеленый дом»

Б. В. Ковалев¹, А. П. Жуков²

¹студент кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-1904-1844. E-mail: bvkovalev@yandex.ru

²кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-5012-5421. E-mail: andreszh@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка системного анализа композиции и структуры диалогов в романе Марио Варгаса Льосы «Зеленый дом». Актуальность работы обусловлена вниманием современной гуманитарной науки к латиноамериканскому роману второй половины XX в., периоду так называемого «латиноамериканского бума», представляющего особый интерес в связи с общемировой тенденцией к глобализму. Методологической базой исследования послужили труды А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского и Р. О. Якобсона, а также принципы структурного анализа текста и техника пристального чтения. В ходе исследования выясняется, что М. Варгас Льоса, намереваясь создать эпический, запечатлевающий в слове действительность текст, обращается к композиционному параллелизму как к приему, позволяющему наиболее ярко передать эффект «воссозданной реальности». В статье описывается структура романа, которую создает Варгас Льоса, анализируется и систематизируется последовательность глав и частей, а также их соотносительность с манерами повествования и различными типами диалогов. Всего в романе функционируют три типа диалога, предпринимается попытка их классификации с опорой на терминологию В. В. Виноградова. Анализируя структуру романа, авторы приходят к выводу, что «Зеленый дом» – не статический, а динамический текст, чья структура меняется, разрушаясь к финалу, однако ее «движение» представляет собой композиционно-семантическое единство. М. Варгас Льоса отказывается во второй части романа от композиционного параллелизма как ключевого приема, что приводит к разрушению структуры текста и обусловлено сюжетом и переменной типа взаимоотношений на уровне персонажей.

Ключевые слова: Варгас Льоса, композиция, параллелизм, структура текста, диалоги.

«Зеленый дом» как тотальный роман. Несмотря на то что в контексте общемировых исследований в области литератур Латинской Америки второй половины XX в. М. Варгас Льоса является одним из самых популярных и изучаемых авторов, в отечественном литературоведении количество фундаментальных исследований его поэтики в настоящий момент не слишком велико. Одной из главных и основополагающих работ, посвященных творчеству М. Варгаса Льосы, на русском языке является статья М. Ф. Надъярных в 5 томе «Истории литератур Латинской Америки»: «Проблемы самобытности, культурной памяти, всеобщности исторического и космогонического действия – ключевые для латиноамериканского художественного сознания – приобрели особое значение в творчестве перуанского писателя Марио Варгаса Льосы. Они объединились в авторской концепции преодоления трагического вектора развертывания мира в слове, но воплотились в образах тотального насилия, всеобщего тлетворного разложения, гниения и смрада. Варгас Льоса считается самым жестоким из новых латиноамериканских романистов, хотя сам автор настаивает на генетической связанности романного жанра с “абсолютом человеческой реальности”, ради воплощения которого каждый истинный романист взламывает живую прелесть видимого мира и беспощадно расщепляет собственную личность» [10, с. 622].

Современный исследователь, профессор университета Барселоны Бернат Кастанни Прадо в своей работе «Скептицизм в “Дон Кихоте” М. де Сервантеса и “Воине конца света” М. Варгаса Льосы» характеризует ранний период творчества перуанского прозаика так:

«Несмотря на то что в начале своего пути Марио Варгас Льюса задумывал каждый из своих романов как средство для глобального воссоздания человеческого универсума (именно ему принадлежит высказывание: “Роман – это словесное воспроизведение реальности”) мы не должны забывать, что его так называемый “тотальный роман” – не столько механическое воспроизведение реальности, сколько ее замена реальностью литературной, независимой, “инаковой”.

Варгас Льюса намеревается реализовать свой асинхронный проект “тотального романа” в “Городе и псах” (1963), “Зеленом доме” (1966) и в “Разговоре в Соборе” (1969), в то время как второй этап его творчества, связанный с написанием романа “Панталеон Пантоха и Рота добрых услуг” (1973), знаменуется некоторым кризисом его реалистических убеждений. Несомненно, позиция автора видоизменяется, истории становятся менее сложными и всеохватными, в его романах начинают становиться осязаемыми пределы языка¹» [14, с. 20].

«Ощущение пределов языка», осознание конечности слова как средства художественного выражения придет к М. Варгасу Льюсе отнюдь не сразу: на раннем этапе творчества он верит, что сможет выстроить сложную, «плотную», тщательно продуманную материю. Именно поэтому поэтика его тотальных романов («Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в “Соборе”») представляет особый интерес для исследования. Бернат Кастани Прадо отмечает: «Романы “догматического” этапа, каковыми являются, например, “Город и псы” (1963), “Зеленый дом” (1966) и “Разговор в “Соборе”» (1969), содержат в себе грех некоторой гордыни познания, поскольку реализм в романах Варгаса Льюсы этого периода носит не столько эстетический, сколько философский характер: автор уверен, что язык и человеческая мысль способны воссоздать реальность, и потому человек способен эту реальность познать» [13, с. 143].

Однако именно исследование структуры тотального романа «Зеленый дом», в частности, его композиции, представляется нам наиболее значимым в контексте современного отечественного «льосоведения», поскольку второй роман М. Варгаса Льюсы является ключевым как для первого этапа, так и для всего его творчества в целом. Композиционные приемы, принципы выстраивания диалогов, чередование глав, особое композиционно-семантическое единство текста обрабатываются, «оттачиваются» писателем именно в этом тексте.

При анализе композиционного уровня «Зеленого дома» нам показалось уместным и важным использовать труды А. Н. Веселовского, В. В. Виноградова и Р. О. Якобсона: несмотря на то что обращение к их работам в процессе анализа композиции романа такого автора, как М. Варгас Льюса, кажется очевидным и необходимым, в нынешней отечественной латиноамериканистике подобный подход используется нечасто – мы же в данной работе постарались заполнить эту методологическую лауну.

Структура и диалог. «Зеленый дом», второй роман перуанского писателя Марио Варгаса Льюсы, представляет двойной интерес для исследования. С одной стороны, важно рассмотреть роман в контексте всего творчества лауреата Нобелевской премии 2010 года: именно в «Зеленом доме» впервые возникают образы, ставшие одними из наиболее характерных и узнаваемых для дальнейшего творчества Льюсы. Это и образ женщины-иностранки (бразильянки), становящейся объектом вожделения: ср. Лолита в «Зеленом доме», Журема в «Войне конца света», тетюшка Хулия в романе «Тетюшка Хулия и писака», бразильянка в «Роте добрых услуг»; и образ Литумы (этот персонаж появляется в романах «Тетюшка Хулия и писака», «Литума в Андах»); образ человека власти – дон Хулио Реатеги – Бермудес и Фермин в «Разговоре в Соборе», барон де Каньябрава в «Войне конца света»). Кроме того, в «Зеленом доме» автор совершенствует нарративную технику, повышает значимость диалога в процессе повествования – и именно «Зеленый дом» становится «переходным» романом на пути от более традиционного «Города и псов» к последующим сложноорганизованным романам, каковым является, например, «Разговор в Соборе»: по Б. К. Прадо, это последний тотальный роман «догматического» периода творчества Варгаса Льюсы. Однако не менее достойны внимания и особенности, присущие собственно «Зеленому дому», вне контекста всего многогранного и насыщенного творчества М. Варгаса Льюсы. Такой особенностью становится использование автором параллелизма как на уровне структуры, так и на уровне нарратива и системы персонажей.

Сложность и интенциональность построения структуры «Зеленого дома» – первое, на что читатель обращает внимание. Роман «конструктивистский», уже при ближайшем

¹ Перевод иноязычной литературы здесь и далее – наш (Б. Ковалев).

рассмотрении становится очевидно, что последовательность главок не хаотична, а подчиняется строгой логике. Упрощая и схематизируя, структуру романа можно изобразить следующим образом:

Capítulo 1: Prólogo (A), I (A-B-C-D-E), II (A-B-C-D-E), III (A-B-C-D-E), IV (A-B-C-D-E);

Capítulo 2: Prólogo (A), I (A-B-C-D-E), II (A-B-C-D-E), III (A-B-C-D-E);

Capítulo 3: Prólogo (D), I (A-B-C-E), II (A-B-C-E), III (A-B-C-E), IV (A-B-C-E);

Capítulo 4: Prólogo (B), I (A-B-C-E), II (A-B-C-E), III (A-B-C-E);

Epílogo: Prólogo" (A), I (B), II (C), III (D), IV (C/E), где:

A – история в Санта-Мария де Ньеве;

B – история Фусии;

C – история дона Ансельмо и «Зеленого дома»;

D – «политическая» история, связанная с деятельностью Адриана Ньевеса и агваруном Юмом;

E – история о Пьюре, Мангачерии в частности.

Параллелизм наблюдается уже в выстраивании последовательности глав: в первой и третьей частях, а также в эпилоге количество глав – четыре, в третьей и второй частях их количество равно трем. Главки внутри глав тоже располагаются в строгой последовательности: например, главка B никогда не идет перед главкой A. Истории следуют в «алфавитном порядке». Такая последовательность главок является ключевой для корректного понимания взаимосвязи структуры романа и смыслового насыщения конкретных главок, впрочем, об этом мы скажем позже, когда будем рассматривать отклонения от обозначенной схемы.

Кроме того, в «Зеленом доме» автор развивает нарративную технику, которую начал разрабатывать в первом романе – «Город и псы» и которая будет доведена до абсолюта в романе «Разговор в Соборе». Эта техника характеризуется в первую очередь тем, что в ее выстраивании ключевую роль играет диалог.

В противовес Г. Гарсия Маркесу, автору, в основе нарратива которого лежит монолог, что легко продемонстрировать на материале романа «Сто лет одиночества», М. Варгас Льюса диалогичен – и в бахтинском смысле, и в смысле предпочтения формы повествования.

С одной стороны, роману свойственна «диалогичность в большом времени литературы». М. Ф. Надъярных отмечает, что «в перспективе литературности мир наизворот «Зеленого дома» ориентирован на трагическое перелицовывание одной из идеальных моделей вымышленного мира – рыцарского романа» [10, с. 640]. Обрисовывая пейзаж, М. Варгас Льюса создает универсальный хронотоп – пространство для аллюзий и отсылок. М. Ф. Надъярных пишет: «В пейзажных зарисовках вполне отчетливы иберийские и ближневосточные (библейские) аллюзии» [10, с. 640]. Работают они и на уровне системы персонажей: образ Ансельмо соединяет различные мифопоэтические черты, свойственные «певцам»: как Орфею, так и трубадурам. Более того, уже название романа является отсылкой к сборнику рассказов ценимого Варгасом Льюсой А. Ранжела «Зеленый ад» (1910). Однако, на наш взгляд, важнее обратить внимание на диалогичность романа не в понимании «диалога» с позиции Бахтина, а в понимании диалога как особой формы повествования.

Диалог как словесный обмен между двумя и более собеседниками уже давно стал предметом изучения. Сегодня лингвистика диалога – одно из популярных направлений в языкознании, диалоги рассматриваются с точки зрения психологических реакций и коммуникативных интенций, предпринимаются попытки классификации диалога [3]. Отдадим им должное и вспомним и статью Л. П. Якубинского «О диалогической речи» – основополагающую для всех исследований подобного рода, и отдельные исследования Л. В. Щербы, последнего Л. П. Якубинский активно цитирует, доказывая «естественность диалога и искусственность монолога»: «В сущности, всякое взаимодействие людей есть именно взаимодействие; оно по существу стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним, диалогичным и бежит от монолога.

Всякое одностороннее воздействие, поскольку оно является чем-то подлежащим человеческому восприятию; вызывает в нем ряд более или менее сильных реакций, которые стремятся обнаружиться. Так же дело обстоит и с речевым монологическим воздействием, причем в этом случае возникающие в порядке восприятия реакции (наше отношение, оценка и пр.) стремятся обнаружиться, естественно, в речи. Здесь играют роль три момента: во-первых, общее свойство нашего организма так или иначе реагировать на всякое воздействие; во-вторых, тесная связь между нашими представлениями, суждениями, эмоциями и т. п.

(в частности, возникающими и в реакционном порядке) и речевым обнаружением; и, наконец, в-третьих, и в особенности, способность речевой акцией вызывать речевую же реакцию, причем это обстоятельство часто имеет почти рефлекторный характер» [12, с. 19–20].

Получается, что автор ставит диалог в центр повествования, чтобы максимально точно и «естественно» воспроизвести не просто человеческую речь, но взаимодействие людей, а детальное, выверенное и натуральное изображение такого взаимодействия – несомненно, цель М. Варгаса Льосы. В. В. Виноградов отмечал, что «диалогическая речь является составной частью словесной ткани разных типов прозы» [7, с. 78], однако именно в прозе М. Варгаса Льосы такой тип речи становится доминантным и при этом неоднородным. В «Зеленом доме» можно пронаблюдать три типа диалогов:

Первый: «Они смотрят на безлюдную поляну, женщина открывает рот, мужчины покачивают головой. Не пора ли выйти и заговорить с ними, мать Анхелика? А сержант: да, монахини выходят, внимание, ребята. Шесть голов поворачиваются в одно и то же время и застывают» [1, с. 25] («Miran el claro desierto, la mujer abre la boca, los hombres menean las cabezas. ¿Iban a hablarles, madre Angélica? Y el sargento sí, ahí salían las madres, atención muchachos. Las seis cabezas giran al mismo tiempo, quedan fijos» [2, с. 10]).

Второй – традиционный:

«– Пришел губернатор, – сказала мать Патросиния. – Можно пригласить?

– Да, проведите его, мать Патросиния, – сказала начальница» [1, с. 36].

В оригинале:

«– Es el gobernador, madre – dijo la madre Patrocinio. – Se puede?

– Sí, hágalo pasar, madre Patrocinio – dijo la superiora» [2, с. 19].

Третий – совмещение двух диалогов. Обращаясь к нарратологическим терминам, их можно описать так: «экстрадиетический» (рассказчик повествует о событии) и «интрадиетический» (диалог внутри события, о котором повествует рассказчик).

«Ирикуо направил на них револьвер: пусть отпирают ворота, не то он изрешетит их пулями. И если только вздумают кричать, он их, ублюдков, тут же пришьет, да поживей, или он всадит в них всю обойму.

– Свяжи их, япончик, – сказал Чанго. – Их же ремнями свяжи. И в рот засунь галстук. Быстрее, япончик, быстрее.

– Ворота не отпираются, Чанго, – сказал Ирикуо. – Ни один ключ не подходит. Горим, ребята. Близок локоть, да не укусишь.

– Не может быть, какой-нибудь должен подойти, попробуй еще, – сказал Чанго. – Что ты делаешь, парень, зачем ты их топчешь ногами?

– А зачем ты их топтал ногами, Фусия? – сказал Акилино. – Не понимаю, ведь в такую минуту человек думает только о том, чтобы сбежать.

– Я был зол на всех этих псов, – сказал Фусия» [1, с. 39].

(«Iricuo los apuntó con la pistola: abrían el portón o empezaba lalluvia de balas, putos. Y al primer grito que dieran empezaba, y seapuraban o empezaba, putos, la lluvia de balas.

– Amárralos, japonesito, – dijo Chango – Con sus cinturones. Y mételes sus corbatas a la boca. Rápido, japonesito, rápido.

– No le hacen, Chango, – dijo Iricuo. – Ninguna es la del portón. Nos quemamos en la puerta del horno, muchachos. – Una de éstas tiene que ser, sigue probando – dijo Chango. – Qué haces, muchacho, por qué los pateas. – Y por qué los pateabas, Fushía? – dijo Aquilino. – No entiendo, en ese momento uno piensa en escapar y en nada más. – Les tenía rabia a todos esos perros – dijo Fushía» [2, с. 22].)

Именно третий тип диалога достигнет совершенства в первой части «Разговора в Соборе» и станет доминирующим типом в «Пантолеоне Пантохе и Роте добрых услуг». Таким образом, «Зеленый дом» – «переходный» роман, в котором автор разрабатывает различные типы диалогов.

В. В. Виноградов отмечал: «В сфере повествовательной прозы вообще наблюдается тенденция к осуществлению своеобразных гибридных форм “диалогизованного монолога”, а драма стремится, как к “доминанте” речевого построения, к “диалогизации” монологов, которые обычно воспринимаются как “разговор” персонажа с самим собой или с отсутствующим партнером – при “подразумеваемых” репликах» [7, с.79]. Третий тип диалога в романе Льосы, можно охарактеризовать именно как «диалогизованный монолог», поскольку диалог в этом случае является субститутотом монологической речи, а первый – как «монологизованный диалог», поскольку формальный монолог, повествование «в строчку» замещает собой классический тип диалога, также представленный в «Зеленом доме».

Три типа диалога в романе выстраиваются параллельно: переходят из главки в главку, не пересекаясь. Так, для прологов характерен первый тип диалога, для главок А – второй, классический с периодическими вкраплениями первого, в главке В доминантным является третий тип диалога, в главке С – первый и второй, для D – первый с элементами второго, для E характерен второй. Последовательность строгая, разделение между главками неоднородное – для каждой главки конкретный тип может быть не единственным, однако всегда можно выделить доминантный.

Амебейная композиция в «Зеленом доме». Для нас наиболее интересны первый и третий типы диалога, поскольку именно в них осуществляется амебейная композиция. Это широко распространенный (особенно в народной поэзии) прием композиционного параллелизма: стихотворение, в котором применена амебейная композиция, имеет двучленный характер: распадается на два параллельно развивающихся ряда. По А. М. Веселовскому, амебейная композиция возникает в народной поэзии в условиях хорового исполнения: всюду, где происходит хоровое пение, наблюдается обычай образовывать два хора, отвечающие друг другу (антифонное или амебейное пение); с отпадением хора – песня исполнялась вдвоем; наконец песня исполнялась только одним певцом и параллельные строфы сливались в одну, сохраняя свой параллелизм, повторения [5]. Основным признаком амебейной композиции (независимо от ее мотивировки) является «построение словесного материала в параллельные ритмико-синтаксические (и тематические) ряды с одновременным поступательным движением в обоих рядах» (В. М. Жирмунский). Произведения, написанные при помощи амебейной композиции, в особенности богаты всякого рода звуковыми, лексическими, синтаксическими, строфическими анафорами. Хрестоматийный пример таких произведений – казачья песнь: «О чем, Машенька, плачешь, О чем ты слезы льешь? Ах, как же мне не плакать И как слезы не лить?» [9]. Важно, что Веселовский отмечает наличие такого принципа построения композиции не только на русском материале, но и на материале, регионально близком к топосу «Зеленого дома»: «На острове Mexiana у устьев Амазонки певец начинает: “Батюшка (padre) заболел и не мог прийти!” Хор подхватывает эти слова; другой певец продолжает: “Мы решили на следующий день пойти узнать о его здоровье!” И эти слова также подхватываются хором» [6].

Первый тип диалога, несомненно, отвечает признакам амебейной композиции. Докажем это на следующих примерах.

«Julio Reátegui alza la mano: ya bastaba, que se fuera. El cabo Roberto Delgado se endereza, suelta la correa, se limpia el rostro congestionado y sudoroso y el capitán Quiroga: te pasaste, ¿era sordo o no entendía las órdenes? Se acerca al urakusa tendido, lo mueve con el pie, el hombre se queja débilmente. Se estaba haciendo, mi capitán, se las quería dar de vivo, ya iba a ver. El cabo carajea, se frota las manos, toma impulso, pateo y, al segundo puntapié, como un felino el aguaruna salta, caramba, tenía razón el cabo, tipo resistente, y corre veloz, cobrizo, agazapado, el capitán creía que se les había pasado. Sólo quedaba uno, señor Reátegui, y además Jum, ¿a él también? No, a ese cabeza dura se lo llevaban a Santa María de Nieva, capitán. Julio Reátegui bebe un sorbo de su cantimplora y escupe: que trajeran al otro y acabaran de una vez, capitán ¿no estaba cansado? ¿Quería un traguito?» [2, с. 141].

Диалог между Хулио Реатеги, капралом Дельгадо и капитаном Кирогой строится на «подхватах»: реплика персонажа «проникает» в авторское описание: «se limpia el rostro congestionado y sudoroso y el capitán Quiroga: te pasaste, ¿era sordo o no entendía las órdenes?». Маркером «подхвата» становится фраза «y el capitán Quiroga». Традиционных слов-посредников, ремарок нет – только обозначение субъекта речи. Реплика персонажа столь же плавно переходит к «авторской»: «O no entendía las órdenes? Se acerca al urakusa tendido...» Более того, переходы между репликами могут осуществляться и без маркера «Y alguien»: «Sólo quedaba uno, señor Reátegui, y además Jum, ¿a él también? No, a ese cabeza dura se lo llevaban a Santa María de Nieva, capitán». Два следующих друг за другом предложения принадлежат разным персонажам. Это две реплики, не отделенные друг от друга. Помогают читателю разделить их вопросно-ответная конструкция, семантическое наполнение и обращения: «Сеньор Реатеги», «капитан». Таким образом, создается ощущение непрерывной песни, в которой параллельно сосуществуют речь и автора, и персонажей. Поступательное движение в обоих рядах реплик (по В. М. Жирмунскому, основной принцип амебейной композиции [8].) обеспечивается динамичностью диалога, его семантическим наполнением и его изменением. В вышеприведенных

примерах также нетрудно различить то, что каждый ряд обладает ритмом и особым синтаксическим построением, во многом за счет которого и оформляется особенность ритма (сравним «у el capitán Quiroga: te pasaste, ¿era sordo o no entendía las órdenes?» и «Julio Reátegui bebe un sorbo de su cantimplora y escupe: que trajeran al otro y acabarán de una vez, capitán ¿no estaba cansado?» – наличие двоеточия и вопросительной конструкции обеспечивают ритмико-синтаксическое единство параллельных рядов).

Другим ярким и очевидным примером может служить следующий:

«Ellos le habían encargado a Paredes una comidita especial, mi teniente, para festejar su llegada y el Rubio era el dueño de la cantina, mi teniente, donde él comían todos, y el Oscuro también carpintero y el Pesado para colmo medio brujo, ya se lo presentarían, buena gente ese Paredes. Los guardias llevan las maletas a la cabaña del frente, el oficial los sigue bostezando, entra y se tumba en el camastro que ocupa el centro de la habitación» [2, с. 148–149].

Внутри одного предложения мы видим сразу четыре реплики, разделенных маркером «у alguien». Этот маркер – своего рода анафора, а синтаксические и лексические анафоры – существенный компонент амебейной композиции. Функция этой анафоры – разделительная, однако помимо этого она способствует созданию особого песенного ритма.

При этом связь между собеседниками подчеркивается обращениями: мы видели это в обоих фрагментах. Эти обращения суть лексические повторы, функция которых – обеспечение связи между различными участниками диалога. Сравним с примером из народной поэзии: «О чем, Машенька, плачешь, О чем ты слезы льешь? Ах, как же мне не плакать И как слезы не лить?» Таков первый тип диалога в романе «Зеленый дом».

Третий же тип – промежуточная стадия между первым и вторым, традиционным, типами диалога. По существу, это развернутый первый тип: количество авторских ремарок минимально, но разбиение на строчки-реплики, свойственное традиционному диалогу, сохраняется. При этом пропадает маркер-анафора «у alguien» – обозначение «подхвата» теряется, но сам инструмент остается. Диалог становится полилогом: «интрадиегетический» диалог вплетается в «экстрадиегетический», актуализируя события и реплики персонажей, о которых повествует «внешний» рассказчик. Становится возможным отказ от пересказа: герои, принимавшие участие в событии, описываемом рассказчиком (Фусией из прим. выше), самостоятельно материализуются – повествование становится многомерным, полифоническим. Из реплик параллельных диалогов складывается особый, «тотальный» нарратив, ставящий своей целью охватить максимально большое пространство и время и по технике реализации вполне сравнимый с реализацией амебейной композиции в народных песнях.

Последний тип диалога достигнет своего апогея в начале романа «Пантолеон Пантоха и Рота добрых услуг» и станет структурообразующим для романа «Разговор в Соборе».

Итак, мы увидели, что такой прием композиционного параллелизма, как амебейность, свойственен и «Зеленому дому». Однако в связи с этим возникает вопрос: какую роль играет параллелизм на разных уровнях романа и зачем его использует автор?

Грамматический параллелизм и композиционно-семантическое единство. Р. О. Якобсон в статье «Грамматический параллелизм и его русские аспекты» отмечает, что «Грамматический параллелизм входит в поэтический канон многочисленных фольклорных моделей (patterns)» [11, с. 99]. Он также обращает внимание, что параллелизм свойственен священным и эпическим текстам. Проблема грамматического параллелизма впервые была разработана еще Р. Лаутом в его «Предварительном рассуждении» к переводу «Книги пророка Исаии». Основываясь на обзорах Ковальского и Жирмунского, Якобсон подчеркивает: «Чем древнее черты, наблюдаемые в культурной модели того или иного тюркского народа, тем более выдержанными оказываются параллелистические основания их национальной устной поэзии, в особенности эпоса» [11, с. 101]. В диссертации Алквиста «Финская поэтика с лингвистической точки зрения» впервые появилась схема грамматической композиции параллелистических двустий в «Калевале». Таким образом, грамматический параллелизм характерен как для эпоса, так и для священных текстов различных народов.

«Зеленый дом» – пример совмещения признаков как эпического, так и священного текстов. М. Варгас Льоса намеренно воспроизводит эпичность Толстого, использует опыт перуанского писателя Х. М. Аргедаса, воссоздававшего в прозе «быт и сущность перуанского мира» и ориентируется на своеобразную «всеохватность (тотальность) миропорядка рыцарского романа «Тирант Белый». Кроме того, хронотоп «Зеленого дома» универсален. М. Ф. Надъярных

отмечает: «Роман Варгаса Льюсы структурно мифопоэтичен, он в целом выступает как целостная метафора хаоса, стихии, пучины» [10, с. 640]. Причем главный мифопоэтический образ – образ самого «Зеленого дома». Он подчеркнута «антихристианский». Дон Ансельмо – пророк, построивший дом не на камне, но на песке: «Но строить его [дом] в пустыне! Ведь песок в короткое время поглотит этот дом, как он поглощал старые, гнилые деревья...» [1, с. 80]. Ср. Евангелие от Матфея: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрасудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» [Мф. 7:24-27].

«Падение» Зеленого дома было действительно «великим», ощутимым для жителей Пьюры, при этом примечательно, что против дома на песке, построенного доном Ансельмо, выступает священник – отец Гарсия и именно его усилиями дом рухнул. Сакральное в романе соседствует с эпическим как на уровне семантики, так и на уровне синтаксиса и структуры в целом.

Итак, М. Варгас Льюса создает тотальный роман, создать эффект «тотальности» невозможно без обращения к эпосу и сакральным текстам, а существенной частью такого рода текстов является параллелизм. Выстраивая, сообразно с ним, композицию и диалог, Варгас Льюса подключает роман как к автохтонной, так и к общемировой эпической традиции, а также традиции составления священных текстов. Отметим, что избрание диалога как ключевой формы повествования в не меньшей степени способствует созданию эффекта тотальности.

Параллелизм на уровне структуры и композиции романа в целом и отдельных типов диалога в частности играет ключевую роль в организации романа, это основополагающий прием. Однако «Зеленый дом» – не статический, а динамический текст. Его структура находится в движении, причем это движение представляет собой композиционно-семантическое единство.

Обратимся вновь к структуре романа. Четыре части (*capítulos*) и эпилог делятся на главы (обозначены римскими цифрами), главы – на главки (обозначены буквами). В первой и третьей частях и в эпилоге – четыре главы, в частях номер два и четыре – по три главы. Создается впечатление целостной и устойчивой структуры: действительно, на макроуровне все статично. Однако меняется структура глав. В первой и второй части главки внутри главы располагаются в последовательности «А-В-С-D-E». Прологи в обеих частях начинаются с сюжетной линии «А». В третьей части все меняется: из последовательности выпадает история «D», наиболее «политическая» из всех, а в прологе вместо продолжения истории «А» рассказывается история «D». Таким образом, главка «D», заменив собой главку «А» в прологе, затем исчезает из основной части главы. Движение повествования ускоряется, отныне в третьей и в четвертой частях в главе – не по пять главок, а по четыре.

Исключение «D»-главки объясняется также тем, что в конце второй части и прологе третьей подходят разрешаются главные вопросы и загадки: выясняется, что девочка-дикарка, которую спасает от изнасилования дон Хулио Реатеги, – это Бонифация, а избитый агварун Хум рвет бумагу, данную ему полицейскими: «Они поставят на бумаге штамп – и готово дело, он пойдет с нею искать сеньора Реатеги и Эскабино-дьявола, чтобы они ему все вернули... этот Хум не так глуп, он разорвал бумагу на клочки и бросил на площади» [1, с. 279]. Продолжать «политическую» главку было бы бессмысленно: главные события свершились, операция с каучуком закончена. Итак, исключение главки «D» в третьей части объяснимо как с точки зрения содержания, так и с точки зрения «ритма» повествования.

В эпилоге же, как кажется сначала, Варгас Льюса возвращается к последовательности, заданной в первых двух частях текста: в прологе рассказывается о Санта-Мария де Ньеве (главка «А»), а в основной части вновь пять главок. Однако на самом деле именно в эпилоге структура романа окончательно разрушается. Глава теперь приравнивается к главке, основная часть начинается не с «А», а с «В»-главки и, наконец, главным структурным изменением становится перестановка главок: единственный раз за весь роман они меняются местами – главка «С» повторяется и вновь появляется после главки «D». При этом здесь же реализуется второе важнейшее изменение: две разные главки, «С» и «Е», «сплавляются» в одну. До этого момента главка могла выпадать, но никогда – меняться местами и повторяться, они шли друг за другом в четкой и строгой последовательности, означенном нами «алфавитном порядке»,

но никогда не совмещались. Варгас Льюса поступательно разрушает «идеальную» структуру, созданную им в первой половине романа.

Противоречие кроется в словах М. Ф. Надъярных, резюмировавшей: «Зеленый дом» – это чрезвычайно жестко выстроенное образование, созданное по образу и подобию хаоса для того, чтобы донести до реципиента процесс исчезновения смысла, разложения и уничтожения значений» [10, с. 640]. Варгас Льюса создает мир, хаотичный, сложный, на фундаменте строгой структуры и четкой последовательности частей и глав, однако эта структура рушится с течением романа, начинает преодолевать себя. Она идеальна в начале романа – однако читателю невероятно трудно отыскать «смыслы и значения», сориентироваться в системе персонажей, определить время и пр. А в конце романа, когда структура окончательно разрушается, реципиенту открываются и символы, и значения, и смыслы. Дон Ансельмо получает шанс на спасение, он может быть, пусть и посмертно, прощен своим вечным врагом, отцом Гарсией – повторяющаяся главка «С», посвященная истории Ансельмо, после главки «D» знаменует своеобразное воскресение арфиста, спасение его души. Структура самоуничтожается, потому что она в сущности более не нужна – отец Гарсия прощает дону Ансельмо, соглашается прийти на панихиду. Ключевое противостояние снимается, мир торжествует. «С» (история о доне Ансельмо) объединяется с «D» (история о Пьюре) – присутствие истории арфиста в истории города легитимизируется последним противником дона – отцом Гарсией. Обнаруживается контраст с историей Фусии – он, своего рода парный персонаж дона Ансельмо, остается в одиночестве – своем собственном Аду, к нему все реже приезжает его Харон – Акилино. Он жив и обречен гнить на отдаленном острове, а дон Ансельмо – мертв, но он реабилитирован, изгнанник, он посмертно принят даже самым яростным своим противником, сжегшим когда-то «Зеленый дом».

Таким образом, несмотря на то, что параллелизм является основополагающим приемом для романа, Варгас Льюса разрушает его. Мир «Зеленого дома», основывавшийся на двух ключевых противопоставлениях на двух уровнях: на уровне семантики – Ансельмо и отца Гарсии, а на уровне композиции – нехронологической последовательности глав, которая обеспечивалась их параллельным расположением и их естественным хронологическим расположением, – рушится. Примирение достигнуто, «четко выстроенный хаос» этого мира больше не нужен, поскольку конфликт на семантическом уровне снят – основной принцип (параллелизм) нарушается, уничтожается.

«Зеленый дом» – центральный текст догматического периода М. Варгаса Льюсы. Всю сложную структуру своего романа он, в сущности, подчиняет единственной цели – прощению арфиста, и по достижении этой цели структура, основанная на композиционном параллелизме, рушится, а роман заканчивается.

Список литературы

1. *Бабаян В. Н., Круглова С. Л.* Основные классификации диалогов и диалогических высказываний-реплик. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-klassifikatsii-dialogov-i-dialogicheskikh-vyskazyvaniy-replik> (дата обращения: 09.09.2019).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Российское библейское общество, 2006. 1376 с.
3. *Варгас Льюса М.* Зеленый дом. М. : Прогресс, 1971. 410 с.
4. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989.
5. *Веселовский А. Н.* Три главы из исторической поэтики. URL: <http://philolog.petrus.ru/filolog/lit/triglavu.pdf> (дата обращения: 30.10.2019).
6. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. 360 с.
7. *Жирмунский В. М.* Композиция лирических стихотворений. Петербург : ОПОЯЗ, 1921. 110 с.
8. Литературная энциклопедия : в 11 т. М. : 1929–1939.
9. *Надъярных М. Ф.* Марио Варгас Льюса // История литератур Латинской Америки. Т. 5 Очерки творчества латиноамериканских писателей XX в. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 622–664.
10. *Якобсон Р. О.* Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. М. : Прогресс, 1987. С. 99–132.
11. *Якубинский Л. П.* Язык и его функционирование // Избранные работы / Л. П. Якубинский. М. : 1986. С. 17–58.
12. *Prado B. C.* El escepticismo identitario en la obra de Mario Vargas Llosa // Mario Vargas Llosa: cartografías del amor y del poder. Sofia : Editorial Universitaria San Climente de Orjid, 2015. Pp. 142–159.
13. *Prado B. C.* Novela y escepticismo en El Quixote de Cervantes y en la Guerra del Fin del Mundo de Vargas Llosa // Cartaphilus. Revista de Investigación y Crítica Estética. Murcia : Ediciones de la Universidad de Murcia, 2007. Pp. 19–27.
14. *Vargas Llosa M.* La casa verde. Barcelona : Seix Barral, 1983. 302 p.

Compositional parallelism in the novel "The Green House" by M. Vargas Llosa

B. V. Kovalev¹, A. P. Zhukov²

¹ student of the Department of History of Foreign Literatures, St. Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0002-1904-1844. E-mail: bvkovalev@yandex.ru

² PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of History of Foreign Literatures,
St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0002-5012-5421. E-mail: andreszh@yandex.ru

Abstract. The article attempts a systematic analysis of the composition and structure of dialogues in Mario Vargas Llosa's novel "The Green House". The relevance of the work is due to the attention of modern humanities to the Latin American novel of the second half of the twentieth century, the period of the so-called "Latin American boom", which is of particular interest in connection with the global trend towards globalism. The methodological basis of the study was the works of A. N. Veselovsky, V. M. Zhirmunsky and R. O. Jakobson, as well as the principles of structural analysis of the text and the technique of close reading. In the course of the study, it turns out that M. Vargas Llosa, intending to create an epic text that captures reality in the word, turns to compositional parallelism as a technique that allows the most vividly convey the effect of "recreated reality". The article describes the structure of the novel created by Vargas Llosa, analyzes and systematizes the sequence of chapters and parts, as well as their correlation with the manner of narration and various types of dialogues. In total, there are three types of dialogue in the novel, and an attempt is made to classify them based on V. V.'s terminology. Vinogradova. Analyzing the structure of the novel, the authors come to the conclusion that "The Green House" is not a static, but a dynamic text, whose structure changes, collapsing towards the end, but its "movement" is a compositional and semantic unity. M. Vargas Llosa refuses in the second part of the novel from compositional parallelism as a key technique, which leads to the destruction of the structure of the text and is due to the plot and the change in the type of relationships at the level of characters.

Keywords: Vargas Llosa, composition, parallelism, text structure, dialogues.

References

1. Babayan V. N., Kruglova S. L. *Osnovnye klassifikatsii dialogov i dialogicheskikh vyskazyvaniy-replik* [Basic classifications of dialogues and dialogic utterances-replicas]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-klassifikatsii-dialogov-i-dialogicheskikh-vyskazyvaniy-replik> (date accessed: 09.09.2019).
2. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta* – The Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and New Testament. M. Russian Bible Society. 2006. 1376 p.
3. *Vargas L'osa M. Zelenyj dom* – Vargas Llosa M. [The Green House]. M. Progress. 1971. 410 p.
4. *Veselovskij A. N. Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. M. Vysshaya shkola (Higher school). 1989.
5. *Veselovskij A. N. Tri glavy iz istoricheskoy poetiki* [Three chapters from historical poetics]. Available at: <http://philolog.petsu.ru/filolog/lit/triglavyy.pdf> (date accessed: 30.10.2019).
6. *Vinogradov V. V. O yazyke hudozhestvennoj prozy* [On the language of artistic prose]. M. Nauka. 1980. 360 p.
7. *Zhirmunskij V. M. Kompozitsiya liricheskikh stihotvorenij* [Composition of lyrical poems]. SPb. OPOYAZ. 1921. 110 p.
8. *Literaturnaya enciklopediya : v 11 t.* – Literary Encyclopedia : in 11 vols. M. 1929–1939.
9. *Nad'yarnyh M. F. Mario Vargas L'osa* [Mario Vargas Llosa] // History of Latin American literature. Vol. 5. Essays on the work of Latin American writers of the XX century. M. IMLI RAS. 2005. Pp. 622–664.
10. *Yakobson R. O. Grammaticheskij parallelizm i ego russkie aspekty* [Grammatical parallelism and its Russian aspects] // *Raboty po poetike* – Works on poetics / R. O. Jakobson. M. Progress. 1987. Pp. 99–132.
11. *Yakubinskij L. P. Yazyk i ego funkcionirovanie* [Language and its functioning] // *Izbrannye raboty* – Selected works / L. P. Yakubinsky. M. 1986. Pp. 17–58.
12. *Prado B. C. El escepticismo identitario en la obra de Mario Vargas Llosa* // Mario Vargas Llosa: cartografías del amor y del poder. Sofia : Editorial Universitaria San Clemente de Orjíd, 2015. Pp. 142–159.
13. *Prado B. C. Novela y escepticismo en El Quixote de Cervantes y en la Guerra del Fin del Mundo de Vargas Llosa* // Cartaphilus. Revista de Investigación y Crítica Estética. Murcia : Ediciones de la Universidad de Murcia, 2007. Pp. 19–27.
14. *Vargas Llosa M. La casa verde*. Barcelona : Seix Barral, 1983. 302 p.

Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России

Т. В. Степанцевич

аспирант направления «Культурология»,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.
Россия, г. Симферополь. ORCID: 0000-0001-6956-6985. E-mail: tanya_stepantsevich@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящей статьи обусловлена возрастающим интересом к теме Великой Отечественной войны как в обществе, так и в научных кругах профессиональных историков, культурологов, социологов. Уход поколения непосредственных участников событий приводит к политизации трактовок исторического события и «войнам памяти» на мировой арене. Коллективная память обеспечивает ощущение непрерывности в сохранении воспоминаний о событии и преемственности поколений. Однако в то же время воспоминание, проходя путь развития от индивидуальной памяти до культурной, трансформируется, переоценивается последующими поколениями, преломляется в процессе формирования исторического мифа и направленных действий акторов политики памяти. Всё это делает необходимым изучение механизмов формирования культурной памяти о войне и трансформации травматичного исторического опыта в общее воспоминание о героическом прошлом на современном этапе.

Целью данной статьи является выявление и анализ векторов трансформации образа Великой Отечественной войны в коммеморативных практиках современной России.

В результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что образ Великой Отечественной войны в культурной памяти амбивалентен, так как включает в себя одновременно пафос героического и эстетику ужасного, сохраняет воспоминание о триумфе и неизменно связана с памятью о миллионах погибших людей. Попытки использования памяти о Великой Отечественной войне в качестве мифа-основания в формировании российской идентичности приводят к реализации коммеморативных практик, направленных на укрепление образа народа-освободителя, что приводит к доминированию героического и трансформации ужасного в трагическое.

Данные настоящей статьи могут быть использованы в дальнейших исследованиях культурной памяти о Великой Отечественной войне, применяться на лекционных и практических занятиях студентов профильных специальностей.

Ключевые слова: культурная память о войне, миф о прошлом, культурная травма, прекрасное, безобразное.

Коллективная память воплощается в различных формах – путем институционализации памяти (создания музеев, архивов, выставок и т. д.); через создание мемориальных ландшафтов, с одной стороны сохраняющих достоверные «следы» и свидетельства прошлого, а с другой стороны, воплощающих образ прошлого в современных художественных и пластических формах; а также отражается в символических и ритуальных формах, получивших название «коммеморативных практик» (например, проведение парадов, поминовение павших, возложение цветов к Вечному огню, чествование ветеранов и т. д.).

Несмотря на то что термин «коммеморация» прочно вошел в научный оборот, на сегодняшний день нет единого подхода к его определению. Опираясь на изученный теоретический материал, дадим следующее определение коммеморации – это один из способов сохранения и передачи культурной памяти о событиях и выдающихся личностях прошлого, связанный с визуализацией образов прошлого в настоящем и направленный на формирование идентичности социальной группы посредством развития определенного отношения к прошлому. Исследователи в области Memory Studies выделяют множество видов коммеморативных практик: возведение и уничтожение памятников, наименование и переименование улиц

и населенных пунктов, открытие музеев, выставок и экспозиций, учреждение праздников, создание новых или воссоздание старых ритуалов и традиций, освещение события в медиа-пространстве, проведение торжественных собраний и чествование участников памятного события, научная репрезентация и др.

Отечественный исследователь А. А. Линченко, применив к анализу массового исторического сознания методологию деятельностного подхода, подразделяет коммеморативные практики на повседневные и неповседневные. В качестве критерия классификации автор выделяет отношение к прошлому. В случае неповседневных коммеморативных практик прошлое выступает в качестве центрального, созидающего элемента. Это намеренное обращение к истории, воспоминаниям и прошлому опыту. В отличие от неповседневных практик, повседневная коммеморация проявляется в ненамеренном обращении к прошлому в рамках различных видов культуры повседневности – в быту, труде, ежедневном досуге. Неповседневная коммеморация направлена на мемориализацию конкретного события в прошлом, в то время как формирование знаний о прошлом в контексте повседневных коммеморативных практик носит фрагментарный характер и находится в прямой зависимости от характера деятельности [11, с. 121–122].

Однако следует понимать, что коммеморации передают нам не объективное знание о событиях прошлого, а закрепляют в коллективной памяти символические образы этого события, схожими по своим свойствам с симулякрами Ж. Бодрийера. Они фрагментарны и условны и никогда не отражают полную картину произошедшего. Образ прошлого превращается в символическую фигуру, которая придает сохраняемому в коллективной памяти событию прошлого сакральность. В статье «Историческая память: проблемы манипуляции» Е. В. Романовская обращает внимание на то, что образность прошлого позволяет конструировать необходимую историческую и культурную память в соответствии с требованиями современности [16, с. 47]. Сакральный характер прошлого выражается в ритуальном характере коммеморативных практик, их связи с определенными местами памяти – местами совершения подвигов, смерти героев и т. д. Э. Дюркгейм, изучавший коммеморацию в архаичных сообществах, назвал такую связь «имплицитной коммеморацией» [цит. по 4, с. 145–146]. Французский социолог и философ отмечал в своих работах, что сакральное прошлое часто воскрешается в форме праздника, что не только способствует сохранению традиций и культурного своеобразия сообщества, но также оказывает влияние на укрепление его идентичности и развитие политической солидарности.

Коммеморативные практики выступают некоей структурой культурной памяти, связывающей индивидов на основе воссоздающихся в настоящем нарративов и воспоминаний о прошлом. Мнемонические нарративы отражают не столько фактический опыт индивидов, сколько сформированный политикой культурной памяти миф об историческом событии. При этом миф отражает не просто представления современного поколения об историческом прошлом, но, по мнению Я. Ассман, является истиной высшего порядка, соответствующей действительности, притязавшей на нормативность и обладающей формирующей силой [3, с. 83]. Мифологизация истории обусловлена избирательностью политики памяти в процессе конструирования общего прошлого и консолидации общества в «Мы-группу». Фиксация в коллективной памяти определенных событий прошлого неразрывно связана с забвением и умалчиванием иных событий. Как отмечал в своих работах французский философ Э. Ренан: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации» [15]. Причем при определенных условиях (например, в случае изменения политической ситуации) события, до этого подверженные забвению как неважные для формирования национальной идентичности, могут быть выявлены и превращены в новые доминанты культурной памяти. Таким образом, культурная память не фиксирует исторические факты прошлого, а прежде всего, обращается к эмоциональным, нравственным и политическим оценкам событий прошлого с позиции современности.

Коллективная память через мнемонические символы и образы коммеморативных практик превращает историческое событие в нарратив, который может быть декодирован каждым индивидом. Во многом культурная память формируется акторами политики памяти, что приводит к ее институционализации и отражению в соответствующем законодательстве. По мнению немецкого ученого Я. Ассмана, культурная память зарождается на этапе угасания памяти коммуникативной, когда уходят последние свидетели исторического события [3, с. 53]. Поэтому основными носителями воспоминаний на этом этапе выступают тексты и об-

разы, коммеморативные практики и институты памяти, которые конструируют прошлое через отбор исторических фактов, подтверждающих доминирующий нарратив (или, по терминологии Я. Ассмана, – миф). Закрепление доминирующего нарратива в коллективном сознании на этом этапе как раз и происходит благодаря созданию необходимой эмоциональной атмосферы и вовлеченности каждого человека. Социологи и психологи отмечают важность эмоциональной памяти на регуляцию поведения и деятельности человека, а также на сохранение в памяти не только самих чувств и эмоций, но и предметов и явлений, которые связаны с ними [20, с. 21]. Культурная память неразрывно связана с памятью индивидуальной, что позволяет ей использовать эту биологическую закономерность. Эмоциональную вовлеченность и приобщение человека к сохранению коллективной памяти об историческом событии обеспечивает выбор определенных эстетических доминант, вокруг которых и выстраивается миф о прошлом. С одной стороны, выбор эстетических доминант обуславливается традициями и социально-политической ситуацией. С другой стороны, становясь фундаментом для новых «изобретенных» традиций и коммеморативных практик, эстетические доминанты формируют ценностное отношение к историческому событию в обществе.

Обратимся к анализу культурной памяти о Великой Отечественной войне в России и выделим в ее структуре эстетические доминанты, формирующие героическую мифологию, консолидирующую российское общество.

Культурная память о войне, как и память о любом другом историческом событии, проходит определенный путь развития, этапы которого можно обозначить в соответствии с видами памяти, выделенными А. Ассман [2, с. 222–230]:

– Индивидуальный – период «живых» воспоминаний непосредственных участников событий. Воспоминания о событии субъективны и автобиографичны, они связаны с непосредственным опытом и переживаниями индивида. По отношению к самому событию индивидуальные воспоминания фрагментарны, являясь лишь частью этого события и не отражая объективно картину произошедшего целиком.

– Межпоколенческий – этап формирования коммуникативной (социальной) памяти. «Живые» воспоминания участников события передаются посредством коммуникации последующим поколениям. На этом этапе формируются коммеморативные практики и ритуалы, воспоминания выражаются в символах. Примерами коммеморации этого этапа могут быть создание семейных альбомов, сохранение мемуаров и личных дневников, вещей, свидетельствующих об участии в событии. Индивидуальное воспоминание становится ценностью и принадлежит уже не только участнику событий, но некоему коллективу, который переосмысливает индивидуальный опыт участника событий с учетом современных коллективу реалий.

– Мифологизация прошлого и формирование культурной памяти. Основная задача этого этапа – выбор доминирующего нарратива, который послужит мифом-основанием для формирования национальной идентичности и консолидации общества. Источниками для формирования доминирующего нарратива могут послужить как исторические свидетельства, так и художественные произведения. Основным носителем воспоминания на этом этапе выступают символические медиаторы в виде текстов, образов, ритуалов.

Рассмотрим, какие эстетические доминанты можно выделить в символической матрице Великой Отечественной войны как травматического события и сравним их с теми доминантами, которые формируют культурную память о войне на современном этапе становления культурной памяти о войне.

Попытки философского осмысления войны, предпринимаемые на протяжении столетий от древнегреческих философов до современных мыслителей, подтверждают противоречивый характер этого социально-культурного явления. Обобщив всё многообразие работ, посвященных исследованиям природы войны, можно выделить два противоположных подхода к ее пониманию [14, с. 28]:

– Осуждение войны как безусловного социального зла и порока человечества. К приверженцам этого взгляда в разное время относились Платон, М. де Монтень, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, А. де Ламартин, В. Гюго, Л. Толстой.

– Оправдание войны как необходимого условия социального, экономического, политического и даже духовного развития. Так, в исследованиях войны как социально-политического явления с позиций метафизики отмечается, что война – это период пробуждения героического начала. Среди разделяющих этот взгляд мыслителей можно назвать Гераклита, Аристотеля, Н. Макиавелли, Г. Гегеля, К. фон Клаузевица, Ф. Ницше, Ю. Эвола, В. Соловьева.

Следует отметить, что философское осмысление войны как социально-политического явления предполагает некое абстрагирование предмета исследования и отличается от образа войны, сложившегося у ее непосредственных участников и свидетелей. На дифференциацию в создании образа войны обращает внимание Е. С. Сенявская в монографии «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России»: «*Субъект восприятия, формирования* этого образа может быть весьма дифференцированным: это и массовое общественное сознание, это и высшее политическое, а также военное руководство, и наконец, это армейская масса, включающая низшее и среднее командное звено. <...> Естественно, чем ближе субъект к высшим звеньям управления, то есть к точкам пересечения информационных потоков и структурам, принимающим решение, тем выше доля интеллектуальных, рациональных компонентов как в формировании образа войны, так и в его структуре. Соответственно, массовое общественное сознание ориентируется прежде всего на эмоциональные компоненты...» [18]. Исследователь выделяет три этапа формирования образа войны:

– Прогностический – образ, формируемый накануне события. Как правило, характеризуется отсутствием адекватной эмоциональной оценки и недооценкой противника, носит патриотический характер.

– Синхронный – образ, который формируется непосредственно во время войны. Характеризуется снижением эмоциональной оценки событий и усилением рационального компонента, связанного с приобретением нового опыта и знания о войне. Образ формируется под воздействием непосредственно пережитого, связан с фронтовыми буднями и бытом, участием в боях с противником, жертвами и тяготами военной действительности. Патриотическая составляющая образа меняет свою модальность, теряя идеализм, характерный для прогностического образа.

– Ретроспективный – образ, созданный в результате профессионального анализа войны как исторического события специалистами различных сфер (историками, политиками, военными, журналистами, социологами, психологами и т. д.). Этот образ характеризуется низкой эмоциональностью, насыщенной событийностью, рациональностью. Но в то же время ретроспективный образ выступает основным элементом коллективной памяти о войне, что делает его инструментом в руках политиков и идеологов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что образ войны не статичен. Он подвержен постоянным изменениям, зависящим от множества факторов: опыта и социального статуса непосредственных участников события, от времени, когда был создан образ, от акторов, участвующих в его создании. Меняется модальность образа, соотношение эмоционального и рационального в нем. Наиболее всеобъемлющим и разноплановым является ретроспективный образ войны, но он же и наиболее пластичен, поскольку этот образ постепенно теряет прямую связь с фронтовиками и свидетелями войны, а в его создании участвуют множество преследующих различные цели акторов, которые не были непосредственными участниками исторического события.

Культурная память о войне детерминирована ее ретроспективным образом, поэтому изменяется вместе с ним. Чем больше времени проходит, тем менее личным становится воспоминание и тем больше факторов оказывают влияние на то, *что* мы помним и какое представление у нас складывается о войне.

С момента окончания Второй мировой войны прошло 75 лет, а это значит, что коллективная память об этом событии находится на этапе перехода от коммуникативной к культурной памяти (в терминологии Я. Ассман). С одной стороны, уже практически ушли из жизни очевидцы и участники событий, но их «живые воспоминания» еще сохраняются в памяти последующих поколений, поэтому память о событии сохраняет личностное значение, позволяет обществу чувствовать свою сопричастность к нему. С другой стороны, как отмечают И. В. Грибан и И. А. Попп, современное подрастающее поколение редко обращается к «живым» воспоминаниям. Память о Великой Отечественной войне приобретает абстрактный характер, и акторы памяти вынуждены конструировать новые способы коммеморации, доступные пониманию молодежи в условиях информационного общества [7, с. 113]. Достаточная временная отдаленность событий Второй мировой войны в отношении ныне живущих дает возможность мифологизировать эти события в соответствии с национальными интересами современных государств.

Отметим, что культурная память о войне – это всегда обращение к событию травматическому. Понятие «травмы» заимствовано гуманитарными науками из медицины, а позднее

из психиатрии в XX в., что было связано с многочисленными военными конфликтами и глобальными потрясениями. Точного определения культурной травмы не существует. Это, скорее, концепт, который лег в основу одного из молодых направлений в рамках Memory Studies. В его основе – идея о том, что некое реальное историческое событие, подрывающее привычный уклад жизни, разрушающее существующие элементы культуры или культуру в целом, наносит физический и эмоциональный удар не только отдельным индивидам, но и социальной группе в целом и в дальнейшем оказывает влияние на ее культурное развитие. Так, современный исследователь культурной травмы Р. Айерман отмечает: «Во время экономических кризисов или войны личная потеря у одного человека тесно связана с потерями у других людей. Кумулятивный эффект только углубляет травму, в результате чего чувство принадлежности к сообществу, коллективная, как и индивидуальная, идентичности расширяются» [1].

В понимании П. Штомпки культурная травма представляет собой динамично развивающийся процесс, смысл которого заключается в деструктивном влиянии на социальное тело общества [24]. При этом исследователи культурной и коллективной травмы отмечают, что в ней заложено не только деструктивное, но и конструктивное начало: разрушая привычный повседневный уклад жизни, такое явление обнаруживает новые и/или возрождает забытые ценности и смыслы. Российский исследователь С. Ушакин предлагает рассматривать травму не только в качестве негативного опыта потери или разрушения, но также и как объединяющий общество фактор, и даже как символическую матрицу [21, с. 8–9].

В научном дискурсе, посвященном исследованию культурной травмы, выделяют фигуры жертвы и палача (или преступника, лица ответственного за страдания жертвы), а также свидетелей – первичного, непосредственно наблюдавшего события, и вторичного, осмыслившего эти события и засвидетельствовавшего их в культурном пространстве (писатели, художники и т. д.) [2, с. 65–88].

Интересная модель формирования мифов-оснований в отношении Второй мировой войны представлена в работе немецкого социолога Б. Гизена «Триумф и травма». Исследователь выделяет четыре архетипических образа, вокруг которых выстраивается пространство коллективной памяти: триумфатор, трагический герой, жертва и преступник [Цит. по 22, с. 114]. Так, в России и в большинстве стран постсоветского пространства закрепился образ народа-триумфатора, освободившего мир от фашизма. В основе мифа-основания о Второй мировой войне для евреев находится фигура жертвы, так как события войны ассоциируются с Холокостом и геноцидом еврейского народа. Фигура преступника является центральной в пространстве памяти Германии, что обуславливает процесс мифологизации событий на основании чувства вины и ответственности за произошедшее, формируя национальную идентичность современного поколения [9, с. 18–19]. Таким образом, в каждом из случаев архетипический образ будет определять разный набор эстетических доминант, образующих пространство памяти.

Соглашаясь с Б. Гизеном в его выборе фигуры триумфатора в качестве центрального образа коллективной памяти о Великой Отечественной войне, проанализируем особенности коммеморации войны в современной России, выделим основные эстетические доминанты в ее структуре и проследим, какие смыслы в пространстве культурной памяти они образуют.

Память о Великой Отечественной войне занимает особое место в современной мемориальной культуре. Основываясь на результатах анализа политического дискурса современной России, отечественный исследователь О. Ю. Малинова приходит к выводу, что после распада СССР культурная память о Великой Отечественной войне используется в качестве мифа-основания в утверждении российской национальной идентичности [12, с. 193]. Это обуславливает повышенное внимание со стороны государства к формированию культурной памяти о Великой Отечественной войне и использованию различных коммеморативных практик, направленных на формирование объединяющего метанарратива.

Говоря о мемориализации Великой Отечественной войны в России, следует отметить, что в реализуемых коммеморациях отражается амбивалентный характер философского осмысления войны. Официальный мемориальный нарратив о Великой Отечественной войне конструируется на основе героической символики. Героическое исключительно социально по своей природе. Оно сопряжено с борьбой во имя благородных целей, готовностью пожертвовать собственной жизнью за счастье людей. Пафос героизма находит свое отражение, прежде всего, в праздновании Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Патетика героизма и триумфа в основу мемориализации войны была заложена уже в 1945 году. Так, в опубликованном в газете «Правда» № 111 от 10 мая 1945 года обращении И. В. Сталина победа в войне несколько раз именуется великой: «Наступил *великий* день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила *безоговорочную капитуляцию*» (здесь и далее курсив автора. – С. Т.). И далее в этом же обращении: «... наступил *исторический день окончательного разгрома* Германии, день *великой победы* нашего народа над германским империализмом»; «Отныне над Европой будет развиваться *великое знамя свободы народов* и мира между народами». Даже упоминание о жертвах войны подчеркивает героическую составляющую события: «*великие жертвы*» принесены «во имя свободы и независимости нашей Родины», «неисчислимые лишения и страдания <...> *не прошли даром и увенчались полной победой* над врагом». Кульминацией обращения становятся торжественный призыв к триумфальному признанию славы советского народа и воинов Красной Армии:

«СЛАВА НАШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ОТСТОЯВШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ И ЗАВОЕВАВШЕЙ ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ!

СЛАВА НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ НАРОДУ, НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ С ВРАГОМ И ОТДАВШИМ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ НАШЕГО НАРОДА!» (выделено редакцией газеты. – С. Т.) [13, с. 1].

Эти словосочетания и фразы стали своеобразной формулой мемориализации Великой Отечественной войны в историческом и политическом дискурсах современной России, заложили основу в процессе сакрализации значимого для общества события и превратили его в духовную ценность, сплачивающую нацию. Обращение к героизму Красной Армии, фигуре народа-победителя и сакрализация павших в боях остаются неизменными элементами, вокруг которых выстраивается государственная коммеморация. Подтверждение этому можно найти в официальной речи Президента Российской Федерации В. В. Путина на параде 24 июня 2020 года: «И невозможно даже представить, что стало бы с миром – не встань на его защиту Красная Армия»; «Именно наш народ смог одолеть страшное, тотальное зло, разгромил более шестисот дивизий врага, <...> до победной точки прошёл свой героический, праведный, беспрельдно жертвенный путь»; «Сегодня мы склоняем головы перед светлой памятью всех, кто не пришёл с войны»; «Слава поколению, победившему нацизм! Слава героям Отечественной войны!» [5].

В своей речи Президент обращается и к обратной стороне войны – разрушениям, смерти, потере близких: «Мы всегда будем помнить, что нацизм сокрушил – советский народ, миллионы людей разных национальностей из всех республик Советского Союза», «Они [солдаты Красной Армии. – С. Т.] стремились добить врага, одержать Победу и вернуться домой. И заплатили за свободу Европы невосполнимую цену: многие сотни тысяч бойцов полегли на чужбине. Наш долг – помнить об этом. Помнить о том, что на советский народ пришлось основная тяжесть борьбы с нацизмом» [5]. Обращение к теме смерти и потерь в речи В. В. Путина вызывает эмоциональный отклик людей через эстетическую доминанту трагического. В контексте культурной памяти о войне, важность формирования и сохранения которой особо подчеркивается Президентом, трагическое отражает объективные глубокие противоречия, вызванные столкновением противоположных социально-политических сил. Война – переломная эпоха. Героизм воинов и борцов за новую мирную жизнь сопряжен с катастрофическими в масштабах как личности, так и общества последствиями. Великая Отечественная война являлась оборонительной войной для СССР. Война длилась почти четыре года, навсегда изменив жизни отдельных людей и судьбы государств. Эта война носила всенародный характер, что подчеркивает ее трагичность. Оценки общих потерь личного состава СССР колеблются от 29,6 до 31 млн чел. [17, с. 108].

Наиболее ярко в официально мемориальном дискурсе о войне трагическое проявляется в традиционной минуте молчания, сопровождаемой звуками метронома и стихотворением Р. Рождественского «Реквием». Трагическое позволяет смягчить ужасное и безобразное, связанное с воспоминаниями о войне, так как дает надежду на преодоление трудностей. Трагическое величественно, ведь человек не подчиняется обстоятельствам, а властвует над ними. Смерть утверждает победу над обстоятельствами. Трагический исход подчеркивает нравственно-эстетический прогресс, поэтому звучит призыв помнить «через века, через года» и быть «вечно достойными» памяти павших. Одновременно трагическое, встраиваясь в культурную память о войне, вызывает смешанное чувство сострадания и страха перед войной, что

приводит к ощущению сопричастности и даже катарсису поколений, которые знакомы с войной лишь опосредованно.

В современной модели коммеморации Великой Отечественной войны, трагическое позволяет выстроить смысловую связь с героическим, в крайней своей степени превращаясь в патетическое. Особый пафос особенно характерен для этапа мифологизации – когда коллективная память утратила осязаемую связь с событием, а от некогда трагического восприятия событий, которые можно встретить в «живых воспоминаниях» участников войны, в культурной памяти последующих поколений остаются героические символы, вокруг которых выстраивается мемориальный нарратив, воплощаемый в коммеморативных практиках, мемориальных ландшафтах и художественных произведениях. Очень ярко это проявляется в отечественном кинематографе. В последние годы главными персонажами киноленты о Великой Отечественной войне, вышедших в прокат на большие экраны, стали известные всем герои войны: Зоя Космодемьянская (фильм «Зоя»), Людмила Павличенко («Битва за Севастополь»), 28 панфиловцев («28 панфиловцев») и другие. В основу сюжета часто ложатся известные примеры проявления мужества и героизма (например, х/ф «Матч», «Несокрушимый», «Ржев»). По нашему мнению, это связано с необходимостью в создании новых ценностно-нравственных символов, которые могли бы выступить в качестве опоры героического нарратива о Великой Отечественной войне через определенные эстетические доминанты. Такими ориентирами и опорами становится обращение к общеизвестным героическим символам. Подвиг одного человека или небольшой группы людей побуждает к восхищению героическим примером, рассматривается в качестве поведенческого паттерна в условиях опасности. Герои превратились в символы войны. Однако, как отмечает в своем исследовании Е. С. Сенявская, герои-символы перестают принадлежать себе, они становятся частью идеологии и мифотворчества, превращаясь в основополагающие и смыслообразующие структурные элементы в дискурсе коллективной памяти о Великой Отечественной войне.

Анализ истории возникновения государственных коммеморативных практик и «изобретенных традиций» празднования Дня Победы приводит к выводу о том, что этот праздник прошел путь от исторически значимой даты, память о которой сохранялась непосредственными свидетелями и участниками Великой Отечественной войны, до мифа-основания о народо-триумфаторе, конструирующего культурную память многонационального российского общества в целях формирования национальной идентичности и легитимации власти. Об этом свидетельствуют примеры коммеморации войны «сверху» в различные исторические периоды.

Так, проведенный анализ выборки номеров газет «Слава Севастополя», изданных в 1950-е годы, показал, что для увековечения памяти о Великой Отечественной войне ни на государственном, ни на региональном уровне в этот период не использовались специальные коммеморативные практики, поскольку ядром коллективной памяти о войне оставались, прежде всего, «живые» воспоминания очевидцев, непосредственное переживание события большинством населения как личную историю, историю своей семьи, своего поколения, своего города и т. д. Отсюда лаконичность, отсутствие излишнего пафоса: из традиционных для празднования Дня Победы в современной России мероприятий – только праздничный салют. Среди основных коммеморативных практик этого периода можно назвать также: торжественные заседания, социалистические соревнования (трудовые достижения в честь Победы) и лектории на производствах, приуроченные к празднику, публикации литературных произведений на страницах газет, установка памятников [19]. Отметим, что именно такой «сценарий» коммеморации отражает желание государства закрепить в семантике памятного события коннотативные маркеры героического, трагического и патетического, которые и легли в основу дальнейшего концептуального развития мемориализации Великой Отечественной войны в СССР и современной России.

С 1965 г. празднование Дня Победы начинает приобретать знакомые современному россиянину черты: статус государственного праздника, парад на Красной площади (впервые за 20 послевоенных лет), закрепленное на законодательном уровне почетное звание города-героя. Новые коммеморативные практики подчеркивают трагический характер войны: объявление публичной минуты молчания на радио и телевидении, открытие Могилы Неизвестного Солдата в Александровском саду Московского Кремля и зажжение Вечного огня на ней (1967 г.), в 1975 году впервые была исполнена песня Д. Тухманова «День Победы». День Победы неразрывно связан с образом «праздника со слезами на глазах».

Новое семантическое прочтение памяти о войне приобретает уже в постсоветское время. По нашему мнению, это связано, прежде всего, с ситуацией, сложившейся в обществе после

развала Советского Союза, когда прежние устои и ценности были разрушены, а независимая Россия только начинала свое становление. В таких условиях необходимо было найти точку консолидации общества, сферу преемственности и сохранения традиций. Праздник Победы позволял объединить несколько поколений россиян – от участников Великой Отечественной войны до их внуков и правнуков, что предопределило выбор именно этого исторического события в качестве консолидирующего мифа-основания. В 1995 г. На государственном уровне учреждается традиция ежегодного празднования Дня Победы с набором неизменных коммеморативных практик, центральной из которых стал ежегодный парад на Красной площади в Москве, который является выражением героического и патетического, утверждая триумф советского народа и подчеркивая историческую преемственность поколений.

С другой стороны, Великая Отечественная война все еще остается личным опытом для многих российских семей благодаря коммуникативной памяти (в терминологии Я. Асман) и межпоколенческим связям, что способствует зарождению коммеморативных практик «снизу». Примером такой акции может послужить «Бессмертный полк». Поддержанная государством, изначально небольшая акция в Томске, направленная на сохранение памяти об уходящих ветеранах, стала общенациональной и приобрела героический пафос памяти о вкладе каждого в Великую Победу. Благодаря созданию эмоциональной атмосферы личной сопричастности к значимому историческому событию коммеморативная практика стала использоваться государством с целью консолидации общества.

Обращение к теме войны как источника бедствий и непреодолимого несчастья происходит в современном мемориальном дискурсе России все реже в контексте Дня Победы. Чем больше времени проходит с момента Победы в Великой Отечественной войны как исторического события, тем больше коммеморативные практики приобретают характер праздника: проводятся концерты, исполняются песни военных лет, устраиваются танцевальные стилизованные акции (например, акция «Рио-Рита радость Победы»).

Мемориальные практики, связанные с парадигмой ужасного в теме войны, реализуются в другой день – День памяти и скорби – день начала Великой Отечественной войны. Коммеморативные практики, реализуемые в этот день, утрачивают пафос триумфа, в них усиливается патетика трагического. 22 июня приспускаются государственные флаги, проводятся поминальные молебны, проходит акция «Свеча памяти», возлагаются цветы к братским могилам. Память о мужестве и личном бесстрашии воинов-освободителей уступает место воспоминаниям о гибели миллионов солдат, женщин, стариков, детей.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Формирование коллективной памяти о значимом историческом событии проходит в несколько этапов, поступательно развиваясь от личных воспоминаний непосредственных участников события до культурной памяти, выполняющей функцию консолидации общества. Коллективная память о Великой Отечественной войне, завершившейся более 75 лет назад, находится на этапе перехода от коммуникативной к культурной памяти, о чем свидетельствуют попытки акторов политики памяти мифологизировать данное историческое событие и выработать на его основе исторический метанарратив с целью сплочения российского общества и поддержки российской идентичности.

2. Амбивалентность философского осмысления войны как социального явления, культурологическое восприятие войны как травматического прошлого обуславливают необходимость обдуманного и детального выбора смыслообразующих символов в мемориальном нарративе. В современной России в качестве центрального символа выступает образ народа-триумфатора, вокруг которого выстраивается мемориальный нарратив о героизме Красной Армии, мужестве павших, народе-освободителе, о героях, ставших символами войны.

3. В качестве инструментов формирования культурной памяти о Великой Отечественной войне государство использует коммеморативные практики, которые выстраиваются вокруг эстетических категорий героического, патетического и трагического. Пафос героизма и центральные образы современного мемориального дискурса России о Великой Отечественной войны были заложены непосредственно после ее завершения, в то время как модель коммеморации этого исторического события всё еще находится в стадии формирования: вводятся новые «изобретенные традиции», появляются новые коммеморативные практики. Возвышенное и героическое в канве воспоминаний, образующих культурную память о войне, возводятся в ранг нормативности, в то время как низменное преподносится, скорее, как явление исключительное. Ужасное трансформируется в трагическое. Патетика героизма и пат-

риотизма определяет характер коммеморативных практик, находит отражение в пластическом искусстве и в художественных произведениях. Даже в скорби по павшим мы обращаемся прежде всего к воспоминаниям об их героизме, наполняя факт их гибели символическим значением возвышенного чувства долга и любви к Родине, обращаемся к пафосу трагедии. Чем больше времени отделяет культурную память от самого события, тем более размываются границы парадигмы безобразного. Культурная память идеализирует войну, что грозит превращением реального исторического события в абстракцию.

Список литературы

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память / Рон Айерман; пер. с англ. Н. Поселягин // НЛО. 2016. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 26.09.2020).
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социологическое обозрение. 2014. Т. 3. № 2. С. 141–167.
5. Выстии Президент России на военном параде. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63560> (дата обращения: 22.02.2021).
6. Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 18–21.
7. Грибан И. В., Попп И. А. Не потерять связь поколений: проект «Живая история. 70 лет Великой Победы» // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 112–117.
8. Краткий словарь по эстетике. URL: <https://esthetiks.ru> (дата обращения: 03.10.2020).
9. Кривцун О. А. Эстетика : учебник / О. А. Кривцун. М. : Аспект Пресс, 2000. 434 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Krivcun/_Index.php (дата обращения: 03.10.2020).
10. Кузнецова Т. В. Эстетика трагического и комического (категория философского осмысления истории) // Философия и общество. 2012. № 4. С. 124–141.
11. Линченко А. А. Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 116–127.
12. Малинова О. Ю. Разговоры о «модернизации»: Анализ практики «общественных дискуссий» в современной России / О. Ю. Малинова // Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. Науки ; ред. кол. : Малинова О. Ю., гл. ред. и др. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 182–201.
13. Обращение тов. И. В. Сталина к народу // Правда. 1945. № 111 (9882). С. 1.
14. Печенкин А. А. Философия войны: история и современность / А. А. Печенкин // Новые идеи в философии : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь : Зебра, 2015. С. 27–33.
15. Ренан Э. Что такое нация? / Э. Ренана. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения: 25.09.2020).
16. Романовская Е. В. Историческая память: проблемы манипуляции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 1. С. 46–49.
17. Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 108–118.
18. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России / Е. С. Сенявская. М. : РОССПЭН, 1999. URL: <https://history.wikireading.ru/126253> (дата обращения: 28.09.2020).
19. Слава Севастополя. 1953–1960 гг.
20. Солодовникова Н. Г. Эмоции, с которыми не хочется расставаться, или Произвольность/непроизвольность эмоциональной памяти // Неофилология. 2017. № 3 (11). С. 20–27.
21. Ушакин С. Нам этой болью дышать? О травме, памяти и сообществах / Травма: пункты : сборник статей // Сост. Ушакин С. Трубина Е. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
22. Хлевнюк Д. Бернард Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 112–116.
23. Чуркин М. К. «Помнить нельзя забыть»: Великая Отечественная война 1941–1945 годов в коллективной памяти российского общества // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27).
24. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (дата обращения: 02.10.2020).

Transformation of the Great Patriotic War Commemoration practices in modern Russia

T. V. Stepansevich

postgraduate student of the direction "Cultural Studies", Crimean Federal University n. a. V. I. Vernadsky.
Russia, Simferopol. ORCID: 0000-0001-6956-6985. E-mail: tanya_stepantsevich@mail.ru

Annotation. The relevance of this article is due to the growing interest in the topic of the Great Patriotic War both in society and in the scientific circles of professional historians, cultural scientists, sociologists. The departure of a generation of direct participants in the events leads to the politicization of interpretations of historical events and "wars of memory" on the world stage. Collective memory provides a sense of continuity in the preservation of memories of an event and the continuity of generations. However, at the same time, the memory, passing the path of development from individual memory to cultural memory, it is transformed, re-evaluated by subsequent generations, refracted in the process of forming a historical myth and directed actions of the actors of the memory policy. All this makes it necessary to study the mechanisms of the formation of cultural memory of the war and the transformation of traumatic historical experience into a common memory of the heroic past at the present stage.

The purpose of this article is to identify and analyze the vectors of transformation of the image of the Great Patriotic War in the commemorative practices of modern Russia.

As a result of studying various sources, we came to the conclusion that the image of the Great Patriotic War in the cultural memory is ambivalent, since it includes both the pathos of the heroic and the aesthetics of the terrible, preserves the memory of the triumph and is invariably associated with the memory of millions of dead people. Attempts to use the memory of the Great Patriotic War as a foundation myth in the formation of Russian identity lead to the implementation of commemorative practices aimed at strengthening the image of the people-liberator, which leads to the dominance of the heroic and the transformation of the terrible into the tragic.

The data of this article can be used in further studies of the cultural memory of the Great Patriotic War, used in lectures and practical classes of students of specialized specialties.

Keywords: cultural memory of the war, the myth of the past, cultural trauma, the beautiful, the ugly.

References

1. Ayerman R. *Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat'* [Cultural trauma and collective memory] / Ron Ayerman; transl. from English by N. Poselyagin // NLO – UFO. 2016. No. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (date accessed: 26.09.2020).
2. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New literary research) 2014. 328 p.
3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity] / Ya. Assman; trans. from the German by M. M. Sokolskaya. M. Yazyki slavyanskoy kultury (Languages of Slavic culture). 2004. 368 p.
4. Vasil'ev A. *Voploshchennaya pamyat': kommemorativnyj ritual v sociologii E. Durkheim* [Embodied memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim] / A. Vasiliev // *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological research*. 2014. Vol. 3. No. 2. Pp. 141–167.
5. *Vystuplenie Prezidenta Rossii na voennom parade* – Speech of the President of Russia at the military parade. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63560> (date accessed: 22.02.2021).
6. Gornova G. V. *Kollektivnaya pamyat' i praktiki kommemoracii v formirovanii gorodskoj identichnosti* [Collective memory and the practice of commemoration in the formation of urban identity] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Herald of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*. 2017. No. 2 (15). Pp. 18–21.
7. Griban I. V., Popp I. A. *Ne poteryat' svyaz' pokolenij: projekt "Zhivaya istoriya. 70 let Velikoj Pobedy"* [No to lose the connection of generations: the project "Living History. 70 years of the Great Victory"] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical education in Russia*. 2015. No. 8. Pp. 112–117.
8. *Kratkij slovar' po estetike* – Short dictionary of aesthetics. Available at: <https://estetiks.ru> (date accessed: 03.10.2020).
9. Krivcun O. A. *Estetika : uchebnik* [Aesthetics : textbook] / O. A. Krivcun. M. Aspect Press. 2000. 434 p. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Krivcyn/_Index.php (date accessed: 03.10.2020).
10. Kuznecova T. V. *Estetika tragicheskogo i komicheskogo (kategoriya filosofskogo osmysleniya istorii)* [Aesthetics of the tragic and the comic (category of philosophical understanding of history)] // *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and society*. 2012. No. 4. Pp. 124–141.
11. Linchenko A. A. *Kommemorativnye praktiki i massovoe istoricheskoe soznanie: metodologicheskij aspekt* [Commemorative practices and mass historical consciousness: methodological aspect] // *Vestnik Tver-*

skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Herald of the Tver State University. Series: Philosophy. 2015. No. 2. Pp. 116–127.

12. Malinova O. Yu. *Razgovory o "modernizacii": Analiz praktiki "obshchestvennyh diskussij" v sovremennoj Rossii* [Conversations about "modernization": analysis of the practice of "public discussions" in modern Russia] / O. Yu. Malinova // *Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr.* – Symbolic politics : collection of scientific tr. / RAS. INION. Center for Social Science and Information. research Department of polit. M. 2012. Is. 1: Constructing ideas about the past as a power resource. Pp. 182–201.

13. *Obrashchenie tov. I. V. Stalina k narodu* – The appeal of Comrade I. V. Stalin to the people // *Pravda – Truth*. 1945. No. 111 (9882). P. 1.

14. Pechenkin A. A. *Filosofiya vojny: istoriya i sovremennost'* [The philosophy of war: history and modernity] / A. A. Pechenkin // *Novye idei v filosofii : materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', aprel' 2015 g.)* – New ideas in philosophy : materials of the I International Scientific Conference (Perm, April 2015). Perm. Zebra. 2015. Pp. 27–33.

15. Renan E. *Chto takoe naciya?* [What is a nation?] / E. Renan. Available at: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (date accessed: 25.09.2020).

16. Romanovskaya E. V. *Istoricheskaya pamyat': problemy manipulyacii* [Historical memory: problems of manipulation] // *Intellekt. Innovacii. Investicii* – Intelligence. Innovation. Investment. 2017. No. 1. Pp. 46–49.

17. Rybakovskij L. L. *Lyudskie poteri SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Human losses of the USSR in the Great Patriotic War] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological research. 2000. No. 6. Pp. 108–118.

18. Senyavskaya E. S. *Psihologiya vojny v XX veke. Istoricheskij opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century. Historical experience of Russia] / E. S. Senyavskaya. M. ROSSPEN. 1999. Available at: <https://history.wikireading.ru/126253> (date accessed: 28.09.2020).

19. *Slava Sevastopolya. 1953–1960 gg.* – The Glory of Sevastopol. 1953–1960.

20. Solodovnikova N. G. *Emocii, s kotorymi ne hochetsya rasstavat'sya, ili Proizvol'nost'/neproizvol'nost' emocional'noj pamyati* [Emotions, with which one does not want to part, or Arbitrariness/involuntariness of emotional memory] // *Neofilologiya* – Neophilology. 2017. No. 3 (11). Pp. 20–27.

21. Ushakin S. *Nam etoj bol'yu dyshat'? O travme, pamyati i soobshchestvah* / *Travma: punkty : sbornik statej* [Do we breathe this pain? About Trauma, Memory and Communities] / *Trauma: Points : collection of articles* // comp. Ushakin S. Trubina E. M. *Novoye literaturnoe obozrenie* (New Literary Review). 2009. 903 p.

22. Hlevnyuk D. *Bernard Gizen. Triumf i travma* [Bernard Giesen. Triumph and trauma] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* – Sociological review. 2010. Vol. 9. No. 2. Pp. 112–116.

23. Churkin M. K. *"Pomnit' nel'zya zabyt'": Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov v kollektivnoj pamyati rossijskogo obshchestva* ["To remember cannot be forgotten": The Great Patriotic War of 1941–1945 in the collective memory of Russian society] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* – Herald of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2020. No. 2 (27).

24. Shtompka P. *Social'noe izmenenie kak travma* [Social change as a trauma] / P. Shtompka. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (date accessed: 02.10.2020).

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (21) (2021)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.04.2021 г.
Дата выхода в свет 08.06.2021 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 100 экз. Заказ № 7131.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в объединенном каталоге «Пресса России» – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36